Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

ОЛЕНЬИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ТОМ I

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Зак. 108. Тип ВМА 20.10.93 г

ЖОМИНИ

II
А-845
1952 г.
Библиотека 1960

ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ I

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Бр 11846
2
Военно-Морская академия
Фундаментальная библиотека
Кораблестроения и Вооружения

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1939

Жомини, «Очерки военного искусства», том I. *Перевод с французского издания 1855 года.*

В I томе своего классического труда Жомини прежде всего выясняет значение теории военного искусства и дает его подразделение на отдельные дисциплины, а затем рассматривает политические и стратегические вопросы, связанные с ведением войн, иллюстрируя свои соображения и выводы ссылками на военную историю и на свой собственный боевой опыт.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Жомини родился 6 марта 1779 г. в семье мэра города Пайерн, в Швейцарии.

Военное дело Жомини привлекало с детства, но неоднократные попытки родителей устроить его в военную школу успеха не имели.

Изучив банковское дело в Базеле, Жомини в 1796 г. переехал в Париж, где некоторое время работал у разных коммерсантов, а потом стал биржевым маклером. Блестящие победы, одерживаемые Наполеоном в Италии, не могли не волновать страстно любившего военное дело Жомини, и он, забросив биржевые бюллетени, стал вести дневник военных действий, изучать военно-исторические труды, а также итальянские походы Наполеона.

В 1798 г. Жомини поступил на службу в войска Гельвеции (Швейцария), занимал должности адъютанта, а затем начальника секретариата военного министра. Он был одним из организаторов швейцарской национальной милиции и принимал активное участие в швейцарских походах Массены — будущего маршала Наполеона.

В 1803 г. Жомини издает I том «Теоретического и практического курса высшей тактики». В 1805 г. назначается на должность адъютанта маршала Нея и вместе с ним участвует в войне против Австрии.

В награду за личную храбрость Жомини был послан маршалом Неем к Наполеону с донесением об операциях в Тироле и под Ульмом. Вместе с донесением Жомини представил Наполеону свой новый труд, «Трактат о больших военных операциях». Наполеон произвел Жомини в чин полковника.

Вместе с маршалом Неем Жомини в 1806—1807 гг. участвовал также в походах против Пруссии и России; за проявленные способности в руководстве войсками он был назначен начальником штаба маршала и получил титул барона.

В 1807 г. Жомини опубликовал заключительную главу своего еще не оконченного «Трактата о больших военных операциях» — «О главных принципах военного искусства». Этот труд получил уже в то время широкую известность как во Франции, так и за границей и оказал большое влияние на военную мысль, пробудив интерес к военной теории.

В качестве начальника штаба маршала Нея в 1808 г. Жомини совершил поход в Испанию.

В течение 1811 и большей части 1812 г. Жомини работал над окончанием «Трактата о больших военных операциях» и по личному заданию Наполеона написал историю его итальянских походов.

Завистники боевых успехов маршала Нея распустили слухи о том, что Ней своим успехом обязан Жомини. Слухи дошли до Нея, и Жомини был уволен с военной службы. Попытки реабилитировать себя ни к чему не привели. Тогда оскорбленный Жомини обратился к Александру I с просьбой принять его на русскую военную службу. Александр I согласился. Сведения об этом дошли до Наполеона, который через военного министра предложил Жомини или снова поступить во французскую армию с чином генерала, или он его посадит в Венсенскую тюрьму. Возвратившись в ряды французской армии, Жомини назначается в штаб генерала Бертье.

В 1812 г., во время нашествия Наполеона на Россию, Жомини был комендантом Вильны, а затем губернатором Смоленска. За время пребывания в должности губернатора он создал крупные снабженческие базы. Он занимался также изучением местности, особенно рек и переправ через них. При отступлении войск Наполеона из Москвы эти сведения Жомини способствовали избранию переправы через реку Березину.

Помирившись с маршалом Неем, Жомини с согласия Наполеона снова был назначен его начальником штаба. В этой должности он участвовал в сражении при Бауцене. Маршал Ней представил его к чину дивизионного генерала за заслуги, проявленные в сражении при Бауцене. Но маршал Бертье, вследствие допущенного Жомини незначительного упущения не только отказал в повышении, но объявил ему выговор.

Жомини обиженный происками Бертье, 14 августа 1813 г., во время перемирия у Першевица, явился в ставку коалиции в Праге и вновь предложил свои услуги Александру I, Александр I назначил Жомини своим генерал-адъютантом и дал чин генерал-лейтенанта.

Вспоминая об этом, Наполеон говорил, что генерал Бертье поступил с Жомини слишком жестоко, а Жомини, будучи швейцарцем, не мог поступить иначе, так как его не удерживало национальное чувство француза.

В 1815 г. Жомини сопровождал Александра I в Париж и вместе с ним участвовал на Аахенском и Веронском конгрессах.

Постоянно в России Жомини стал жить с 1822 г.

Он принимал участие в разработке планов операций против Турции, а также лично участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

По предложению Жомини в 1832 г. была организована первая военная академия в России.

В 1837 г. Жомини начал писать и в 1840 г. издал свой новый труд, «Очерки военного искусства» в двух томах.

Состояние здоровья заставило Жомини покинуть Россию и переехать в Брюссель. Однако во время Восточной войны 1853—1856 гг., по приглашению Николая I, он снова вернулся в Россию и принимал участие в военных совещаниях. В 1855 г., в чине генерал-аншефа, Жомини окончательно покинул Россию, поселившись сначала в Бельгии, а потом в Пасси, вблизи Парижа, где и умер в 1869 г., 90 лет от роду.

Жомини первый исследовал и описал войны французской буржуазной революции конца XVIII века и Наполеона I.

Он обобщил и систематизировал факты и выводы многовековой истории войн и на основе тщательного их анализа разработал теорию военного искусства периода XVIII и XIX веков. Своими сочинениями Жомини оказал огромное влияние на развитие теории стратегии.

В «Очерках военного искусства» Жомини подверг жесточайшей критике принципы Бюлова («Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование») и на опыте войн французской буржуазной революции против сил контрреволюционной коалиции доказал, что поражения противника можно достигнуть только путем решительного наступательного сражения, длительно сохраняя инициативу; окончательный разгром противника возможен лишь в его решительном преследовании.

Изучая войны Фридриха II и Наполеона I, Жомини пришел к выводу, что для достижения победы над противником на поле сражения нужно во-время бросить в решающий пункт основную массу войск. Стратегически наступающей стороне Жомини рекомендует стремиться к охвату фланга противника и к выходу главными силами своих войск на его сообщения. Стратегический охват обоих флангов противника Жомини счи-

тает выполнимым при условии подавляющего численного превосходства. Если противник растянулся по фронту и обойти один из его флангов не представляется возможным, в этом случае Жомини рекомендует наступать на главную группировку сил противника и, разделив ее на части, бить их поврозь.

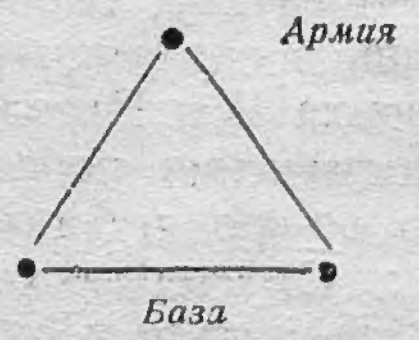
Оценивая виды боя — наступление, преследование, оборону,— Жомини считает наступление активнейшим видом боя, резко подчеркивает значение преследования противника и в обороне видит временные и выжидательные боевые действия войск, с тем чтобы в подходящий момент перейти в наступление. Моральную силу войск Жомини признает основной и решающей силой, почему он и рекомендует поднимать моральное состояние своих войск и подавлять его в войсках противника.

При разработке основных положений теории военного искусства Жомини исходил из правильных предпосылок исторического опыта ведения войн. Но математический метод исследования теоретических вопросов, принятый Бюловым *, имел сильное влияние на Жомини, который своим исследованиям придал подобный же характер. Увлечение Жомини законами геометрических форм, формально-логический метод мышления привели к тому, что его доказательства приняли формальный вид, выводы превратились в догму, военное искусство представлено неизменным на все времена, а полководческое искусство Наполеона возведено в незыблемый образец.

В томе I «Очерков военного искусства» Жомини пишет: «Все мое сочинение ведет к доказательству вечного значения принципов и к объяснению того, что для искусных и удачных операций необходимо применение этих основных принципов». Это привело Жомини к неправильным выводам и подвергло его вполне справедливым упрекам (со стороны Клаузевица

---

* Бюлов, например, доказывал, что «расположение армии (точка) и ее базы (линии) должны составлять равносторонний треугольник». Схематически доказательство Бюловым представляется так:



При удалении от базы (линии) на большее расстояние, чем стороны треугольника, база должна перемещаться вперед.

й др.) в том, что он не учитывает изменений социально-экономических условий общества, оказывающих влияние на развитие военного искусства, и отрицает возможность развития военного дела.

Около столетия теории и принципы Жомини признавались незыблемыми многими видными военными исследователями в царской России и за границей (Леер, Драгомиров, Михневич, Бонналь, Куропаткин, Фош, Гранмезон и т. д.). Драгомиров, например, утверждал, что «наполеоновская тактика покоится на незыблемых основаниях, на которые не могут повлиять никакие изменения в вооружении войск». Бонналь основывался на утверждении Жомини, что наступление имеет преимущество над обороной, и совершенно отрицал оборону как форму боя; он говорил: «Только наступление ведет к решительным результатам...» Гранмезон пошел еще дальше Бонналя: он утверждал, что «наступление является единственным способом действий для французов... не ожидая выяснения обстановки,— стремиться атаковать всюду».

Опыт первой империалистической войны 1914 — 1918 гг. с предельной ясностью доказал вред схематизма и игнорирования конкретной обстановки.

Французская армия, воспитанная на идеях Бонналя и Гранмезона, в первые дни войны 1914 — 1918 гг. пробовала применить эти идеи, не считаясь с конкретной обстановкой, и потерпела поражение в пограничном сражении. Германская армия, воспитанная на идеях Мольтке, Шлиффена, считала своей задачей наступать, окружать, уничтожать и после полууспеха в пограничном сражении бросилась в безостановочное наступление на французов; в результате на Марне она оказалась в крайне невыгодном положении, и вопреки своей доктрине на главном направлении ей пришлось обороняться и, наконец, отступать. Германская армия оказалась неподготовленной для ведения большой войны и в первой империалистической войне 1914 — 1918 гг. потерпела поражение.

Для наступления нужна не только доктрина, но соответствующая подготовка армии, ее техническое оснащение, организованный тыл и уменье создать обстановку, где это наступление привело бы к успеху, а не к поражению.

Образцом умелого ведения наступательного боя служит Рабоче-Крестьянская Красная Армия СССР в период гражданской войны. Три похода Антанты не были бы разгромлены, если бы стратегия Рабоче-Крестьянской Красной Армии не была направлена на решительное наступление на главном на-

правлении, завершенное окружением и неотступным преследованием, в сочетании с той огромной партийно-политической работой, какую проводила большевистская партия.

* * *

Несмотря на отмеченные нами недостатки, значение Жомини как военного классика все же огромно.

Фридрих Энгельс, оценивая Клаузевица и Жомини, говорит: «...Клаузевиц является таким же образцовым автором по работам о линейных войсках в мировой литературе, как и Жомини...»*

* * *

Учитывая огромный интерес командного и начальствующего состава РККА к трудам военных классиков, Воениздат выпускает «Очерки военного искусства» Жомини, которые, несмотря на вековую давность, в основном не утратили научного интереса и принесут пользу советскому читателю при изучении наследия прошлого**.

---

* Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, т. I, стр. 437—438, изд. 1937 г., Воениздат.

** Те места труда Жомини, которые к нашему времени утратили научный интерес, Воениздатом опущены.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Так как мой труд «Трактат о больших военных операциях» нельзя назвать законченным целым произведением, я решил сначала восполнить в нем пробелы и издал в 1829 г. «Аналитический обзор главных военных комбинаций». Будучи выполнен несколько поспешно и задуман исключительно как дополнение к упомянутому выше моему «Трактату», этот первый опыт не должен рассматриваться как отдельное сочинение.

Получив в прошлом году предложение несколько его дополнить, чтобы сделать пригодным для изучения, я его превратил в достаточно законченный труд.

Ряд новых статей о войнах политических и национальных, о высшем управлении военными операциями, о моральном состоянии армий, об оборонительных линиях, об операционных зонах и линиях, о стратегических резервах и временных базах, наконец, о стратегии в горной войне, о способе оценки движений противника и о больших отрядах, не говоря уже о многочисленных улучшениях, сделанных в других статьях, — все это совершенно обновило мой труд. Несмотря на все перечисленные изменения, он появился сначала под своим старым названием. Но, приняв во внимание мнение книгопродавцев, я пришел к убеждению в необходимости дать ему новое название, чтобы отличить его от отдельных очерков, ему предшествовавших. И я назвал его: «Очерки военного искусства, или новый аналитический обзор...» и т. д.

Настоящее второе издание этих «Очерков» — мое последнее слово о высших умозрительных комбинациях войны. Издание это будет еще дополнено несколькими интересными статьями

об операционных базах и фронтах; о логистике, или практическом искусстве вождения армий; о дальних крупных вторжениях; о стратегических линиях и о маневрах обхода боевого порядка. Кроме того, почти все остальные статьи получили дальнейшее развитие.

Не имея возможности развить исследования о деталях приложения искусства, что не соответствовало ни объему, ни цели моего труда, я указал сочинения, где даны такие подробности, поскольку это вообще возможно. Все такие детали должны содействовать лучшему применению умозрительных комбинаций большой войны. Естественно, что применение их на деле всякий будет осуществлять согласно своему характеру, своим дарованиям и способностям,— тут давать наставления уже трудно, они могут служить лишь приблизительными вехами.

Я буду счастлив, если мои читатели найдут в этой книге главнейшие основы таких комбинаций и примут ее благосклонно. Я приношу извинение за стиль и в особенности за постоянные повторения технических выражений. В настоящее время, когда искусство владеть словом широко распространено, каждый имеет право быть требовательным; но действительное достоинство сочинения, преследующего цели поучения и полного сложных определений, заключается, несомненно, в его ясности; а чтобы ее добиться, приходится допускать эти частые, ничем не заменимые повторения слов и даже идей и не гнаться за изяществом изложения.

Меня, может быть, упрекнут в несколько излишнем увлечении определениями, но, признаюсь, я считаю это своей заслугой. Чтобы установить основы науки, до сих пор мало известной, существенно важно прежде всего условиться относительно различных наименований, которые следует дать комбинациям, составляющим науку, так как иначе невозможно было бы их различить и классифицировать. Я не скрываю, что некоторые из моих определений могли бы быть улучшены, а так как я нимало не претендую на непогрешимость, то первый готов принять те из них, которые оказались бы более удовлетворительными.

Наконец, если я часто приводил в качестве примера одни и те же события, то я решался на это ради удобства читателей, не хранящих всех кампаний в своей памяти или в своей библиотеке. Достаточно, таким образом, знать упоминаемые события — и доказательства становятся понятными; у тех же, кто знает современную военную историю, не будет недостатка в еще большем запасе доказательных примеров.

6 марта 1837 г.

ЗАМЕТКА О СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ВОЙНЫ И О ЕЕ ПОЛЕЗНОСТИ

Чтобы дать лучшее представление о целях, преследуемых настоящим очерком военного искусства, я полагаю необходимым предпослать ему несколько строк о современном состоянии теории войны.

Я буду вынужден сказать несколько слов также о себе и о своих сочинениях. Надеюсь, что мне это простят, потому что было бы трудно объяснить свои мысли об этой теории и то участие, которое мне довелось принять в ее создании, не сказав ничего о том, как она сложилась у меня самого.

* * *

Как я указывал в главе о принципах, вышедшей отдельным изданием в 1807 г., *военное искусство существовало во все времена,* и особенно стратегия была одной и той же как при Цезаре, так и при Наполеоне. Но искусство, замыкаясь в головах великих полководцев, не было изложено ни в одном писаном трактате. Все книги давали только обрывки систем, выросших в воображении авторов и обычно содержавших мелочные (чтобы не сказать пустые) детали о самых второстепенных вопросах тактики, единственной, пожалуй, части учения о войне, которую невозможно подчинить твердым правилам.

Из числа современных писателей приобрели известность Фекьер [1], Фолар [2] и Пюисегюр [3]: первый — в высокой степени интересными критическими и догматическими повествованиями; второй — своими комментариями к Полибию и его трактату о колонне; третий — сочинением, которое, я думаю, было первым опытом логистики и одним из первых приложений косого боевого порядка древних *.

---

* Фекьер не был оценен должным образом своими современниками, по крайней мере как писатель. Он обладал инстинктом в стратегии, как Фолар в тактике, а Пюисегюр — в логистике.

Однако эти писатели не слишком-то глубоко проникли в недра, которые они собирались эксплоатировать, а потому, чтобы составить себе верное представление о состоянии военного искусства в середине XVIII столетия, следует прочесть, что писал маршал Саксонский [4] в предисловии к своим «Мечтам».

«Война, — писал он, — есть область знания, покрытая мраком, в котором нельзя итти уверенным шагом. Рутина и предрассудки как естественное последствие неведения составляют ее основу. Все области знания имеют принципы, одна лишь война их вовсе еще не имеет: великие полководцы, писавшие о ней, не дают нам никаких принципов. Надо иметь большой опыт, чтобы их понять.

Густав-Адольф создал метод, но от него вскоре отошли, так как обратили его в рутину. Следовательно, имелись только одни привычные действия, *принципы которых нам неизвестны*».

Это было написано около того времени, когда Фридрих II [5] разыгрывал прелюдию к Семилетней войне своими победами при Гогенфридберге, Зооре и т. д., а маршал Саксонский, вместо того чтобы рассеять мрак, на который он столь справедливо жаловался, сам развлекался разработкой систем обмундирования солдат в шерстяные блузы, построения их в четыре шеренги, из которых две были вооружены пикой, наконец, предложением ружей-пушек, названных им «забавами» («амюзет»). Они и в самом деле заслуживали этого названия по украшавшим их забавным изображениям.

В результате этих войн, длившихся семь лет, появилось несколько хороших сочинений. Сам Фридрих, не довольствуясь тем, что был королем, сделался еще и дидактическим писателем, составив наставление для своих генералов. Гишар, Тюрпен, Мезруа [6], Мениль-Дюран [7] вели ученые споры как о древней, так и о современной им тактике и выпустили несколько интересных трактатов по этим вопросам. Тюрпен комментировал Монтекукули и Вегеция. Маркиз де-Сильва в Пьемонте, Санта-Круц в Испании тоже с успехом занимались обсуждением некоторых отраслей военного дела. Наконец, Декремвиль [8] издал не лишенный достоинств очерк истории военного искусства. Но все это ни в какой мере не рассеяло того мрака, на который жаловался победитель при Фонтенуа.

Несколько позже появились Гримоар, Гибер [9] и Ллойд. Первые два двинули вперед тактику сражений и логистику *. По-

---

* Гибер в превосходной главе о маршах слегка коснулся стратегии, но не выполнил того, что обещала эта глава.

следний затронул в своих интересных мемуарах важные вопросы стратегии, но, к несчастью, он нагромоздил на них целый ворох мелочей по вопросу о тактических построениях и о философии войны. Хотя автор и не разрешил ни одного из поднятых им вопросов настолько удовлетворительно, чтобы превратить их в связную систему, все же надо отдать ему справедливость и признать, что он первый указал правильный путь. Впрочем, его описание Семилетней войны, в котором он закончил только две кампании, было более поучительно (для меня, по крайней мере), чем все остальные написанные им труды догматического характера.

За промежуток времени между Семилетней войной и войнами французской революции в Германии появилось множество более или менее пространных сочинений по различным второстепенным отраслям военного искусства, на которые они бросили слабый свет. Тилькe и Фэш опубликовали в Саксонии: первый — отрывки о кастраметации [10], т. е. об атаке лагерей и позиций, второй — сборник правил по второстепенным вопросам военных действий. Шарнгорст то же самое проделал в Ганновере; Варнери издал в Пруссии довольно хороший труд о кавалерии, барон Гольцендорф — сочинение о маневренной тактике. В Австрии граф Кевенхюллер издал сборник правил о полевой и осадной войнах. Но из всех этих писаний ни одно не давало достаточного представления о высших отраслях военной науки.

Наконец, даже Мирабо, вернувшись из Берлина, опубликовал огромный том о прусской тактике, который сухо воспроизводил устав перестроений взвода и линейного порядка, каковым, в простоте душевной, приписывали наибольшую часть успехов Фридриха! Если подобные книги и могли способствовать распространению такого заблуждения, то следует все же признать, что они способствовали также усовершенствованию устава 1791 г. о маневрировании, — единственный результат, которого только и можно было от них ожидать.

Таково было состояние военного искусства к началу XIX века, когда Порбек, Вентурини и Бюлов опубликовали несколько брошюр о первых кампаниях революции. Последний в особенности произвел в Европе некоторую сенсацию своим «Духом системы современной войны», сочинением человека гениального, представлявшим собой, однако, лишь набросок, мало что добавлявший к начальным понятиям, изложенным Ллойдом.

В это же время появился и в Германии под скромным заглавием «Введение в изучение военного искусства» весьма ценный труд Ляроша-Эймона [11], являющийся настоящей энциклопедией

по всем отраслям военного искусства, за исключением стратегии, на которую там почти нет указаний. Но, несмотря на такой пробел, этот труд все же является одним из классических трудов, наиболее полных и наиболее рекомендуемых.

Я не был еще знаком с этими двумя последними книгами, когда, оставив военную службу в Швейцарии (где я был командиром батальона), старался пополнить свое образование самообучением, жадно изучая ученые споры, волновавшие военный мир во второй половине XVIII века. Начиная с Пюисегюра и кончая Мениль-Дюраном и Гибером, я у всех нашел лишь более или менее полные *системы* тактики сражений, которые могли дать лишь несовершенное представление о войне, так как все они противоречили одно другому самым плачевным образом.

Тогда я обратился к сочинениям по военной истории, чтобы в комбинациях великих полководцев отыскать решение вопросов, которого мне совершенно не давали системы этих писателей. Уже реляции Фридриха II начали посвящать меня в тайну, которая доставила ему чудесную победу при Лейтене (Лиссе). Я заметил, что тайна эта заключалась в очень простом маневре — в направлении главных сил против одного только крыла неприятельской армии, и Лloйд вскоре укрепил меня в этом убеждении. Позже я вновь обнаружил ту же причину и в первых успехах Наполеона в Италии; это подало мне мысль, что *если в стратегии применять на всем театре войны тот самый принцип, который Фридрих применял на поле сражения, то будет найден ключ ко всей науке о войне.*

Я не мог больше сомневаться в этой истине, когда затем перечитывал кампании Тюренна, Мальборо, Евгения Савойского и сравнивал их с кампаниями Фридриха, которые Темпельгоф тогда только что описал с подробностями, полными величайшего интереса, хотя несколько тяжеловесными и слишком часто повторяемыми. Я понял тогда, что маршал Саксонский имел полное основание говорить, что в 1750 г. не существовало твердо установленных принципов искусства ведения войны, а также что многие его читатели неправильно истолковали его предисловие, делая вывод, что этих принципов вообще не существует.

Убедившись, что я уловил настоящую точку зрения, с которой и следовало рассматривать теорию войны, чтобы открыть ее истинные правила и уйти из всегда столь неверной сферы личных систем, я принялся за дело со всем пылом неофита.

В течение 1803 г. я написал один том, который сначала представил г. де-Убрилю, секретарю русского представительства в Париже, а потом — маршалу Нею. Но попавшие мне тогда в руки труд Бюлова по стратегии и сочинение по истории Ллойда, переведенное Ру-Фазильяком, привели меня к решению иначе построить план моего труда. Первым моим опытом был дидактический трактат о боевых порядках, о стратегических маршах и об операционных линиях. По своему характеру он был сух и все время прерывался ссылками на историю, которые, будучи сгруппированы по темам, имели то неудобство, что в одной и той же главе поясняли события, часто отделенные одно от другого целым столетием. Ллойд в особенности убедил меня в том, что критическое и толковое описание целой войны имеет то преимущество, что в нем сохраняются последовательность и единство в повествовании и в ходе событий, ничуть не мешая изложению основных правил, потому что десяти кампаний хватит с избытком для показа применения всех возможных правил войны. Я сжег поэтому свой первый труд и снова принялся за дело, предполагая дать продолжение истории Семилетней войны, не доведенной до конца Ллойдом. Это тем более отвечало моим желаниям, что тогда мне было всего 24 года и опыт у меня был небольшой, предстояло же мне столкнуться со многими предрассудками и с громкими, несколько узурпированными репутациями, так что я нуждался в мощной поддержке событий, которые я, так сказать, заставил бы говорить самих за себя. Я остановился, таким образом, на этом последнем плане, который к тому же представлялся мне наиболее подходящим для всех категорий читателей. Несомненно, дидактический труд представлялся бы предпочтительным как для целей исследования, так и для большей цельности изложения комбинаций военной науки, несколько разбросанных по отдельным описаниям этих кампаний. Но так как сам я почерпнул гораздо больше полезного из внимательного чтения одной толково разработанной кампании, чем из всех вместе взятых догматических сочинений, книга же моя, вышедшая в свет в 1805 г., предназначалась для офицеров высших званий, а не для школьников, то я мог считать, что мой план будет для них так же пригоден, как и для меня. Война с Австрией, начавшаяся в том же году, не дала мне возможности уделить сочинению желаемого внимания, и я смог выполнить только часть своего проекта.

Несколько лет спустя эрцгерцог (Карл Австрийский. — *Ред*). предпослал своему известному прекрасному труду фолиант о большой войне, в котором уже сказывался гений мастера

военного дела. Около того же времени появилась небольшая брошюра о стратегии майора Вагнера, бывшего тогда на австрийской службе; этот очерк, полный разумных взглядов, предвещал, что со временем автор даст что-либо более совершенное; это он недавно и выполнил. В Пруссии тоже начал успешно изучать эти вопросы генерал Шарнгорст.

Наконец, через 10 лет после выхода моего первого «Трактата о больших операциях» появилось крупное произведение эрцгерцога Карла, в котором сочетались дидиктический и исторический методы изложения, причем эрцгерцог сначала дал небольшой том основных начал стратегии, а затем четыре тома критической истории кампаний 1796 и 1799 гг. в целях разъяснения их практического применения. Это сочинение, делающее знаменитому эрцгерцогу столько же чести, как и выигранные им сражения, завершило построение оснований стратегии как науки, в которой Ллойд и Бюлов были пионерами и первые принципы которой я указал в 1805 г. в статье об операционных линиях, а в 1807 г. — в статье об основных принципах военного искусства, вышедшей отдельным изданием в Глогау (в Силезии).

Падение Наполеона, возвратив многих любящих научную работу офицеров к мирным досугам, явилось как бы сигналом для появления множества военных сочинений всякого рода. Генерал Ронья дал повод ко многим спорам своим предложением восстановить систему легионов или республиканских дивизий, нападая на несколько авантюристическую систему Наполеона. Германия оказалась особенно плодовитой по части догматических произведений: Ксиландер в Баварии, Теобальд и Мюллер в Вюртемберге, Вагнер, Деккер, Гойер и Валентини в Пруссии опубликовали разного рода труды, которые, в сущности, являлись повторением основных начал, установленных эрцгерцогом и мною, но иначе развитых в их прикладной части [12].

Хотя некоторые из этих авторов скорее утонченно, чем действительно успешно, обрушились на мою главу о центральных операционных линиях, а другие иногда слишком много занимались преувеличенно точными расчетами, все же их сочинениям нельзя отказать в заслуженном ими уважении, ибо все они содержат более или менее превосходные взгляды.

В России генерал Скунев разработал серьезную тему о «совместных и отдельных действиях трех родов войск», которая явилась основой теории боя, и этим оказал существенную услугу молодым офицерам.

Во Франции Гей-Вернон, Жаккино, де-Прэль и Роканкур опубликовали не лишенные достоинства курсы.

Между тем я на собственном опыте убедился, что моему первому трактату нехватало сводки основных начал, подобной предпосланной труду эрцгерцога; это побудило меня издать в 1829 г. первый набросок настоящего аналитического обзора с добавлением к нему двух интересных статей о военной политике государств.

Я использовал этот случай для защиты основных положений своей статьи об операционных линиях, плохо усвоенных многими писателями. Эта полемика привела, по крайней мере, к более разумным определениям, подтвердив вместе с тем все действительные преимущества центральных операций.

Год спустя после издания этого аналитического обзора умер прусский генерал Клаузевиц, оставив своей вдове заботу об опубликовании своих посмертных сочинений, о которых говорили как о незаконченных очерках. Этот труд произвел большую сенсацию в Германии. Я же со своей стороны сожалею, что он был написан прежде, чем автор ознакомился с моим «Очерком военного искусства», так как я уверен, что он отнесся бы к нему с должной справедливостью.

Нельзя отказать генералу Клаузевицу в большой эрудиции и в умении владеть пером; но перо это, иногда несколько сбивающееся с пути, слишком претенциозно для дидактических дискуссий, первыми достоинствами которых должны быть простота и ясность. Кроме того, автор проявляет слишком много скептицизма в вопросах военной науки; его первый том — не что иное, как разглагольствования против какой бы то ни было теории войны, тогда как оба следующих тома, полные тесретических правил, доказывают, что автор верит в эффективность своей доктрины, хотя и не доверяет доктринам других.

Что касается меня, то я должен признать, что в этом ученом лабиринте я мог найти лишь небольшое число ярких идей и выдающихся по интересу статей, а поскольку я далеко не разделял скептицизма автора, ни одно сочинение не могло бы содействовать больше, чем это, зарождению во мне сознания необходимости и пользы хороших теорий, если бы вообще я когда-либо мог в этом сомневаться. Важно только договориться о границах, которые следует поставить этим теориям, чтобы не впасть в педантизм, худший, чем невежество *.

---

* Человек, не обладающий знаниями, но одаренный от природы гением, может творить большие дела; тот же человек, напичкан-

В особенности надо хорошо разбираться в различии, существующем *между теорией принципов и теорией систем.*

Мне, может быть, возразят, что в большей части статей настоящих очерков я сам признаю, как мало можно дать безусловных правил по отдельным вопросам, которые в них трактуются. Я охотно признаю правильность этого указания, но разве это значит, что совсем нет теории? Если из сорока пяти статей в одних имеется по десяти неоспоримых правил, в других же всего лишь по одному или по два, то разве недостаточно ста пятидесяти—двухсот правил для формулировки весьма почтенного собрания стратегических или тактических доктрин? И если прибавить к этому множество правил, более или менее допускающих исключения, то разве у вас не окажется больше, чем нужно, догм для создания вполне определенного взгляда на все операции войны?

В то самое время, когда, как казалось, Клаузевиц старался таким образом подкопать основы военной науки, во Франции появился труд совершенно противоположного характера, а именно сочинение маркиза де-Тэрнэй, французского эмигранта, бывшего на службе в Англии. Труд этот — бесспорно наиболее полный из всех имеющихся по тактике сражений, и если автор иногда впадает в противоположную прусскому генералу крайность, формулируя в виде доктрин подробности выполнения, часто на войне неосуществимые, то все же нельзя отказать ему в поистине замечательных достоинствах и в праве на одно из первых мест среди тактиков.

Я упомянул в настоящем обзоре только об общих трактатах, а не о частных сочинениях по отдельным родам войск. Сочинения Монталамбера, Сен-Поля, Бусмара, Карно, Астера, Блессона привели к прогрессу в искусстве осад и в фортификации. Эмбер пытался связать его с принципами тактики, Лярош-Эймон, Мюллер и Бисмарк тоже осветили многие вопросы конницы. Последний счел своим долгом в одном из журналов, который, к сожалению, дошел до меня лишь через шесть лет по его выходе, выступить против меня и моих сочинений, так как я сказал, — может быть, слишком легкомысленно положившись на слово одного известного генерала, — что пруссаки упрекают Бисмарка в том, что он в своей последней брошюре будто бы списал не изданную еще инструкцию правительства своим кавалерийским генералам.

ный ложными доктринами, изученными в школе, и начиненный педантическими системами, не создаст ничего хорошего, пока не забудет того, чему научился.

Порицая мои сочинения, генерал Бисмарк пользовался своим правом не только в порядке возмездия, но и в том смысле, что каждая книга создана для того, чтобы вызывать суждения и споры. Однако, вместо того чтобы доказать несправедливость упрека и сформулировать хотя бы одну претензию, он счел более удобным ответить оскорблениями, на которые ни один военный никогда не станет отвечать в книгах, имеющих иное назначение, чем служить для сведения личных счетов. Пусть будут судьями в нашем деле те, кто сравнит настоящую заметку со смехотворными претензиями, которые мне приписывает Бисмарк.

Довольно странно обвинять меня, будто бы я сказал, что военное искусство не существовало до меня, тогда как в опубликованной в 1807 г. статье «О принципах», о которой я говорил выше и которая имела некоторый успех в военном мире, первая же фраза начиналась словами: «*Военное искусство существовало с незапамятных времен...*» Я говорил лишь, что не было книг, которые провозглашали бы существование общих принципов и их применение в стратегии ко всяким комбинациям на театре войны. Я говорил, что я первый попытался дать этому доказательство; другие же десять лет спустя только усовершенствовали мою работу, не доведя, однако, ее до надлежащей полноты. Тот, кто стал бы отрицать эту истину, поступил бы недобросовестно.

Вообще же я никогда не осквернял своего пера личными нападками на преданных работе людей, посвятивших себя науке, и если я не разделял их учений, то выражал это всегда сдержанно и беспристрастно. Было бы желательно, чтобы так поступали все и всегда.

Но возвратимся к нашей теме.

Артиллерия со времен Грибоваля [13] и д'Ортюби имела свои справочники и множество отдельных трудов, из числа которых выделяются сочинения Деккера, Пеанса, Гойера, Равикию и Руврya. Исследования ряда авторов, среди которых — маркиз де-Шамбрэ и генерал Окунев, писавшие об огне пехоты, наконец, рассуждения большого числа офицеров, печатавшиеся в интересных военных журналах Вены, Берлина, Мюнхена, Штутгарта и Парижа,— тоже сильно способствовали постепенному прогрессу тех отраслей военного дела, которые они подвергали обсуждению *.

---

* В числе редакторов этих статей следует отметить Шееля, Вагнера и Прокеча, способствовавших заслуженной репутации «Австрийского военного журнала».

Было также несколько попыток дать историю военного искусства с древних времен до наших дней. Траншан-Ляверн изложил ее, выказав ум и наблюдательность, но не полно. Карион-Низас, слишком велеречивый в отношении древних и сдержанный в отношении эпохи от Возрождения до Семилетней войны, совершенно не справился с современной системой. Рсканкур разработал те же вопросы, но более удачно. Прусский майор Цириаци и его продолжатель сделали это еще лучше. Наконец, неаполитанский офицер, капитан Бланки, произвел интересный разбор различных периодов военного искусства в теории и на практике.

Имея в виду этот обширный список современных писателей, можно предположить, что *если бы маршал Саксонский появился вновь среди нас, он был бы очень поражен современным богатством нашей военной литературы и не стал бы больше жаловаться на мрак, окутывающий науку.* Отныне не будет недостатка в хороших книгах для тех, кто желает их изучать, ибо сейчас имеются принципы, тогда как в XVIII веке были лишь методы или системы.

Тем не менее приходится признаться, что, для того чтобы сделать теорию возможно полной, недостает важной работы, и, по всей видимости, долго еще будет недоставать; это должно быть углубленным исследованием четырех различных систем, которыми руководствовались в течение целого столетия, — системы Семилетней войны, системы первых кампаний революции, системы больших нашествий Наполеона и, наконец, системы ведения войны Веллингтона. Из такого сравнительного исследования нужно было бы вывести как следствие смешанную систему, пригодную для регулярных войн, в которую частично вошли бы методы Фридриха и Наполеона, или, лучше сказать, следовало бы развить двойственную систему — для обычных войн между государствами и для больших нашествий. Я дал набросок такой важной работы в ст. XXIV гл. III, но поскольку тема потребовала бы целых томов, я вынужден был ограничиться указанием на эту задачу для тех, кто почувствует в себе достаточно решимости и будет располагать достаточным досугом, чтобы хорошо ее выполнить, и кому посчастливилось бы найти справдание для этих смешанных доктрин в новых событиях, которые могли бы послужить их подтверждением.

Пока же я закончу этот краткий очерк изложением своего взгляда на ту полемику, предметом которой явились настоящий обзор и мой первый трактат. Взвешивая все, что было сказано за и против, сопоставляя громадные успехи, достигну-

тые военной наукой за тридцать лет, с неверием Клаузевица, я считаю себя в праве сделать вывод, что вся совокупность моих принципов и вытекающих из них правил была плохо усвоена многими писателями, что одни давали им самое ошибочное применение, другие же вывели из них преувеличенные следствия, которые никогда не могли притти мне в голову, потому что генерал, участвовавший в двенадцати кампаниях, *должен знать, что война есть великая драма, в которой тысячи моральных или физических причин действуют более или менее сильно и которую нельзя свести к математическим подсчетам.*

Но я должен также вполне откровенно признаться, что двадцать лет опыта только упрочили во мне следующие убеждения:

«Существует небольшое число основных принципов войны, от которых никто не смог бы отступить без риска подвергнуться опасности и применение которых, напротив, почти во все времена увенчивалось успехом.

Практических правил, вытекающих из этих принципов, — тоже небольшое число, и если они оказываются иногда измененными в соответствии с обстановкой, то, тем не менее, они могут служить компасом для полководца, чтобы направлять его в выполнении всегда трудной и сложной задачи руководства большими операциями среди боевого шума и суматохи.

Природный гений, в силу счастливого вдохновения, несомненно, сумеет применять принципы так же хорошо, как смогла бы это сделать самая разработанная теория. Но теория простая, свободная от всякого педантизма, восходящая к первопричинам без построения абсолютных систем, — одним словом, базирующаяся на нескольких основных началах, — часто может дополнить гениальность и даже послужить развитию природного гения, повышая его доверие к своим собственным вдохновенным мыслям.

Из всех теорий военного искусства единственно разумной является такая, которая, будучи основана на изучении военной истории, допускает некоторое число регулирующих принципов, но при этом предоставляет природной гениальности наибольшую долю в общем ведении войны, не сковывая ее односторонними правилами.

Напротив, ничто не может так подавить врожденную гениальность и подготовить торжество заблуждения, как полные педантизма теории, основанные на ложном представлении, что война есть положительная наука, все операции которой могут быть сведены к безошибочным расчетам.

Наконец, метафизические и скептические произведения некоторых писателей тоже не заставят никого поверить, что не существует никаких правил для войны, так как их писания решительно не дают никаких доказательств против положений, опирающихся на самые блестящие боевые эпизоды современности и подтверждаемых как раз рассуждениями тех, которые полагают, что против них борются».

Надеюсь, что после этих признаний меня нельзя будет обвинять ни в желании сделать из военного искусства механизм с определенной системой колес, ни в притязаниях, наоборот, на то, что прочтение одной какой-нибудь главы принципов позволит первому встречному приобрести талант вождения армии.

Во всех искусствах, как и во всех положениях жизни, «*знание*» и «*умение*» — две в корне различные вещи, и хотя часто преуспевают только в силу второго, тем не менее всегда лишь сочетание этих двух свойств создает более совершенного человека и обеспечивает более полный успех. Однако, чтобы не подвергнуться обвинению в педантизме, спешу признать, что под «*знанием*» я вовсе не подразумеваю обширную эрудицию; дело не в том, чтобы *знать много*, а в том, чтобы *знать хорошо* и, в особенности, знать все, что относится к данной нам задаче.

* * *

Я не считал нужным упоминать в вышеприведенной заметке о военно-исторических сочинениях, ознаменовавших нашу эпоху, так как по существу они не принадлежали к той области, которую мне предстояло рассматривать. Но так как эти сочинения тоже способствовали прогрессу военной науки, стремясь разъяснить причины успеха, то пусть будет мне позволено сказать о них несколько слов.

Чисто военная история—неблагодарный и трудный род произведений, так как, чтобы принести пользу военным людям, она требует подробностей столь же сухих, сколь и мелочных, но совершенно необходимых, чтобы правильно судить о боевых положениях и движениях. Поэтому-то вплоть до далеко не совершенной попытки Ллойда дать набросок Семилетней войны все военные писатели никак не могли выбраться с протоптанной дорожки официальных реляций или же более или менее утомительных панегириков.

В первых рядах военных историков XVIII столетия находились Дюмон, Кенси, Бурсе, Пезэ, Гримоар, Ретцов и Темпельгоф [14]. Последний оставил после себя в некотором роде школу,

хотя его труд несколько перегружен деталями о маршах и лагерях, несомненно, весьма пригодными в дни боев, но совершенно бесполезными в истории целой войны, поскольку они представляются почти каждый день в одном и том же виде.

Начиная с 1792 г., чисто военная история обогатилась как во Франции, так и в Германии таким большим числом сочинений, что одно перечисление их названий составило бы целую брошюру. Я все же здесь отмечу «Первые войны революции» Гримоара; труды генерала Гравера; мемуары Сюше и Сен-Сира; фрагменты Гурго и Монтолона; большое начинание по описанию побед и завоеваний, предпринятое под руководством генерала Бове; ценный сборник «Сражения» полковника Вагнера и майора Каусслера; «Война в Испании» Нэпира; «Война в Египте» Рейнье; «Походы Суворова» Ляверна; отдельные «Описания» Стуттергейма и т. д. *

Более привлекательна история, являющаяся одновременно и военной и политической, но зато написать ее еще труднее, и, кроме того, ее трудно согласовать с требованиями, предъявляемыми к дидактическому сочинению, ибо в ней, во избежание потери занимательности, приходится выпускать как раз все те детали, которые составляют достоинство военных реляций.

Военно-политическая история в течение многих веков, вплоть до падения Наполеона, располагала только одним действительно замечательным сочинением, а именно трудом Фридриха Великого, озаглавленным «*История моего времени*» **. Этот род писаний, требующий в одно и то же время элегантного стиля и обширных, глубоких познаний в истории и в политике, требует также достаточного военного дарования для верного суждения о событиях. Чтобы создать образцовое творение такого рода, нужно было бы сношения и интересы стран описывать так, как Ансильон, а о сражениях рассказывать, как Наполеон или Фридрих. Если мы еще ждем такого образцового творения, то все же надо согласиться и с тем, что за тридцать лет появилось несколько хороших трудов; к числу последних надо отнести «Испанскую войну» Фуа,

---

* Можно было бы еще упомянуть интересные описания Сэнтина Мортонваля, Лапенна, Ленобля и Лафайля, а также труды прусского майора Шпата о Каталонии, барона Фольдерндорфа о походах баварцев и множество других сочинений того же рода.

** Многие авторы политической истории, как Ансильон, Сегюр-отец, Карамзин, Гишарден, Архенгольц, Шиллер, Дарю, Мишо, Сальванди, рассказывали так же талантливо и о военных операциях, но тем не менее их нельзя причислить к военным писателям.

«Очерк военных событий» Матье Дюма и «Рукописи» Фэна, хотя второму нехватает твердой точки зрения, а последний грешит избытком пристрастия. Затем идут сочинения Сегюра-сына — писателя, полного силы и разумных взглядов, доказавшего своей «Историей Карла VIII», что при несколько большей естественности в стиле он мог бы отвоевать у предшественников венец историка великого столетия, все еще ожидающего своего Полибия. В третьем ряду мы поместим труды по истории Тулонжона и Сервана *.

Есть, наконец, третий вид исторических сочинений, а именно критическая история, опирающаяся на принципы военного искусства и специально занимающаяся установлением соотношений между событиями и этими принципами. Феквер и Ллойд указали этот путь, но подражателей у них до революции нашлось немного. Этот род сочинений, менее блестящий по своим формам, может быть более полезен по своим результатам, в особенности когда критика не доведена до излишней строгости, которая часто делает ее ложной и несправедливой.

За последние двадцать лет этот вид исторических трудов, полудидактических, полукритических, получил большее развитие, чем остальные, или, по крайней мере, он культивировался с большим успехом и привел к неоспоримым результатам. Опубликованные эрцгерцогом Карлом описания кампании, а также описания кампаний, выпущенные без подписи генералом Мюффлингом, и отдельные статьи генералов Пеле, Бутурлина, Клаузевица **, Окунева, Валентини, Рюле, Лаборда, Коха, Шанбре и Нэпира, наконец, фрагменты, опубликованные Вапнером и Шеелем в интересных берлинских и венских журналах, — все они в большей или меньшей степени способствовали развитию науки о войне. Может быть, и мне будет

---

* Я не говорю о «Политической и военной жизни Наполеона, рассказанной им самим», принимая во внимание, что говорилось, будто я ее автор. Что же касается сочинений Норвена и Тибодо, то они совсем не военные.

** Труды Клаузевица были, несомненно, полезны, хотя часто эта польза происходила не столько благодаря мыслям автора, сколько из-за рождаемых ими противоположных мыслей. Они оказались бы еще более полезными, если бы витиеватый и отдающий педантизмом стиль не делал их часто непонятными. Но если он как дидактический автор больше возбуждал сомнений, чем открывал истин, то как историк-критик он был плагиатором мало разборчивым. Лица, которые прочтут мое описание кампании 1799 г., опубликованное за 10 лет до него, не будут отрицать моего утверждения, так как нет ни одного моего соображения, которое он не повторил бы.

позволено претендовать на небольшую долю в этих достижениях во внимание к моей обширной военно-критической истории войн революции и другим опубликованным мною историческим трудам, так как последние, будучи написаны специально для доказательства неизменного торжества приложения принципов, никогда не упускали возможности приводить все факты к этой доминирующей точке зрения, и, по крайней мере в этом отношении они имели известный успех *. В подтверждение своих высказываний я сошлюсь на острый критический анализ войны за испанское наследство, сделанный капитаном Дюменилем.

Благодаря такой помощи трудов дидактических и историко-критических преподавание военной науки уже не столь трудно, и те преподаватели, которые ныне затруднились бы составить хороший курс, имея тысячи примеров для подтверждения, были бы жалкими преподавателями. Но из этого не следует все же делать вывод, что военное искусство дошло до такого состояния, когда не требуется больше ни одного шага для совершенствования. Нет ничего совершенного под солнцем! И если бы собрать под председательством эрцгерцога Карла или Веллингтона комитет, составленный из всех именитых в области стратегии и тактики нашего века людей и самых искусных генералов-инженеров и артиллеристов, то и такой комитет все же не добился бы построения совершенной, абсолютной и незыблемой теории по всем областям военного дела, в особенности же по тактике!

---

* Некоторым из этих томов можно было сделать упрек в немалом количестве длиннот, но трудно угодить всем вкусам в части военных описаний: одни желают иметь все возможные подробности, другие их знать не хотят. Сознаюсь, что, увлеченный школой Темпельгофа, я слишком усердствовал в духе первых. Подобные детали хороши в описаниях отдельных кампаний, но не войны в целом. Я избавился от этого недостатка в своих последних работах.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Военное искусство в его обычном понимании подразделяется на пять чисто военных отраслей: стратегия, высшая тактика, логистика, инженерное искусство и элементарная тактика [15]; но есть еще одна существенная часть этой области знаний, которую до сего времени весьма некстати исключали из состава военного искусства, а именно — *политика войны* *. Хотя эта наука более тесно связана с наукой государственного деятеля, чем с наукой воина, но с тех пор, как надумали отделить тогу от шпаги, нельзя все же не признать, что если она и бесполезна для подчиненного генерала, то совершенно необходима всякому главнокомандующему: она проникает во все комбинации, которые можно было бы предпринять. А следовательно, она по необходимости относится к науке, которую мы разрабатываем.

Отсюда, повидимому, следует, что военное искусство в действительности состоит из шести совершенно различных частей, а именно:

1-я — политика войны;

2-я — стратегия, или искусство умело управлять массами на театре войны как для вторжения в какую-нибудь страну, так и для обороны своей страны;

3-я — высшая тактика сражений и боев;

---

* Насколько мне известно, существует лишь очень немного работ по этому предмету. Единственной, даже носящей это название, является «Политика войны» Хей-дю-Шатле (1767 г.). В ней мы найдем, что армия, желая перейти по каменному мосту, должна освидетельствовать его с помощью плотников и строителей и что Дарий не был бы побежден, если бы он, вместо того чтобы выставлять все свои силы против Александра, завязал с ним бой лишь половиной своих сил! Удивительные поучения военной политики! У Мезруа также было несколько столь же смутных идей в книге, названной им «Диалектикой войны». Ллойд углубился больше всех в этот вопрос; все же новый труд его оставляет желать лучшего и не один раз бывал опровергнут неслыханными событиями 1792—1815 гг.

4-я—логистика, или применение на практике искусства передвигать армии;

5-я — искусство инженера, атака и оборона укрепленных мест;

6-я — элементарная тактика.

Можно было бы даже прибавить сюда философию, или моральную сторону войны. Но представляется более целесообразным объединить ее в одном разделе с политикой.

Мы собираемся исследовать основные комбинации первых четырех частей, так как в нашу задачу вовсе не входит разработка ни элементарной тактики, ни искусства инженера, составляющих отдельную науку.

Чтобы быть хорошим пехотным, кавалерийским и артиллерийским командиром, нет надобности знать все эти части одинаково хорошо; но чтобы стать генералом или отличным офицером генерального штаба, такие знания необходимы. Счастливы те, которые ими обладают, а также те правительства, которые умеют поставить таких лиц на соответствующее их способностям место!

ГЛАВА I

О ПОЛИТИКЕ ВОЙНЫ

Мы дадим это название тем комбинациям, при помощи которых государственный деятель должен вынести суждение, является ли война своевременной, целесообразной или даже необходимой, и определить те различные операции, которых потребует война для достижения желаемой цели.

Государство обращается к войне:

— чтобы восстановить права или защитить их;

— чтобы удовлетворить важные общественные интересы, как-то: торговые, промышленные и вообще все, затрагивающие благосостояние народов;

— чтобы поддержать соседей, существование которых необходимо для безопасности государства или для поддержания политического равновесия;

— чтобы выполнить договорные условия наступательных или оборонительных союзов;

— чтобы распространить учения, подавить их или защитить;

— чтобы расширить свое влияние или могущество посредством приобретений, необходимых для блага государства;

— чтобы обеспечить государственную независимость, находящуюся под угрозой;

— чтобы отомстить за оскорбленную честь;

— под влиянием жажды завоеваний и духа агрессии.

Полагают, что эти различные виды войны оказывают некоторое влияние на природу тех операций, которых они потребуют для достижения поставленных целей, на величину усилий, которые для этого потребуются, и на широту тех действий, которые можно будет развернуть.

Несомненно, каждая из таких войн может быть наступательной или оборонительной; возможно даже, что сторона,

являющаяся зачинщиком, будет предупреждена и вынуждена к обороне, а сторона, подвергшаяся нападению, сразу же сможет захватить инициативу, если сумела к этому подготовиться. Но могут существовать еще и другие усложнения, вытекающие из относительного положения сторон.

1. Война может вестись в одиночку против другого государства.

2. Война может вестись в одиночку против нескольких союзных между собой государств.

3. Она может вестись вместе с сильным союзником против одного противника.

4. Страна может быть главным участником войны или только вспомогательным.

5. В этом последнем случае возможно вступление в войну с самого начала или же в разгар борьбы, уже более или менее завязавшейся.

6. Театр войны может быть перенесен на неприятельскую территорию, на союзную территорию или быть в своей собственной стране.

7. Если совершают нашествие, оно может быть ближним или глубоким, разумным и умеренным или чрезмерным.

8. Война может быть народной, направленной или против нас, или против неприятеля.

9. Наконец, бывают войны гражданские и религиозные.

Раз война уже решена, то, несомненно, ее нужно вести по принципам военного искусства. Но нужно все-таки признать, что существует большое различие в природе предпринимаемых операций, в зависимости от разнообразия тех случаев, с которыми придется встретиться. Например, 200 000 французов, желая покорить Испанию, поднявшуюся против них, как один человек, не будут маневрировать так же, как 200 000 французов, намеревающихся итти на Вену или на всякую другую столицу с целью продиктовать там условия мира (1809 г.). Равным образом гверильясам Мина [16] не окажут чести воевать с ними так, как сражались под Бородиным *. Не будем ходить столь далеко за примерами. Можно ли было бы сказать, что только что упоминавшиеся 200 000 французов должны были бы совершенно так же итти на Вену при любом моральном состоянии правительств и народов между Рейном и Инном и между Дунаем и Эльбой? Понятно, что полк всегда должен

* Это — в ответ майору Прокечу, который, несмотря на свою известную эрудицию, счел возможным утверждать, что политика войны не сможет оказать влияния на операции и что войны всегда следует вести одинаковым образом.

сражаться почти одинаковым образом, но нельзя того же сказать о главнокомандующих.

К этим различным комбинациям, относящимся в большей или меньшей степени к дипломатической политике, можно прибавить еще другие, имеющие отношение только к вождению армий. Эти последние мы назовем *военной политикой* или *философией войны,* ибо они не относятся специально ни к области дипломатии, ни к области стратегии, а в то же время имеют величайшее значение в планах как правительства, так и командующего армией. Начнем с анализа комбинаций, относящихся к дипломатии.

Статья I

О НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВОЙНАХ ДЛЯ ОТСТАИВАНИЯ ПРАВ

Когда государство имеет права на соседнюю страну, то это не всегда является основанием для осуществления этих прав вооруженной рукой. Прежде чем решиться на войну, нужно исследовать, выгодна ли она с точки зрения общественных интересов.

Самой удачной войной будет такая, которая, будучи основана на неоспоримых правах, предоставит к тому же государству положительные выгоды, соразмерные с теми жертвами и теми случайностями, с которыми она связана. К несчастью, в наши дни имеется столько спорных и оспариваемых прав, что большинство войн, хотя по внешности и обоснованных правами наследования, завещания или брака, в действительности являются лишь войнами, предпринимаемыми по расчету для приобретения выгод. Вопрос о наследовании испанского престола во времена Людовика XIV был самым естественным с точки зрения права, так как был основан на торжественном завещании и поддерживался семейными связями. И все же, несмотря на это, никакое право не было так сильно оспариваемо во всей Европе: оно вызвало к жизни всеобщую коалицию против законного наследника.

Фридрих II, используя войну Австрии с Францией, отыскивает в архивах старинные документы, вступает с войсками в Силезию и захватывает эту богатую провинцию, которая удваивает силу прусской монархии.

Для ведения подобной войны нельзя дать никаких правил: *все искусство состоит в том, чтобы уметь ждать и воспользоваться случаем.* Наступательные операции должны быть

соразмерны с поставленной целью. Первая операция, естественно, состоит в занятии требуемых обратно провинций. Затем можно развить наступление сообразно обстоятельствам и обоюдным силам, чтобы добиться желаемой уступки угрозой противнику на его территории. Все зависит от союзов, которые удастся заключить, и от военных средств обеих сторон. В подобном наступлении главное состоит в том, чтобы не возбудить зависти третьей стороны, которая могла бы притти на помощь тому государству, на которое предположено произвести нападение. Именно политика должна предвидеть этот случай и предотвратить интервенцию, дав своим соседям все необходимые гарантии.

Статья II

О ВОЙНАХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ И НАСТУПАТЕЛЬНЫХ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОМ

Государство, подвергшееся нападению со стороны соседа, заявляющего свои старинные права на какую-либо провинцию, редко соглашается уступить эту провинцию без боя, просто в силу убеждения в действительности этих прав. Оно предпочитает защищать требуемую от него территорию, что всегда бывает и почетнее и естественнее. Но, вместо того чтобы пассивно ожидать на границах агрессора, ему, быть может, будет выгоднее взять на себя инициативу и самому действовать наступательно. Тогда все будет зависеть от взаимного положения государств с военной точки зрения.

Часто бывает выгодно повести войну вторжения, но иногда может быть также выгодно ожидать противника на своей территории. Державе с прочным государственным устройством, не имеющей оснований опасаться ни внутренних раздоров, ни нападений на свою территорию со стороны третьей державы, конечно, всегда выгоднее будет перенести войну на неприятельскую территорию.

Во-первых, она избегнет опустошения своих областей; затем она будет вести войну за счет своего противника; кроме того, она склонит на свою сторону все моральные выгоды, возбуждая подъем у своих войск и, напротив, вызывая у противника с самого начала войны оцепенение. Однако с чисто военной точки зрения верно, что армия, действующая в своей собственной стране, на том театре войны, где все естественные или

искусственные рубежи находятся в ее власти, где все ее движения свободны и где она получает помощь и поддержку от всей страны, от населения и властей, всегда может надеяться на очень большие преимущества.

Эти истины, которые, повидимому, неоспоримы, могут быть применены ко всякого рода войнам. Но если принципы стратегии непреложны, то этого вовсе нельзя сказать об истинах политики войны, которые подвергаются изменениям в соответствии с моральным состоянием народов, местными обстоятельствами и в зависимости от людей, возглавляющих армии и государства. Вот эти-то различные оттенки и внушили доверие к грубо ошибочному утверждению, будто бы не существует каких-либо твердых и постоянных правил войны. Мы надеемся доказать, что военная наука имеет свои принципы, которые нельзя нарушать, не терпя поражения, если имеешь дело со способным противником; лишь политическая и моральная стороны войны создают такие отклонения, которые не поддаются никаким определенным расчетам, но, тем не менее, и в этом случае можно производить подсчет вероятностей. Следовательно, нужно видоизменять планы военных действий в соответствии с обстоятельствами, но при выполнении этих планов все же нужно соблюдать принципы искусства. Нельзя не согласиться, например, с тем, что, составляя план войны против Франции, Австрии или России, нельзя его строить на тех же основаниях, как и войну против турок или против всякого другого восточного государства, храбрые, но недисциплинированные полчища которых неспособны ни к какому-либо порядку, ни к какому-либо рациональному маневру, ни к выдержке при неудаче.

Статья III

О ВОЙНАХ ПО РАСЧЕТУ

Вторжение Фридриха II в Силезию было войной по расчету; такой же была и война за испанское наследство.

Существует два рода войн по расчету: войны, путем которых могущественные государства добиваются естественных границ, чтобы приобрести политические или торговые преимущества, и войны, посредством которых стремятся уменьшить мощь опасного соперника или воспрепятствовать ее возрастанию. Правда, последние войны относятся к интервенциям; мало вероятно, что государство поведет наступление

против опасного соперника в одиночестве, без помощи союзников; в таком случае война ведется обычно коалицией в результате конфликтов, вытекающих из отношений с третьей державой.

Так как все эти комбинации относятся скорее к области политики, чем к войне, и так как военные операции включены в другие категории, о которых мы будем говорить дальше, то здесь мы умолчим кое о чем, что следовало бы сказать по этому поводу.

Статья IV.

О ВОЙНАХ ПРИ УЧАСТИИ СОЮЗНИКОВ ИЛИ БЕЗ НИХ

Вполне естественно, что всякая война при участии союзников предпочтительнее войны без союзников, если все остальные шансы одинаковы. Несомненно, что одно сильное государство может достичь большего, чем два менее сильных, выступающих против него в союзе одно с другим; тем не менее выгоднее иметь поддержку со стороны кого-либо из соседей, чем бороться одному: таким путем не только увеличивают свои силы силами союзника, но еще в большей степени ослабляют силы противника, потому что последнему не только нужно иметь значительные войска для противодействия контингенту союзнической помощи, но, кроме того, еще наблюдать части своей территории, которые без этой помощи были бы в полной безопасности от нападения. В следующей статье мы удостоверимся в том, что не бывает таких слабых врагов или таких малых союзников, которыми можно было бы безнаказанно пренебрегать даже большому государству, как бы могущественно оно ни было: эту истину нельзя было бы отвергнуть, не отвергнув всех уроков истории.

Статья V

О ВОЙНАХ-ИНТЕРВЕНЦИЯХ *

Из всех войн, какие только государство может предпринять, самой выгодной для него, несомненно, будет война-интервенция, вмешательство в уже начавшуюся войну.

---

* Эта статья написана в 1829 г.

Причину этого легко понять: государство, которое подобным образом вмешивается в войну, кладет на весы всю тяжесть своего могущества совместно с тем государством, в пользу которого оно вмешивается в войну. Оно начинает войну, когда захочет, выбирая наиболее благоприятный момент, чтобы придать решающее значение действию применяемых средств.

Существуют два рода интервенций: один — когда государство стремится к вмешательству во *внутренние дела* своих соседей; другой — когда оно вмешивается в надлежащий момент в их *внешние отношения*.

Публицисты никогда не могли притти к единому мнению относительно права вмешательства во внутренние дела; мы не станем спорить с ними по поводу права, укажем лишь, что подобный факт бывал нередко. Вмешательство во *внутренние дела* не всегда оканчивается удачей: Россия в некоторой степени обязана развитием своего могущества тому, что она вмешивалась в дела Польши; Австрия, напротив, чуть не погибла вследствие того, что пожелала вмешаться во внутренние дела французского государства в период революции. Подобного рода комбинации не входят в тему нашего труда.

Вмешательство во *внешние отношения* своих соседей более законно, более естественно и, может быть, более выгодно. В самом деле, государство может быть вынуждено вмешаться во внешние войны своих соседей по трем причинам: во-первых, если его к этому обязывает оборонительно-наступательный союз, по которому оно должно поддержать своего союзника; во-вторых, для поддержания так называемого политического равновесия — комбинации последних столетий, настолько же удивительной, насколько она кажется простой, и, тем не менее, слишком часто не оцениваемой именно теми, кто должен был бы ее защищать особенно горячо *; в-третьих, при желании воспользоваться начавшейся войной не только для отвращения от себя пагубных ее последствий, но также и для обращения в свою пользу ее выгод.

---

* Было бы нелепо верить в возможность полного равновесия. Речь может итти лишь об относительном и приблизительном равновесии. Принцип поддержания равновесия должен быть основой политики, так же как искусство привести в действие возможно большие силы на решительном пункте есть руководящий принцип войны. Само собой разумеется, что морское равновесие представляет собой существенную составную часть европейского политического равновесия.

История дает тысячи примеров, когда государства терпели крушение потому, что забывали следующие истины: государство клонится к упадку, когда оно допускает чрезмерное увеличение соперничающего с ним государства, и государство, даже второстепенное, может иногда сделаться арбитром политического равновесия путем своевременного использования собственной мощи. Этого достаточно для доказательства выгодности войн-интервенций с точки зрения высокой политики.

Что же касается военной точки зрения, то очевидно, что армия, вмешивающаяся как третья сила в начатую уже борьбу, становится решающей силой. Ее влияние будет тем более решающим, чем более этому благоприятствует ее географическое положение по отношению к положению уже ведущих войну армий. Приведем пример. Зимою 1807 г. Наполеон перешел Вислу и рискнул продолжать движение до самых стен Кенигсберга, имея в тылу у себя Австрию, а перед собой — все силы Российской империи. Если бы Австрия выслала из Богемии на реку Одер армию в 100 000 человек, то весьма вероятно, что со всемогуществом Наполеона было бы покончено. Его армия могла бы считать себя счастливой, если бы ей удалось пробиться к Рейну, а все данные заставляют полагать, что ей этого не удалось бы сделать. Вместо этого Австрия предпочла выжидать, пока ее армия не возрастет до 400 000 человек. Два года спустя Австрия действительно предприняла наступление этой грозной массой и была побеждена. Между тем со своими 100 000 человек, но примененными во-время, она гораздо вернее и легче решила бы судьбы Европы.

Поскольку интервенции бывают двух различных родов, постольку разнородны и войны, ими вызванные.

1. Государство вмешивается в войну как вспомогательный фактор вследствие существования договоров и посылает вспомогательный корпус, численность которого заранее определена.

2. Государство вступает в войну как главный участник с целью поддержать более слабого союзника, владения которого защищаются, а это переносит театр войны далеко от собственных границ.

3. Государство вмешивается в войну тоже как главный участник, когда оно находится в соседстве с театром войны, что предполагает наличие коалиции нескольких могущественных держав против одной.

4. Наконец, может быть вмешательство в уже начавшуюся войну или до ее объявления.

Когда государство вмешивается в войну, имея лишь незначительное войско в соответствии с условиями договора, то оно является вспомогательным участником, и управление операциями находится в руках главного ведущего войну государства. Иначе обстоит дело, когда вмешиваются в войну в составе коалиции и притом имеют сильную армию.

Военные виды на успех в этих войнах различны. Русская армия в Семилетнюю войну по существу была помощницей Австрии и Франции. Однако на севере она была главной участницей до занятия своими войсками старой Пруссии. Когда же генералы Фермор и Салтыков вступили с армией в Бранденбург, они действовали только в интересах австрийцев. Эти войска, удаленные от своей базы, находились в полной зависимости от искусных или неискусных действий своих союзников.

Подобные дальние походы подвергают армию опасностям и обычно бывают весьма трудны для командующего армией. Кампании 1799 и 1805 гг. служат в этом отношении печальным доказательством, к чему мы еще вернемся, когда будем рассматривать эти походы под военным углом зрения (в ст. XXIX).

Из этих примеров следует, что отдаленные интервенции часто могут подвергать армии интервента опасности. Но зато имеется та выгода, что само государство вследствие отдаленности театра войны гораздо менее подвергается опасности вторжения неприятеля. В этом случае то, что составляет бедствие для генерала, является благом для государства.

В войнах подобного рода самое главное состоит в том, *чтобы выбрать главнокомандующего, который был бы одновременно сведущ и в политике, и в военном искусстве; хорошо обусловить со своими союзниками долю участия, которую каждый должен принять в военных действиях; наконец, надо наметить в качестве объекта действий такой пункт, который находился бы в полном соответствии с общими интересами;* от забвения именно этих мер предосторожности большая часть коалиций или терпела полную неудачу, или же с трудом боролась против одной державы, хотя в целом и менее сильной, но зато более единой.

Третий род указанных выше войн-интервенций, или войн в удобный момент, а именно тот, когда всеми силами вмешиваются в войну и воюют поблизости от своих границ, является самым выгодным из всех. В таких именно условиях находи-

лась бы Австрия в 1807 г., если бы она сумела использовать свое положение. В том же самом положении она находилась и в 1813 г. Граница с Саксонией, где Наполеон только что сосредоточил свои силы, и ударив лишь с тыла по фронту операций французов на Эльбе, она почти наверняка нанесла бы последним поражение, бросив на чашку весов свои 200 000 человек. В два месяца она восстановила бы свое господство над Италией и свое влияние на Германию, утраченные ею в течение пятнадцати лет неудач. Австрия в этой войне-интервенции имела на своей стороне не только политические, но и военные шансы. Это двойное преимущество обозначает высшую степень преимуществ, какой только могут желать главы государств.

Венский кабинет имел бы тем более верный успех, что его интервенция являлась бы не только интервенцией такого рода, как упомянутая в ст. III, т. е. вмешательством на довольно близком расстоянии от своих границ (а это дает возможность наибольшего развертывания своих сил), но и вмешательством в уже начавшуюся борьбу, в которую она вступила бы со всем могуществом своих средств и притом в момент, наиболее для нее благоприятный. Это двойное преимущество настолько решающе, что, как известно, не только великие государства, но даже и очень малые государства, умевшие использовать обстановку, склоняли перевес в борьбе на свою сторону. Для доказательства этого положения достаточно двух примеров. В 1552 г. курфюрст Мориц Саксонский осмелился открыто восстать против Карла V, бывшего властелином Испании, Италии и Германии, победившего Франциска I и сжимавшего Францию в своих тисках. Это вооруженное восстание, перенесшее войну в самое сердце Тироля, остановило властелина, угрожавшего все поглотить. В 1706 г. герцог Савойский, Виктор Амедей, объявил войну Людовику XIV, чем совершенно изменил ход войны в Италии и принудил французскую армию отступить от берегов Эча до самых стен Турина, где она потерпела кровавую катастрофу, обессмертившую имя принца Евгения (Савойского.—*Ред.*). Сколько государственных людей покажутся незначительными тому, кто размышлял об этих двух событиях и о серьезных вопросах, с ними связанных!

Мы достаточно сказали о значении и преимуществах своевременно начатых войн-интервенций. Можно было бы привести еще множество подобных примеров, но это едва ли могло бы что-либо прибавить к сказанному выше для убеждения наших читателей.

Статья VI

О ВОЙНАХ-ВТОРЖЕНИЯХ, ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ ИЗ СТРАСТИ К ЗАВОЕВАНИЯМ ИЛИ ПО ДРУГИМ ПРИЧИНАМ

Прежде всего важно отметить, что существуют два рода вторжений, весьма отличающихся друг от друга: вторжения на территорию сопредельных государств и вторжения на удаленные территории, с прохождением через обширные страны, население которых может быть более или менее нейтральным, или сомнительным, или враждебным.

Войны-вторжения, ведущиеся из жажды завоеваний, не всегда, к сожалению, бывают самыми невыгодными. Александр (Македонский.—*Ред.*), Цезарь и Наполеон в первой половине его карьеры вполне это доказали. Впрочем, эти выгоды имеют свои самой природой установленные пределы, переступать которые опасно, так как тогда впадают в гибельную крайность.

Камбиз в Нубии, Дарий у скифов, Красс и император Юлиан у парфян, наконец, Наполеон в России дают подтверждения этим истинам. Следует все же признать, что страсть к завоеваниям не всегда была единственной побудительной причиной для Наполеона. Его личное положение и борьба против Англии толкали его на предприятия, очевидной целью которых было выйти победителем из этой борьбы; он любил войну и ее случайности, но его вовлекала в нее также и необходимость или преклониться перед Англией, или же восторжествовать над всеми ее усилиями. Можно было бы сказать, что он был послан в мир, чтобы показать командующим армиями, а также главам государств, чего они должны избегать; его победы — это образцы искусства, активности и смелости, а его неудачи — примеры умеренности, вызванной благоразумием.

Вторжения французов в Испанию в 1808 г. и затем в 1823 г., конечно, сильно отличаются одно от другого как по целям, так и по результатам. Первое вторжение, внушенное агрессивным духом и проведенное с коварством, угрожало существованию испанского народа и было роковым для его виновника; второе же вторжение, предпринятое единственно в целях борьбы с опасными учениями и отвечавшее общим интересам, было удачно и тем вернее достигло успеха, что нашло решительную поддержку в большинстве того народа, территорию которого заняли вторгшиеся войска [17]. Мы не станем судить об этих вторжениях с точки зрения естественного права.

Подобные вопросы относятся к политическому праву вмешательства. Не имея намерения обсуждать их, мы приводим их здесь только для доказательства того, что вторжение не всегда является чем-то от Чингис-хана. Первое из упомянутых нами вторжений способствовало падению Наполеона, второе же возобновило между Францией и Испанией такие отношения, которых они никогда не должны были бы прерывать.

Выразим пожелание, чтобы вторжения имели место как можно реже, но при этом сознаемся, что всякому государству гораздо выгоднее вторгнуться в земли своих соседей, чем позволить напасть на себя. Признаем также, что вернейший способ борьбы с духом завоевания и узурпации состоит в том, чтобы суметь во-время самому вмешаться в войну и поставить завоевателю преграды.

Таким образом, если предположить, что война в целях вторжения решена и что она мотивируется не неумеренной надеждой на завоевание, но здравым государственным соображением, следует признать, что масштаб этого вторжения должен соответствовать цели, которая поставлена, и тем препятствиям, которые можно встретить при выполнении замысла как со стороны атакованного государства, так и со стороны его союзников.

Вторжение в страну ожесточенного народа, готового на все жертвы,— в страну народа, который может надеяться на поддержку людьми и деньгами со стороны мощного соседа,— является предприятием весьма затруднительным. Война Наполеона в Испании ясно это показала. Еще лучше это доказывают революционные войны Франции 1792, 1793 и 1794 гг., ибо, хотя это последнее государство и было захвачено врасплох в меньшей степени, чем Испания, но оно не имело сильных союзников, которые помогли бы ему в его обороне. Франция была атакована почти всей Европой и с суши и с моря.

После таких примеров что́ может быть, казалось бы, интересного в сухих положениях? А между тем именно в истории упомянутых великих событий и нужно искать правила поведения в подобных обстоятельствах.

Вторжения русских в Турцию представляли в некоторых отношениях те же признаки народного сопротивления. Однако следует признать, что условия при этом были совсем иные; ненависть к иноверцам смогла заставить турок взяться за оружие, но, находясь среди греческого населения, почти вдвое более их многочисленного, турки не находили во всеобщем восстании той поддержки, которую они получили бы, если бы все

государство было магометанским или если бы они сумели сочетать интересы греков с интересами завоевателей, подобно, тому как Франция сумела обратить эльзасцев в наилучших французов всего королевства. В этом случае турки были бы сильнее, зато не было бы уже религиозного фанатизма.

Война 1828 г. доказала, что турки внушали к себе уважение только на самых границах, где у них были сосредоточены их наиболее воинственные милиционные формирования, между тем как внутри государства все рушилось.

Если при вторжении нет основания опасаться населения и если вторжение производится в смежное государство, то в этом случае все решают законы стратегии, с которыми и следует главным образом считаться. По этим-то причинам вторжения в Италию, в Австрию и Пруссию были столь быстры. О чисто военной стороне вопроса мы будем говорить в ст. XXIX.

Но если, напротив, вторжение предпринимается в отдаленную страну и для этой цели необходимо пересечь обширные государства, то в этом случае для обеспечения успеха следует прибегать больше к дипломатии, чем к стратегии. В самом деле, первым условием успеха всегда будет искренний и надежный союз с державой, соседней с той, на которую предположено напасть, так как в ее искреннем и заинтересованном содействии можно найти не только приращение силы, но также и прочный базис для устройства передовых складов и для ведения операций, а также надежное убежище в случае необходимости. Но для уверенности в подобном союзе нужно, чтобы то государство, на которое собираются ставить ставку, было столь же заинтересовано в успехе предприятия, как и вы сами.

Если политика является особо решающим фактором при отдаленных экспедициях, то это вовсе не значит, что она не оказывает влияния при вторжениях в сопредельные государства, потому что враждебное вмешательство может остановить дальнейшее развитие самых блистательных успехов. Вторжения французов в Австрию в 1805 и 1809 гг. приняли бы, вероятно, другой оборот, если бы Пруссия тогда вмешалась в войну. Точно так же и вторжение французов в Северную Германию в 1807 г. в значительной степени зависело от венского кабинета. Наконец, вторжение в Румелию в 1829 г., обеспеченное мерами мудрой и умеренной политики, могло бы иметь тяжелые последствия, если бы не было проявлено заботы об устранении путем переговоров возможности вмешательства.

Статья VII

ВОЙНЫ ИЗ-ЗА УБЕЖДЕНИЙ

Хотя войны из-за убеждений, национальные войны и войны гражданские иногда и сливаются в общий конфликт, однако же они сильно отличаются друг от друга, так что мы должны говорить о каждой из них отдельно.

Войны из-за убеждений имеют три вида:

— они ограничиваются внутренней борьбой, т. е. гражданской войной;

— они одновременно являются и внутренней и внешней борьбой;

— может случиться также, хотя и редко, что они ограничиваются конфликтом за рубежом.

Войны между двумя государствами* из-за убеждений или из-за доктрин принадлежат также к разряду войн-интервенций, потому что они всегда проистекают из-за учений, которые одна сторона желает навязать своим соседям помощью пропаганды, или из-за учений, с которыми желают бороться и которые хотят подавить. Как в том, так и в другом случае происходит интервенция.

Войны исламизма и крестовых походов, Тридцатилетняя война, войны Лиги—все в большей или меньшей степени носят особый, присущий каждой из них характер. Несомненно, иногда религия бывала скорее предлогом для политики или средством для достижения какой-либо цели, нежели делом догматов. Вероятно, преемники Магомета больше заботились о распространении своей империи, чем о проповеди корана. Несомненно также, что и Филипп II поддерживал Лигу во Франции вовсе не ради торжества римской церкви. Мы даже готовы согласиться с Ансело, что Людовик IX, предпринимая крестовый поход в Египет, больше помышлял о торговле с Индией, чем о завоевании гроба господня.

Если же это так, то догматы не только предлог, но часто и мощное средство, так как они выполняют двойную цель: возбуждают усердие у единомышленников и создают из них партию. Например, шведы в Тридцатилетней войне и Филипп II во Франции имели в самой стране более мощного союзника, чем их собственные армии. Но бывает и так, что догмат, за который идет борьба, встречает к себе только враждебное от-

---

* Здесь идет речь о войнах между двумя государствами, а не о внутренних (междоусобных) войнах, о которых будет говориться в отдельной статье.

ношение, и тогда борьба становится ужасной. Таковы были войны исламизма и крестовые походы.

История дает единственный в своем роде пример борьбы во время французской революции, и этот пример доказывает, повидимому, всю опасность нападения на экзальтированный народ. Правда, неумелое ведение военных операций также могло способствовать этому результату, и, чтобы суметь вывести верные правила ведения такой войны, необходимо было бы знать, что же случилось бы, если бы после бегства Дюмурье союзники, вместо того чтобы разрушать крепости орудийным огнем и занимать их от своего имени, написали бы комендантам этих крепостей, что они не питают никакого зла ни против Франции, ни против ее крепостей и ее храброй армии, и пошли бы с 200 000 человек на Париж. Может быть, они восстановили бы там монархию, но могло быть также, что они и не возвратились бы оттуда, если бы столь же сильная армия не прикрыла их отхода к Рейну. Это было бы трудно решить, потому что никогда подобного опыта произведено не было, так что все в этом случае зависело бы от того, какое решение приняли бы французская нация и французская армия. Таким образом, настоящая проблема представляет две одинаково трудных гипотезы. Война 1793 г. решила ее только в одном отношении; было бы трудно решить ее в другом, так как подобные решения возможны только в результате опыта.

Что касается военных правил, которые необходимо дать для подобного рода войн, то они почти те же самые, что и для национальных войн. Однако первые отличаются от вторых в одном основном пункте, а именно: в национальных войнах нужно занимать и подчинять страну, осаждать и брать крепости, уничтожать армии, покорять все области, в то время как в войнах из-за убеждений подчинение страны и действия против второстепенных объектов не составляют главной цели. Нужны достаточные средства, чтобы итти прямо к цели, совсем не останавливаясь на частностях и подробностях и всячески стараясь избегать всего, что могло бы внушить народу тревогу за его независимость и за целость его территории.

Испанская война 1823 г., о которой мы уже говорили в предыдущей статье, может послужить примером в подтверждение этих истин, в противовес примеру из войн французской революции. Условия, конечно, были несколько отличны, потому что состав французской армии в 1792 г. был более надежен, чем армия радикалов. Революционная война была одновременно

и войной из-за убеждений, и войной национальной, и гражданской войной, тогда как 1-я испанская война 1808 г. была целиком национальной, война же 1823 г. была частично борьбой из-за убеждений без различия национальностей, а отсюда и громадная разница в результатах.

Экспедиция герцога Ангулемского была, в общем, хорошо проведена с точки зрения техники выполнения *. Вовсе не развлекаясь захватом крепостей, его армия действовала в согласии с вышеприведенными правилами. Быстро продвинувшись до Эбро, она там разделилась, чтобы захватить все источники неприятельских сил, так как она отлично знала, что вследствие поддержки ее большинством населения страны ей и разделиться было не опасно. Если бы она последовала указаниям министерства, которое ей предписывало методически покорять всю страну и захватывать все крепости между Пиренеями и Эбро, чтобы получить базис для военных действий, то она, может быть, или вовсе не достигла бы своей цели, или, по меньшей мере, превратила бы экспедицию в продолжительную и кровавую борьбу, восстановив против себя национальную гордость своим замыслом оккупации территории, подобно тому как это было в 1807 г. Но ободренная хорошим приемом со стороны всех народностей, армия поняла, что предстояла скорее политическая, чем военная операция, и что нужно было закончить ее возможно быстрее. Ее поведение, совершенно отличное от действий союзников в 1793 г., достойно изучения всеми, кому предстояло бы руководить подобными походами; оттого-то армия менее чем в три месяца и была под стенами Кадикса.

Если совершающиеся ныне на полуострове события и говорят о том, что политика не сумела воспользоваться своими успехами и создать надлежащий и прочный порядок, то это является ошибкой не армии и не ее командиров, а испанского правительства, которое, поддавшись советам неистовых реакционеров, оказалось не на высоте своей задачи. Фердинанд, как арбитр между двумя враждебными друг другу интересами, бросился очертя голову в сторону той из партий, которая прикинулась преисполненной величайшей преданности трону, но на самом деле очень рассчитывала использовать королевскую

---

* Несколько ошибок было допущено с трех точек зрения: политической, военной и административной, но, как говорят, это было следствием интриг, без которых не обходится ни одна главная квартира. Вообще же вся совокупность операций делает честь генералу Гийемино, который руководил ими при герцоге и которому после испанского народа принадлежит вся честь успеха этой экспедиции.

власть в своих интересах и не заботилась о последствиях. Народ оставался разделенным на два враждебных лагеря. Эти лагери снова вступили в борьбу, как я это предсказал в Вероне в 1823 г.

Статья VIII

О НАРОДНЫХ (НАЦИОНАЛЬНЫХ) ВОЙНАХ

Народными войнами можно назвать только те, в которых принимает участие все население или, по крайней мере, большая часть этого населения, одушевленная благородным порывом защитить свою независимость. В этих войнах каждая пядь земли берется с боя. Армия, которая вступает в такую страну, владеет только тем местом, на котором она расположена; ее снабжение может производиться только вооруженной рукой, а ее обозы всегда находятся под угрозой уничтожения или захвата.

Господство над морем имеет большое влияние на результаты вторжения. Если народ при общем восстании владеет на большом протяжении морскими берегами и господствует на море или если он находится в союзе с каким-либо государством, которое господствует на море, то в таком случае сила его сопротивления увеличивается в сотни раз не только вследствие удобства поддерживать пламя восстания и не только вследствие возможности тревожить неприятеля во всех пунктах занимаемой им страны, но также и вследствие тех затруднений, которые можно будет создать противнику при доставке ему продовольствия морским путем.

В народной войне характер страны также во многом содействует национальной обороне. Горные страны всегда представляют собою такие места, в которых народ для врага наиболее опасен. Затем следуют страны с обширными лесными пространствами.

Борьба швейцарцев против Австрии и герцога Бургундского, борьба каталонцев в 1712 и 1809 гг., затруднения, испытывавшиеся русскими при покорении кавказских племен, наконец, повторные восстания тирольцев достаточно наглядно показывают, что горные жители всегда сопротивлялись более продолжительное время, чем жители равнин, как вследствие особенностей своего характера и своих нравов, так и вследствие природных условий их страны. Теснины и большие леса, так же как и скалы, благоприятствуют этому роду частной обороны, и Бокаж — местность Вандеи, сделавшаяся по справедливости

знаменитой, — доказывает, что всякая пересеченная страна, даже если она перерезана только оградами, оврагами и канавами, представляет для обороны большие выгоды, если она храбро защищается *.

Трудности всякого рода, встречаемые регулярной армией в войнах из-за убеждений и в народных войнах, неимоверно велики и крайне затрудняют задачу и положение главнокомандующего. Приведенные нами события, так же как борьба Нидерландов против Филиппа II и борьба американцев против англичан, служат наглядным тому доказательством. Еще более необыкновенная борьба Вандеи против победоносной Республики, борьба Испании, Португалии и Тироля против Наполеона, наконец, чрезвычайно интересная борьба Мореи против турок и Наварры против сил королевы Христины — являются еще более яркими примерами.

Подобная война представляет неимоверные трудности, особенно в тех случаях, когда враждебные народности поддерживаются значительным ядром дисциплинированных войск **. У вас только одна армия, противники же ваши имеют армию и целый народ, восставший поголовно или, по крайней мере, в большей своей части; народ, который из всего делает оружие, каждый индивидуум которого замышляет вашу гибель и все члены которого, даже не сражающиеся, принимают участие в войне. всячески способствуя вашей гибели. Вы владеете только тем местом, на котором вы располагаетесь, за пределами же вашего расположения вы встречаете только вражду, которая тысячами средств умножает трудности, и без того встречаемые вами на каждом шагу.

Эти трудности становятся в особенности велики, когда страна сильно пересечена естественными препятствиями. Каждый житель знает малейшие тропинки, знает, куда они ведут; он везде находит родственника, брата или друга, который помогает ему. Начальники, также зная местность и узнавая немедленно о каждом вашем малейшем передвижении, могут принять наиболее действительные меры, чтобы нарушить ваши

---

* Ограды и рвы, разделяющие частные владения в Вандее, настолько велики, что каждая ферма превращается в настоящий редут, преодолеть который умеют только жители страны. Обыкновенные ограды и рвы хотя и были бы полезны, но не могли бы иметь такого значения.

** Без поддержки регулярной дисциплинированной армии народные восстания всегда могли бы быть легко подавлены; они могли бы затягиваться, как это было например, в Вандее, но они не могли бы воспрепятствовать ни вторжению, ни завоеванию.

предположения, между тем как вы, лишенные всякого осведомления, не имея возможности рисковать отрядами разведчиков для получения сведений о противнике, не имея другой опоры, кроме своих штыков, и не находя других способов обеспечения, как только сосредоточение своих колонн, действуете вслепую. Каждая ваша комбинация превращается в ошибку: после, казалось бы, наилучшим образом согласованных и рассчитанных передвижений, после самых быстрых и самых утомительных маршей, когда вы, наконец, считаете, что достигли вашей цели, и надеетесь нанести молниеносный удар, вы вдруг не находите никаких других следов противника, кроме дыма его биваков. Почти как Дон-Кихот, вы боретесь таким образом против ветряных мельниц, тогда как ваш противник нападает на ваши пути сообщения, уничтожает выделенные для их охраны отряды, внезапно нападает на ваши обозы и склады, словом — ведет разрушительную войну, в которой вы в конце концов должны изнемочь.

В испанской войне у меня лично было два ужасных примера подобного рода действий. Когда корпус Нея сменил корпус Сульта в Корунье, я расположил роты артиллерийского обоза по квартирам между Бетанзосом и Коруньей, в центре расположения четырех бригад, удаленных от рот на 2—3 лье *. Никаких испанских сил не было видно на 20 лье в окружности. Сульт занимал еще Сант-Яго-ди-Компостелла, дивизия Мориса Матье была в Ферроле и Луго, а дивизия Маршана — в Корунье и Бетанзосе. Несмотря на это, в одну прекрасную ночь эти обозные роты исчезли—люди и лошади, — так что мы никогда не смогли узнать, что с ними сталось. Один только раненый капрал спасся и уверял нас, что всех их зарезали крестьяне под предводительством священников или монахов.

Четыре месяца спустя маршал Ней двигался с одной дивизией для покорения Астурии и спускался по долине Навии, в то время как Келлерман выступал из Леона по дороге на Овиедо. Часть корпуса де-ля-Романа, защищавшего Астурию, пробиралась по другую сторону высот, окружающих долину реки Навия, в расстоянии не более одного лье от наших колонн, причем маршал не знал об этом. В тот момент, когда он вступал в Гижон (Гихон), армия де-ля-Романа обрушилась на отдельные полки дивизии Маршана, разбросанные для охраны всей Галисии; они подвергались опасности уничтожения по частям и спаслись только благодаря быстрому отходу маршала в Луго. Испанская война изобиловала тысячами случаев, столь же

---

* Лье — около 4 *км.* — *Ред.*

интересных, как и описанный выше. Всего золота Мексики нехватило бы для получения французами каких-либо сведений, а все данные, которые им доставлялись, были не чем иным, как чистейшим обманом для вовлечения их с большей легкостью в расставленные им сети.

Никакая армия, как бы она ни была обстреляна, не могла бы с успехом бороться против такой системы, применяемой многочисленным народом. Исключением может быть только тот случай, когда силы армии настолько огромны, что она может прочно занять все важные пункты страны, прикрыть свои пути сообщения и, кроме того, выставить достаточно сильные действующие отряды для поражения неприятеля всюду, где бы он ни появился. Но если этот неприятель сам имеет мало-мальски значительную по численности регулярную армию для образования ядра сопротивления всего населения, то какие же силы необходимо иметь для того, чтобы одновременно быть везде в превосходном числе и в то же время обеспечивать отдаленные пути сообщения от нападений многочисленных отрядов!

Надо особенно хорошо изучить войну на Иберийском полуострове, в Испании, чтобы понять все те трудности, которые могут встретить командующий и храбрые войска при завоевании или оккупации восставшей подобным образом страны.

Средства для достижения успеха в подобной войне довольно сложны. Прежде всего необходимо развернуть массу войск соответственно ожидаемому сопротивлению и всякого рода препятствиям, с которыми придется встретиться; всеми возможными средствами успокоить народные страсти; по временам использовать их; применять в широком масштабе смесь хитрости, мягкости и суровости, а особенно—строгой справедливости. Таковы первые основы успеха. Прекрасный порядок и удивительная дисциплина, поддерживавшиеся в армиях генералов Дибича и Паскевича в последней войне (1829 г. — *Ред.*) и немало способствовавшие успеху их походов, могут быть приведены как образцы, достойные подражания.

Неслыханные препятствия и трудности, с которыми в народной войне встречается армия, желающая вторгнуться в какую-либо страну, подали некоторым спекулятивным умам повод пожелать, чтобы никогда не было иных войн, потому что тогда они велись бы реже, и завоевания, сделавшись таким образом более трудными, меньше искушали бы честолюбивых предводителей.

Это рассуждение скорее правдоподобно, чем справедливо. Ведь, если допустить все следствия из него, то следовало бы

всегда иметь возможность заставлять население браться за оружие; затем было бы необходимо быть уверенным в том, что с этого времени будут вестись одни только завоевательные войны, а что все законные, но второстепенные войны, имеющие своей целью лишь поддержание политического равновесия или защиту общественных интересов, навсегда и отовсюду будут исключены. Иначе как же узнать, когда и каким образом было бы целесообразно возбудить народную войну? Например, если бы 100 000 немцев переправились через Рейн и проникли во Францию с основной целью воспротивиться завоеванию этой державой Бельгии, но не имели бы честолюбивых замыслов против Франции, следовало ли бы призвать к поголовному ополчению все население Эльзаса, Лотарингии, Шампани и Бургундии, мужчин, женщин и детей, сделать Сарагоссу из каждого маленького обнесенного стеной городка, подвергая таким образом в порядке репрессалий всю страну убийствам, грабежам и пожарам? Если же этого не сделать и если в результате некоторых успехов немецкая армия оккупирует эти области, то кто же поручится, что она не будет стараться удержать их частично за собой, хотя первоначально она такого намерения и не имела?

Трудность ответа на эти два поставленных таким образом вопроса говорит как будто в пользу народных войн, но разве нет средств отражать подобную агрессию, не прибегая к всенародному движению и к войне на истребление? Разве нет какой-то середины между этой борьбой населения и прежними регулярными войнами, которые велись только одними постоянными армиями? Не достаточно ли для защиты страны организовать милицию или ландвер, которые, одевшись в мундир, по призыву правительства приняли бы участие в борьбе, выполнили бы таким образом ту часть, которая должна была бы выпасть на долю населения, избавили бы последнее от необходимости выходить из рамок международного права и поставили бы справедливые пределы войне на истребление.

Что касается меня, то на эти вопросы я отвечу утвердительно. При применении смешанной системы в приведенном выше случае я гарантирую, что 50 000 регулярных французских войск, с подкреплением их национальной гвардией восточных провинций, легко отразили бы немецкую армию после перехода ее через Вогезские горы: ведь такая немецкая армия, сокращенная до 50 000 человек, вследствие выделения ею многих отрядов, подойдя к реке Маас или Аргоннам, имела бы дело со 100 000 французов. Чтобы достичь этой золотой середины, мы и предложили в качестве обязательного правила

требование подготовить для армии хорошие народные резервы. Эта система представляет то преимущество, что в мирное время она уменьшит расходы и обеспечит оборону государства в случае войны. Это как раз та система, которая была использована французами в 1792 г. и нашла подражателей в Австрии в 1809 г. и во всей Германии в 1813 г. Я не мог никак ожидать после этого тех неуместных нападок, объектом которых сделалась эта система.

Резюмируя это рассуждение, я утверждаю, что можно не быть ни утопистом-филантропом, ни кондотьером, и все же желать, чтобы войны на истребление были исключены из кодекса международных отношений и чтобы национальной обороны через регулярную милицию при помощи также политических союзов могло быть впредь достаточно для обеспечения независимости государства.

Я как военный человек предпочитаю лояльную рыцарскую войну организованному убийству и сознаюсь, что если бы пришлось выбирать, то я всегда предпочел бы те добрые старые времена, когда французская и английская гвардии учтиво приглашали друг друга первыми открыть огонь, как это было при Фонтенуа, той ужасной эпохе, когда священники, женщины и дети организовали по всей испанской территории убийства отделившихся солдат.

Если, с точки зрения генерала Р..., это мнение снова покажется кощунством, я возражать не будут, признавая, однако, что между этими двумя крайностями есть более приемлемая середина, которая удовлетворяет всем требованиям и является именно той системой, которая навлекла на меня столько несправедливых нападок.

Статья IX

О ГРАЖДАНСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙНАХ

Внутренние войны, когда они не имеют связи с иностранной распрей, обычно являются результатом борьбы мнений, духа политической или религиозной партийности. В средние века такие войны часто являлись результатом столкновения феодальных клик. Однако наиболее достойными осуждения являются религиозные войны.

Когда правительство истребляет собственных подданных, чтобы принудить их молиться на французском или на латинском языке и чтобы заставить их признать верховенство ино-

странного первосвященника, то это трудно постижимо для разума. Из всех государей Франции наибольшего порицания заслуживает, бесспорно, Людовик XIV, который изгнал из своего королевства миллион искусных в ремеслах протестантов, возведших на престол его предка, такого же протестанта, как и они. Войны религиозного фанатизма ужасны, когда они связаны с внешними войнами; они ужасны даже тогда, когда являются семейными раздорами. История Франции во времена Лиги [18] будет всегда служить уроком для народов.

Хотя обыкновенно опасения бывают преувеличены и часто служат только предлогом, однако возможно, что какое-либо государство действительно верит, что движение на его территории угрожает ему. Но при богословских прениях этого никогда не бывает, и вмешательство Филиппа II в дела Лиги не могло иметь другой цели, кроме раздела Франции или подчинения ее своему влиянию, чтобы затем мало-помалу ее расчленить.

Статья X

О ВОЙНАХ НА ДВА ФРОНТА И ОБ ОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЬ ОДНОВРЕМЕННО ДВЕ ВОЙНЫ

Знаменитое правило римлян — никогда не предпринимать одновременно двух больших войн — слишком хорошо известно и признано, а потому едва ли нужно стараться доказывать его мудрость.

Государство может быть вынуждено вести войну с двумя соседними народами; но нужны особо неблагоприятные обстоятельства, чтобы в таком случае не нашлось также союзника, который пришел бы на помощь из чувства самосохранения и для поддержания политического равновесия. Редко также случается, чтобы два народа, объединившиеся против одного государства, были бы одинаково заинтересованы в войне и применили бы в ней все свои средства; а если один из них будет только вспомогательным фактором, то война будет обыкновенной.

Людовик XIV, Фридрих II, император Александр и Наполеон выдержали гигантские войны против коалиций Европы. Когда подобные войны происходят в результате произвольных агрессий, которых можно было бы избежать, они свидетельствуют о весьма крупной ошибке того, кто их начинает; но если подобные войны проистекают из повелительных

и неизбежных обстоятельств, то надо принять меры для исправления положения, стараясь противопоставить средства или союзы, могущие установить некоторое равновесие сил обеих сторон.

Великая коалиция против Людовика XIV, вызванная, как мы уже сказали, его видами на Испанию, все же зародилась во времена его предыдущих агрессий, обеспокоивших всех его соседей. Сговорившейся Европе он мог противопоставить только свой верный союз с курфюрстом Баварским и более сомнительный — с герцогом Савойским, который и не замедлил увеличить число участников коалиции. Фридрих II выдержал войну против трех наиболее могущественных монархий континента только благодаря денежной поддержке Англии и 50 000 чел. вспомогательного войска шести разных малых государств. Но лучшими его союзниками были несогласия и слабость сил его противников.

Обе эти войны, как и война, выдержанная императором Александром в 1812 г., были почти неизбежны.

Таким образом, Наполеон — единственный в своем роде из современных властителей, добровольно предпринявший две и даже три ужасные войны одновременно, а именно с Испанией, Англией и Россией. Но при этом в последней войне он пользовался поддержкой Австрии и Пруссии, не говоря уже о Турции и Швеции, на которых он понадеялся с излишней доверчивостью, так что это предприятие не было с его стороны столь авантюристическим, как вообще полагали, судя по обороту, который приняли события.

Из предыдущего видно, какое большое различие нужно делать между войной, предпринятой только против одного государства, на помощь которому приходит третья держава своим вспомогательным корпусом, и двумя войнами, ведущимися одновременно на двух противоположных концах государства и против двух могущественных наций, которые вводят все силы и средства, чтобы раздавить всякого, кто им угрожал бы. Например, двойная борьба Наполеона, затеянная им в 1809 г. один на один с Австрией и Испанией, которых поддерживала Англия, была для него гораздо тяжелее, чем если бы он имел дело только с Австрией, в помощь которой был бы отряжен какой-либо вспомогательный корпус, численностью, установленной определенными договорами. Войны последней категории относятся уже к разряду обыкновенных войн.

Итак, вообще следует притти к заключению, что нужно избегать войн на два фронта пока возможно и что если такой

случай все же произойдет, то лучше скрывать свое негодование против одного из соседей до удобного момента и тогда уже потребовать от него удовлетворения за нанесенные оскорбления. Однако это правилу не может быть безусловным. Относительные силы, условия местности, возможность найти союзников для восстановления некоторого равновесия между сторонами — эти все такие обстоятельства, которые будут иметь влияние на решение государства, находящегося под угрозой подобной войны. Мы выполним свою задачу, если укажем одновременно и на опасность, и на средства, которые можно ей противопоставить.

ГЛАВА II

О ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ, ИЛИ О ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ

Мы уже объяснили, что мы подразумеваем под этим наименованием. Это все те моральные комбинации [19], которые имеют отношение к действиям армий. Если политические комбинации, о которых мы только что говорили, также относятся к факторам морального порядка, влияющим на способы ведения войны, то имеются и другие, которые, не завися от дипломатии, не принадлежат также и к комбинациям тактическим и стратегическим. Им нельзя поэтому найти лучшего наименования, чем военная политика или философия войны *.

Мы остановимся на первом наименовании, потому что, хотя в своем истинном значении слово «философия» и может быть приложено к войне, как и к метафизическим умозрениям, все же этому понятию дается столь неопределенный смысл, что мы несколько затрудняемся соединить эти два слова. Таким образом, нужно помнить, что под *политикой войны* ** я подразумеваю все взаимоотношения между дипломатической деятельностью и войной, тогда как термин *военная политика* *** означает только военные комбинации правительства или полководца.

---

* Ллойд хорошо разобрал этот вопрос во II и III частях своих «Мемуаров». Главы о полководце и о страстях замечательны. IV часть также интересна, но она далеко не полна и выраженные в ней взгляды далеко не всегда правильны.

Маркиз де-Шамбрэ тоже разбирал этот вопрос, и не без успеха, хотя и встретил возражения. Впрочем, он лишь шел по следам Траншана-де-Ляверн.

** Politique de la guerre.

*** Politique militaire.

Военная политика может охватывать все комбинации проекта войны, не имеющие характера дипломатической политики и стратегии. Так как число этих комбинаций очень значительно, то мы не можем каждой из них посвятить особую статью, не выйдя за границы этого обзора и не уклоняясь от нашей цели, состоящей не в том, чтобы дать полный разбор всех этих вопросов, а только в том, чтобы указать на их связь с военными действиями.

В самом деле, в эту категорию можно включить страсти тех народов, с которыми предстоит сражаться, их военную организацию, их первоочередные и резервные средства, их финансовые источники, преданность своему правительству или своему государственному устройству. Кроме того, нужно учитывать характер главы государства, а также начальников, стоящих во главе армии, их военные таланты, влияние, которое правительство или военный совет оказывают на ведение войны, находясь в столице. Нужно знать, каких правил ведения войны придерживается главным образом неприятельский генеральный штаб, знать различие в составе и вооружении обеих армий, военную географию и военную статистику той страны, в которую предстоит проникнуть; наконец, нужно знать ресурсы и всякого рода препятствия, которые можно там встретить. Все это важные вопросы, требующие рассмотрения и не относящиеся тем не менее ни к внешней политике, ни к стратегии.

Для разрешения этих вопросов нельзя дать определенные правила, кроме разве того, что правительство ничем не должно пренебрегать для добывания сведений обо всех этих подробностях и что совершенно необходимо принимать их в соображение в намеченном плане войны. Мы сейчас набросаем лишь основные точки зрения, которыми необходимо руководствоваться в подобного рода комбинациях.

Статья XI

О ВОЕННОЙ СТАТИСТИКЕ И ВОЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

Под первой из этих наук следует понимать возможно более совершенное знание всех элементов мощи и всех военных средств противника, с которым придется вести борьбу [20].

Вторая состоит в топографическом и стратегическом описании театра войны со всеми его препятствиями, которые могут быть противопоставлены нашим предприятиям искусством и

природой, в исследовании постоянных решающих пунктов, образуемых границей или даже всем протяжением страны. Не только министерство, но также командующий армией и генеральный штаб должны быть в курсе всех этих сведений. В противном случае все расчеты их будут весьма ошибочны, как это часто случается даже в наше время, несмотря на громадный прогресс, достигнутый цивилизованными народами во всех науках — статистических, политических, географических и топографических. Я приведу только два примера, коих сам был свидетелем. В 1796 г. армия генерала Моро, вторгаясь в так называемый Шварцвальд, ожидала встретить там страшные горы, теснины и леса, которые заставили бы ее вспомнить о древней Герсинии *, богатой столь ужасными событиями. Однако французские войска, взойдя на крутые скаты этого обширного плоскогорья, обращенные к Рейну, очень удивились, увидав, что горы состоят только из этих скатов с их уступами, а вся страна от источников Дуная до Донауверта представляет собой обширные богатые равнины.

Второй пример, более свежий, имел место в 1813 г. Вся армия Наполеона и даже сам этот великий полководец предполагали, что территория Богемии изрезана горами, между тем как во всей Европе нет более ровной страны, чем Богемия за поясом второстепенных гор, которыми она окружена. А это дело одного перехода.

Все военные в Европе были почти такого же ошибочного мнения о Балканских горах и об истинной силе Оттоманской империи внутри ее территории: казалось, будто бы из Константинополя был отдан приказ считать этот пояс гор почти непреодолимым барьером и оплотом Турецкой империи. Этого заблуждения я, как житель Альпийских гор, никогда не разделял. По столь же закоренелым предрассудкам верили и тому, что турецкий народ, поголовно вооруженный, обязательно образует в совокупности страшное ополчение, которое будет защищаться до последней крайности.

А опыт показал, что древние установления, согласно которым отборные янычары были размещены в пограничных городах по Дунаю, сделали население этих городов более воинственным, чем были жители внутренних областей империи, которые воевали только с безоружными подданными-христианами. Этот призрак был наконец разоблачен. Пограничная полоса Турции оказалась только внушительной завесой, которую ничто не под-

---

* Герсиния (Hercynia) — по Цезарю, так назывались лесистые горы Средней Германии от Рейна до Карпат. — *Ред.*

держивало. И как только русские пробились сквозь нее, призрак исчез. Правда, преобразования, задуманные султаном Махмудом, заставляли его отказаться от древней системы, но у него не было времени заменить ее новой, почему империя и была захвачена врасплох. Однако опыт войны доказал, что толпа храбрых людей, вооруженных до зубов, не составляет еще хорошей армии и не обеспечивает народной обороны.

Но возвратимся к вопросу о необходимости хорошо знать военную географию и статистику данного государства. Правда, этим наукам необходимо еще обзавестись элементарными сочинениями; им еще нужно развиваться. Ллойду, проделавшему в 5-й части своих «Мемуаров» опыт географического описания границ больших государств Европы, не посчастливилось в его суждениях и предсказаниях. Везде он видел преграды и, между прочим, представлял непреодолимой границу Австрии по реке Инн между Тиролем и городом Пассау, где, как мы знаем, Моро и Наполеон маневрировали с армиями в 150 000 человек в 1800, 1805 и 1809 гг., одерживая победы над австрийцами. Большая часть суждений Ллойда столь же ошибочна, как и это, ибо он рассматривает вещи слишком материалистически.

Но, если военная география и военная статистика и не преподаются еще всенародно, то в архивах генеральных штабов европейских государств должно находиться множество драгоценных документов, по которым можно было бы изучать эти науки хотя бы в специальных школах, учрежденных для генеральных штабов.

В ожидании того, что какой-либо любознательный офицер когда-нибудь воспользуется опубликованными и неопубликованными документами для составления в общих интересах хорошей военной и стратегической географии, этот пробел частично можно восполнить благодаря громадному прогрессу топографии в наше время и превосходным картам, изданным за последние двадцать лет во всех государствах. В эпоху начала французской революции топография находилась еще в младенческом возрасте. За исключением полутопографической карты Кассини, только издания Бакенберга заслуживали этого наименования. Австрийский и прусский генеральные штабы имели уже хорошие школы, которые впоследствии принесли плоды: карты, недавно изданные в Вене, Берлине, Мюнхене, Штутгарте, Париже, а также карты замечательного института Гердера в Фрибурге (в Бризгау) явятся для будущих полководцев чрезвычайно важным пособием, неизвестным их предшественникам.

Военную статистику знают так же мало, как и военную географию *. По этой части имеются только весьма поверхностные и неполные таблицы, куда нерегулярно вносятся кое-какие данные о численности вооруженных сил, о числе кораблей, которыми располагает государство, так же как и данные о предполагаемых доходах его. Но все это далеко не составляет той совершенно необходимой науки, которая так нужна для комбинирования военных операций.

Мы не намерены углубляться здесь в эти важные предметы, но упоминаем о них, как о средствах, направленных к достижению успеха в военных предприятиях.

Статья XII

О РАЗНЫХ ДРУГИХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА УСПЕХ ВОЙНЫ

Если возбужденные страсти народа составляют силу, которую нужно преодолеть, то полководец и правительство должны приложить все свои усилия к успокоению этих страстей. Мы ничего не можем прибавить к тому, что уже сказано по этому вопросу в статье о народных войнах.

Но зато полководец должен сделать все, чтобы наэлектризовать своих солдат и возбудить у них тот самый порыв, который нужно подавить у своих противников. Все армии способны к энтузиазму. Различны только в соответствии с духом народов побудительные причины и средства. Военное красноречие было предметом литературных трудов; мы упоминаем о нем как об одном из средств. Воззвания Наполеона и генерала Паскевича, речи древних полководцев к своим воинам, речи Суворова, еще более простые, суть образцы различного рода. Близкие народу причины войны и внушающий доверие своими прежними победами главнокомандующий являются мощными средствами для воспламенения армии и облегчают ей достижение успехов.

---

* Уже после того, как эта глава была написана, австрийский полковник Рудторфер издал в виде таблиц крайне интересные очерки, последовательно охватывающие всю военную географию Европы. Однако это все же недостаточно полная попытка. Описательная форма, по моему мнению, предпочтительнее, чем эти таблицы, или, по крайней мере, следует пользоваться и тем и другим способами.

Некоторые офицеры оспаривали выгоды, создаваемые энтузиазмом армии, и предпочитали энтузиазму непоколебимое хладнокровие в боях. То и другое имеет свои выгоды и неудобства; нельзя этого не признавать. Энтузиазм побуждает к величайшим подвигам. Трудность состоит в постоянном поддержании энтузиазма: если армия экзальтирована, то, впадая при неудаче в уныние и теряя мужество, она тем скорее приходит в беспорядок.

Большая или меньшая активность и смелость командующих сражающимися армиями также являются элементами успеха или неудачи, которые нельзя урегулировать правилами. Правительство и командующий армией должны принимать в расчет внутреннюю ценность войск и силу их состава по сравнению с неприятельскими войсками. Русский генерал, командуя войсками наиболее сильного состава в Европе, может предпринимать в открытом поле все, что угодно, против недисциплинированных и не подчиняющихся воинскому порядку масс, как бы ни были храбры люди, из которых они состоят. Спайка дает силу, порядок обеспечивает спайку, дисциплина способствует порядку. Без дисциплины и порядка нельзя иметь успеха *. Тот же русский генерал с теми же войсками будет более осторожен против европейской армии, которая имеет и такое же обучение и, примерно, такую же дисциплину. Наконец, действуя против полководца вроде генерала Макка, можно позволить себе то, чего нельзя делать, имея перед собой Наполеона.

Смелость военных предприятий во многом зависит также от правительства и его влияния на армию. Полководец, имеющий полную свободу действий, всегда будет обладать большими преимуществами в борьбе против полководца, которого гений и руки связаны верховным военным советом, находящимся за 200 лье от театра войны.

Превосходство в искусстве полководцев бесспорно является одним из надежнейших залогов победы, особенно если предположить, что все другие шансы одинаковы. Конечно, бывали примеры, что и великие полководцы терпели поражения от

---

* Если армия, состоящая из одних нерегулярных войск, не может одерживать победы, то нужно признать, что те же войска при поддержке хороших регулярных войск, выполняя вспомогательные задачи, приносят величайшую пользу. Когда они многочисленны, они доводят неприятеля до отчаяния, истребляя его обозы, прерывая все его сообщения и держа его, так сказать, запертым в лагерях. Они наносят громадный вред неприятелю в особенности при его отступлении, что испытали французы в 1812 г.

посредственных генералов, но одно исключение не делает правила. Одно плохо понятое приказание или случайное происшествие может обратить в пользу неприятеля все шансы на успех, которые искусный генерал подготовил себе своими передвижениями. Это одна из тех случайностей, которых ни предвидеть, ни избежать нельзя. Но было ли бы справедливо по этой причине отрицать влияние принципов и науки при действиях в обычной обстановке? Без сомнения нет, так как самая случайность служит наилучшим торжеством для принципов, потому что именно они могут быть применены той самой армией, против которой их хотели использовать, и она одержит победу вследствие превосходства принципов. Но, соглашаясь с очевидностью этих доводов, может быть, выведут заключение, говорящее против науки?.. Это было бы также необоснованно, так как военная наука состоит в искусстве склонять на свою сторону все выгоды, которые можно предвидеть, но оно не может распространяться на капризы судьбы. Даже в том случае, когда число сражений, выигранных с помощью искусных движений, не превзойдет числа сражений, выигранных в результате случайных происшествий, то и тогда ничто не опровергает моих утверждений.

Если искусство главнокомандующего есть одно из главнейших средств для достижения победы, то легко понять, что выбор главнокомандующего является одним из самых сложных вопросов науки управления и одной из важнейших частей военной политики государства.

К несчастью, этот выбор подвержен столь многим мелочным страстям, что случайность, старшинство, фаворитизм, партийная интрига, соперничество влияют на назначение главнокомандующего не меньше, чем интересы общества и справедливость.

Впрочем, эта тема настолько важна, что мы посвятим ей особую статью.

СТАТЬЯ XIII

О ВОЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Деятельность учреждений, ведающих управлением армией, составляет одну из важнейших частей военной политики государства. Превосходная армия под командованием посредственного генерала может творить великие дела. Плохая же армия под командованием великого полководца хотя и может

сделать то же самое, но она сделала бы гораздо больше, если бы к дарованиям главнокомандующего были присоединены и высококачественные войска.

Двенадцать существенных условий способствуют совершенству армии:

1) хорошая система комплектования;

2) хорошее устройство;

3) хорошо организованная система народных резервов;

4) войска и офицеры, хорошо обученные маневрированию, внутренней и полевой службе;

5) крепкая, но не унизительная дисциплина, дух подчинения и исполнительности, являющиеся результатом скорее убеждения военнослужащих всех степеней, чем формальной стороной службы;

6) хорошо продуманная система наград и соревнования;

7) достаточно хорошая подготовка специальных родов войск (инженерных войск и артиллерии);

8) хорошо продуманное вооружение, превосходящее, по возможности, вооружение противника; это относится не только к наступательному, но и к оборонительному вооружению;

9) генеральный штаб, который был бы способен умело использовать перечисленные выше элементы и хорошая организация которого соответствовала бы классическому [21] и практическому обучению его офицеров;

10) хорошая система снабжения, госпиталей и вообще военно-хозяйственного дела *;

11) хорошая система организации командования армиями и высшего управления военными действиями;

12) умение возбуждать военный дух.

Нужно при этом сказать, что без большого ущерба для дела ни одним из этих требований нельзя пренебречь. Пруссия имела в 1806 г. хорошо обученную маневрированию и хорошо дисциплинированную армию, но во главе ее не было

---

* К этим различным требованиям можно еще добавить требование хорошей системы обмундирования и снаряжения войск, так как хотя эти вещи и не имеют, как, например, вооружение, непосредственного отношения к боевым действиям на поле сражения, но они все же оказывают влияние на сбережение сил войск. В конце концов, хорошо устроенная армия, лучше сохранившая своих старых солдат, может надеяться на значительный перевес над молодыми рекрутами, беспрестанно поступающими на пополнение частей. За образец в этом отношении берут английскую армию, но если для Англии, при ее богатствах, легко снабжать небольшие армии в 50 000 — 60 000 человек, то это гораздо более трудное дело для континентальных держав с их большими армиями.

способных полководцев, у нее не было народных резервов, — и под ударами Наполеона Пруссия пала в 15 дней. Зато в истории можно видеть много таких случаев и обстоятельств, когда государство должно было поздравлять себя с тем, что у него хорошая армия. Филипп и Александр Македонский, сумевшие создать и обучить свои фаланги, сделали массы столь поворотливыми и столь способными к выполнению самых быстрых маневров, что это дало возможность македонянам с горстью отборных воинов покорить Персию и Индию. Чрезмерное пристрастие отца Фридриха II к выучке солдат доставило этому государю армию, способную к выполнению всех его замыслов.

Правительство, которое под каким бы то ни было предлогом оставляет в пренебрежении свою армию, является, следовательно, в глазах потомства достойным осуждения, потому что оно тем самым подготовляет унижение своей стране и своим войскам, вместо того чтобы, действуя противоположным образом, подготовить их успех. Мы совсем не придерживаемся того мнения, что правительство должно жертвовать для армии всем, — это было бы нелепостью. Но все же армия должна быть предметом его постоянных попечений, и если сам государь не получил военного воспитания, то ему трудно достичь цели, которую он должен себе поставить. В таком случае, — который, к сожалению, слишком часто имеет место, — недостаток военного образования у государя необходимо заменить мудрыми и предусмотрительными учреждениями, во главе которых, безусловно, надо поставить хорошую систему генерального штаба, хорошую систему пополнения, комплектования армии и национальных резервов.

В самом деле, существуют формы правления, которые не всегда дают возможность главе государства принять наилучшую систему военных учреждений. Если армии Римской республики и даже армии Французской республики доказали, так же как армия Людовика XIV и Фридриха Великого, что хорошая военная организация и мудрое управление военными действиями могут иметь место при правительствах, совершенно противоположных по своим принципам, то все же нельзя не признать, что современные нравы, современные формы правления во многом способствуют развитию военных сил государства и поднятию действительной военной ценности его ополчения.

Когда контроль над общественными денежными средствами доверяется людям, у которых преобладают местные или замкнутые кружковые интересы, то было бы слишком мелочно

и узко полностью отрицать наличие всякого военного духа у исполнительной власти. Вследствие непонятного заблуждения многие считают такое правительство враждебным народу, вместо того чтобы смотреть на него, как на руководство и начальство, являющееся и представителем всех национальных интересов. Равным образом злоупотребление плохо понятыми общественными свободами тоже может способствовать этому печальному результату. Вследствие этого даже наиболее предусмотрительное правительство не сможет заранее подготовиться к большой войне, хотя бы оно и действовало под влиянием самых очевидных интересов страны, или более отдаленного будущего, или даже организовало сопротивление неожиданной агрессии со стороны лучше подготовившихся врагов.

Депутаты выборной палаты в тщетной и неизменной надежде снискать себе популярность в массах плательщиков налогов, которые дают им власть (а эти депутаты в большинстве своем никогда не будут состоять ни из Ришелье, ни из Питтов или Лувуа), не станут ли в целях плохо понятой экономии ослаблять учреждения, столь необходимые для организации многочисленной и хорошо обученной всем военным движениям и маневрам армии с крепкой дисциплиной? При помощи наиболее соблазнительных утопий — плода чрезмерной филантропии — разве не могут они убедить и самих себя, а затем и своих избирателей, что сладость мира всегда предпочтительнее, чем самые мудрые военные и политические предвидения?

Я вовсе не хочу советовать государствам всегда иметь шпагу наголо, всегда быть в состоянии полной подготовленности к войне. Это было бы прямо-таки бедствием для человечества, да это даже и невозможно при современном состоянии государств. Я хочу только сказать, что просвещенные правительства должны быть всегда готовы во-время начать выгодную войну, что является следствием как мудрого устройства их военных учреждений, так равно и предусмотрительности правительств и совершенства военно-политической системы.

Если в обычные времена при конституционной власти правительства, находясь в зависимости от всех капризов выборных палат, и кажутся поэтому менее, чем другие, способными обосновать и подготовить мощную военную систему, зато нужно также признать, что в случае решительных кризисов совещательные палаты иногда дают другие результаты и способствуют большему развертыванию народных сил. Однако история дает нам лишь очень немного примеров таких исклю-

чительных случаев, когда народные собрания, поставленные в необходимость победить или погибнуть, использовали бы чрезвычайное воодушевление умов, чтобы спасти одновременно и страну и свои головы, прибегая к самым ужасным средствам, в особенности же опираясь на неограниченную диктаторскую власть, которая ниспровергала все свободы и отнимала собственность под предлогом их защиты. Таким образом, это была диктатура, или безусловная и чудовищная узурпация государственной власти, хотя и в виде совещательных собраний, которые как раз и способствовали развертыванию энергии. То, что произошло в Конвенте после падения Робеспьера и ужасного Комитета общественного спасения, доказывает это столь же убедительно, как и Палата 1815 г. и массовое восстание в Португалии вследствие простого обращения регентского совета, хотя с точки зрения других внутренних отношений они представляют бесспорные преимущества.

Мне извинят, если я ограничусь этим простым указанием на доводы «*за*» и «*против*» и не дам своего окончательного заключения, так как я не могу более распространяться об этих столь щекотливых вопросах, не вторгаясь в область проблем, касаться которых мне в равной мере воспрещают как рамки моего труда, так и мое личное положение. Достаточно того, что я указал на эти вопросы для обсуждения их государственными людьми. Я должен здесь формально подчеркнуть, что я не намереваюсь делать какие-либо намеки на события наших дней и ограничиваюсь исключительно провозглашением истин, которые хотя и появляются в форме, основанной на догадках, тем не менее не перестают оставаться истинами всех времен и всех стран.

В течение продолжительного мира в особенности важно сохранять боеспособность армии, потому что именно тогда она может ее легче всего потерять. Важно поддерживать в ней боевой дух, тренировать ее во время больших маневров, которые, являясь хотя и очень несовершенным подражанием действительной войне, все же, бесспорно, подготовляют к ней войска. Не менее важно помешать войскам изнежиться, для чего следует их привлекать к работам, полезным для обороны страны.

Изолированное расположение полков в виде гарнизонов является одной из самых плохих систем, какой только можно следовать. Русская и прусская организации в виде постоянных дивизий и армейских корпусов, повидимому, гораздо предпочтительнее. Вообще русская армия ныне может во многих отношениях служить образцом. А если многие ее порядки для

других армий бесполезны или невыполнимы, то все же нужно признать, что у нее можно заимствовать много хорошего.

Что касается наград и продвижения по службе в мирное время, то существенно важно поддерживать старшинство по службе, отнюдь, однако, не пренебрегая заслугами. При каждом производстве следовало бы три четверти офицеров повышать по старшинству службы, а одну четверть — по выбору из отличившихся своими достоинствами и служебным рвением. В военное время производство по старшинству, напротив, должно быть или вовсе приостановлено, или, по крайней мере, уменьшено до одной трети. Остальные две трети должны были бы предоставляться отличившимся блестящими действиями и отчетливо установленными заслугами.

На войне превосходство в вооружении может увеличить шансы на успех. Но одно превосходство в вооружении, конечно, не выигрывает сражений, оно лишь способствует этому выигрышу. Все помнят, сколь роковым мог бы стать для французов большой недостаток артиллерии при Эйлау и при Маренго. Припомним также, какое превосходство приобрела французская тяжелая кавалерия, приняв кирасы, которые она так долго отклоняла. Всякому, наконец, известны преимущества пики. Несомненно, при фуражировках уланы не превосходили гусар. Но совсем другое дело, когда бросаются в атаку, построившись в линию. Сколько тысяч храбрых кавалеристов пало жертвой своего предубеждения против пики лишь потому, что она немного больше стесняет, чем сабля.

Вооружение армий еще может быть намного усовершенствовано. Та армия, которая захватит инициативу в этих усовершенствованиях вооружения, обеспечит себе большие преимущества. Артиллерия оставляет желать немногого, но наступательное и оборонительное оружие пехоты и кавалерии заслуживает внимания со стороны предусмотрительного правительства.

Новые изобретения за последние двадцать лет, повидимому, обещают великую революцию в организации, вооружении и даже в тактике армий. Одна лишь стратегия сохранит свои принципы, которые были одинаковыми как при Сципионе и Цезаре, так и при Фридрихе, Петре Великом и Наполеоне, так как они не зависят от природы и свойств оружия и от организации войск.

Средства истребления совершенствуются с ужасающей быстротой. Ракеты Конгрева, направлением полета и действием которых австрийцам, как говорят, удалось овладеть; гаубицы Шрапнеля, бросающие потоки пуль на дальность полета ядра;

паровые ружья Перкинса, которые выпускают столько же пуль, сколько целый батальон, — все это, может быть, во сто крат увеличит шансы резни и убийства людей, как будто бы гекатомбы в сражениях при Эйлау, Бородине, Лейпциге и Ватерлоо еще недостаточно уменьшили численность народонаселения Европы!

Если государства не согласятся на каком-нибудь конгрессе запретить все эти смертоносные и разрушительные изобретения, то не останется ничего другого, как составить армии наполовину из бронированной кавалерии, чтобы с наибольшей быстротой разрушить все эти машины. И даже пехота должна будет вернуться к средневековым железным доспехам, без которых целый батальон может быть уложен на месте, не достигнув расположения неприятеля. Следовательно, мы снова можем увидеть знаменитую жандармерию, целиком, даже вместе с лошадью, закованную в латы.

В ожидании такой обстановки, пока еще далекой от нас, мы с достоверностью устанавливаем, что артиллерия и вся убийственная пиротехника достигли таких успехов, которые заставляют подумать об изменении глубокого боевого порядка. излишне часто применявшегося Наполеоном. К этой теме мы вернемся еще в главе о тактике.

Резюмируем же вкратце существенные основания военной политики, которую должно вести мудрое правительство.

1. Главе государства нужно давать одновременно политическое и военное воспитание. Он должен иметь в своих советниках скорее хороших администраторов, чем государственных или военных деятелей. Поэтому-то и должен он стремиться сам быть таковым.

2. Если сам глава государства лично не предводительствует своими армиями, то важнейший его долг и наибольший его интерес состоят в том, чтобы найти себе достойного заместителя, т. е. вверить славу своего правления и безопасность государства наиболее способному генералу.

3. Постоянная армия не только должна быть всегда в боеспособном состоянии, но нужно еще иметь возможность в случае нужды удвоить ее с помощью благоразумно подготовленных резервов. Обучение и дисциплина армии должны быть на одном уровне с хорошей организацией. Наконец, система вооружения армии должна быть если не превосходнее, то по меньшей мере столь же усовершенствована, как у соседних государств.

4. Вся материальная часть точно так же должна быть в наилучшем состоянии и иметь необходимые запасы. Все полезные изобретения и новшества, сделанные или введенные в соседних

государствах, следует перенимать, не считаясь с мелочным национальным самолюбием.

5. Важно, чтобы изучение военных наук поощрялось и вознаграждалось так же, как храбрость и служебное рвение. Поэтому следует оказывать уважение и почет тем войсковым частям, в которых офицеры изучают военные науки. Это единственное средство привлечь в состав армии со всех сторон людей с достоинствами, заслугами и даровитых.

6. Генеральный штаб должен быть использован в мирное время для подготовительных работ, имея в виду все возможные случаи могущей начаться войны. Архивы генерального штаба должны располагать многочисленными историческими материалами о прошлых войнах и всеми статистическими, географическими, топографическими и стратегическими документами, необходимыми для настоящего и будущего времени. В этих целях существенно важно, чтобы в мирное время начальник корпуса генерального штаба и часть офицеров постоянно находились в столице, а военный архив был архивом генерального штаба, что не исключает создания секретного отдела для хранения документов, скрываемых от младших офицеров корпуса.

7. Ничем не следует пренебрегать в стремлении получить военно-географические и военно-статистические данные о соседних государствах, чтобы знать их материальные и моральные средства для нападения и обороны, равно как и стратегические шансы обеих сторон; для этих научных работ следует использовать выдающихся офицеров и награждать их за отличное выполнение.

8. Решив вести войну, надо составить, если не полный план военных действий, что невозможно, то, по крайней мере, систему операций, в которой задаются целью и обеспечивают себе базис, а также все необходимые материальные средства как залог успеха всего предприятия.

9. Система операций должна соответствовать цели войны, характеру противников, природе и ресурсам страны, характеру народов и тех вождей, которые будут руководить народами как в армии, так и внутри государства. Система операций должна быть рассчитана с учетом тех материальных и моральных средств наступления и обороны, которые неприятель может нам противопоставить. Наконец, надо принять во внимание вероятные союзы, которые в течение войны могут быть заключены за или против воюющих сторон, что усложняет расчет шансов на успех.

10. Нельзя упускать из виду также финансового положения государства. Состояние финансов надо взвесить как фактор

успеха или неуспеха, входящий в перечень других военных факторов. Впрочем, опасно было бы постоянно придавать финансам то важное значение, которое им, повидимому, придавал король Фридрих, судя по его «Истории моего времени». Король Фридрих имел на то основания в эпоху, когда армии по большей части пополнялись добровольцами. Тогда последнее экю доставляло и последнего солдата. Но там, где хорошо организованы народные ополчения, деньги не оказывают уже того влияния, по крайней мере, если иметь в виду одну или две кампании. Если Англия показала, что деньги дают солдат и вспомогательные войска, то Франция показала, что любовь к отечеству и к славе также дают солдат и что в случае надобности «война питает войну». Франция, несомненно, нашла источники временной мощи в богатстве своей земли и в воодушевлении своих вождей. Но такие источники нельзя было бы считать всеобщей основой какой-либо системы. Тем не менее, результаты были поразительны. Ежегодно лондонским правительством распускались слухи о том, что Франция погибает из-за недостатка денег, тогда как Наполеон скопил 200 миллионов в подвалах Тюильри, регулярно погашая расходы государства и выплачивая жалованье армиям *.

Держава, изобилующая золотом, может иногда очень плохо обороняться. История показывает, что наиболее богатые народы не всегда являются в то же время самыми сильными и счастливыми. На весах военной силы железо весит, по меньшей мере, столько же, сколько и золото. Но все же поспешим согласиться с тем, что нацию делает наиболее сильною и наиболее способною выдерживать длительную войну счастливое соединение мудрых военных учреждений, патриотизма, внутреннего богатства и общественного кредита.

Нужно было бы написать целый том, чтобы обсудить все обстоятельства, при которых нация может развивать более или менее успешно свою мощь — будь то посредством золота или посредством железа, и чтобы определить случаи, когда можно надеяться на питание войны войной. Этот результат достигается только путем переброски своих армий на чужую территорию, причем не все страны одинаково способны снабжать средствами наступающего.

Но мы не можем более глубоко исследовать эти вопросы, не имеющие непосредственного отношения к военному искусству.

---

* В момент его падения, правда, в бюджете был дефицит, чего не было в 1811 г. Это явилось результатом его поражений и неслыханных усилий, которые ему пришлось проявить.

Статья XIV

О КОМАНДОВАНИИ АРМИЯМИ И О ВЫСШЕМ УПРАВЛЕНИИ ОПЕРАЦИЯМИ

Очень много рассуждали на тему о том, выгодно или невыгодно для государства, если сам монарх лично предводительствует армиями. Но как бы об этом ни думать, ясно одно, что когда сам государь чувствует в себе способности и гений Фридриха, Петра Великого или Наполеона, то он поостережется предоставить своим генералам честь выполнения великих дел, которые он сам может совершить, потому что иначе это обозначало бы пренебрежение и к собственной славе и к благу своей страны.

Не имея своей задачей решать вопрос, какие государи, воинственные или миролюбивые, могут лучше обеспечить счастье народа, что является филантропическим, чуждым нашему предмету вопросом, мы должны ограничиться признанием, что при равных достоинствах и удаче монарх-полководец всегда имеет преимущества над полководцем, который не является одновременно и главою государства. Не говоря уже о том, что монарх отвечает за смелые свои предприятия только перед самим собой, он может, кроме того, многое сделать благодаря уверенности, что он будет располагать всеми средствами государства для достижения цели, которую он себе поставит. Кроме того, в его руках находится еще такой мощный двигатель, как власть награждать, миловать и наказывать. Вся преданность и все самопожертвование будут в его распоряжении при выполнении всех его предприятий; зависть не может сорвать выполнения его предначертаний, или это бывает очень редко и случается лишь вдали от него, на второстепенных пунктах.

Всех этих причин, несомненно, достаточно, чтобы побудить государя решиться самому принять начальствование над армиями, если он чувствует к этому призвание и если борьба на самом деле достойна его. Но если он вовсе не имеет военного дарования, если он при том же еще слабого характера, легко поддающегося влияниям, тогда его присутствие в армии, вместо того чтобы принести пользу, лишь откроет арену для всякого рода интриг: всякий будет предлагать ему свои проекты, а так как у него не будет необходимой опытности для принятия решения, который из этих проектов лучше, то он и будет поддаваться влияниям своих приближенных. Командующий под его руководством генерал будет стеснен и будет встречать сопротивление во всех своих начинаниях; он не будет в состоя-

нии сделать ни одного искусного хода, даже если бы у него и был талант, необходимый для ведения войны. На это можно возразить, что государь может присутствовать в армии, не стесняя главнокомандующего, и даже помогать ему своей верховной властью, полностью одному ему доверяя. В таком случае присутствие государя иногда принесет пользу, но часто будет вызывать и большие затруднения: если, например, армия будет обойдена, отрезана от своих сообщений и вынуждена пробиваться силою оружия, то пребывание монарха в главной квартире может вызвать в этом положении самые печальные результаты.

Если монарх будет чувствовать в себе силу лично возглавлять армии, но еще не будет иметь достаточно уверенности в себе, что необходимо для управления армиями, то лучшая система в данном случае будет состоять в полном подражании тому, как поступило прусское правительство с Блюхером. Ею приставило к нему двух наиболее прославленных своими способностями генералов, из которых один был выбран из людей, известных своей исполнительностью, а другой был взят из наиболее подготовленных начальников штабов. Такая троица, если она работает в согласии, может дать отличные результаты, как это и было в силезской армии в 1813 г.

Подобная система весьма удобна также и в тюм случае, когда государь счел бы за благо вверить командование одному из принцев своей фамилии, так как это часто случалось со времен Людовика XIV. Часто принц только украшался почетным званием главнокомандующего, тогда как ему придавался советник, который и командовал в действительности. Так было с герцогом Орлеанским и Марсеном в знаменитом сражении под Турином, затем с герцогом Бургундским и Вандомом в сражении при Уденаре. Я даже думаю, что то же самое было и в Ульме с эрцгерцогом Фердинандом и Макком.

Этот последний способ весьма плачевен, так как тогда никто на самом деле не несет ответственности. Всем известно, что при Турине герцог Орлеанский оценивал обстановку с большей проницательностью, чем маршал Марсен, и последнему пришлось предъявить тайные полномочия короля, чтобы проиграть сражение против воли принца, командовавшего армией. То же произошло и в Ульме, где эрцгерцог Фердинанд обнаружил больше искусства и смелости, чем Макк, который был приставлен к нему ментором.

Если принц обладает гением и опытом эрцгерцога Карла, то на него следует возложить командование, предоставив ему полную свободу и право выбора себе подчиненных. Если же он еще

не приобрел достаточной известности, то ему можно назначить — как Блюхеру — образованного начальника штаба и советника, избранных среди наиболее испытанных людей. Но ни в коем случае не было бы благоразумным давать таким советникам какие-либо иные права, кроме права совещательного голоса.

Выше мы сказали, что если государь сам не становится во главе своей армии, то важнейшим его долгом будет выбрать себе хорошего заместителя, а это, к сожалению, не всегда бывает возможно. Не восходя к античным временам, достаточно припомнить более свежие примеры из эпохи правления Людовика XIV и Людовика XV. Оценка дарований принца Евгения по его уродливой внешности заставила этого величайшего полководца своего времени перейти в неприятельские ряды. А после смерти Лувуа Талар, Марсен и Вильруа сменили Тюренна. Кондэ и Люксембурга. Позже мы видим, что маршала Саксонского сменили Субиз и Клермон. От времен выбора щеголей, производившегося в будуарах Помпадур и Дюбарри, до любви Наполеона к рубакам, несомненно, пройдено много ступеней разного рода. Правительство, мало-мальски просвещенное, имеет полную возможность производить разумные назначения, но всегда человеческие слабости будут оказывать в том или другом виде свое влияние. Хитрость и покладистость часто будут иметь превосходство над скромным или застенчивым достоинством, ожидающим своего правильного использования.

Но даже оставляя в стороне все эти случайности, вытекающие из природы человеческого сердца, все же справедливо будет признать, что выбор окажется трудным даже для главы правительства, наиболее ревностно стремящегося к благу. Во-первых, чтобы выбрать искусного генерала, надо самому быть военным и суметь произвести оценку или же положиться на мнение других, что обязательно влечет за собой неудобства в виде влияния партий. Несомненно, что подобное затруднение уменьшается, если имеется генерал, уже прославленный многими победами. Но не говоря уже о том, что не всякий генерал, выигравший одно сражение, является великим полководцем (в виде доказательства могут быть приведены Журдан, Шерер и многие другие), не всегда бывает так, что государство имеет в своем распоряжении прославленного победами генерала. После продолжительного мира может случиться, что ни один европейский генерал не будет иметь стажа главнокомандующего. В этом случае трудно будет определить, по какому признаку можно одного генерала предпочесть другому. Всегда ли будут самыми способными для главного команд-

вания те, которые вследствие своей продолжительной службы в мирное время будут первыми в списке старшинства и будут иметь чин, нужный для командования армией?

Кроме того, общения главы государства со своими подчиненными настолько редки и кратковременны, что не следует удивляться трудности в расстановке людей по надлежащим местам. Уверенность государя, основанная на внешних признаках, может быть иногда неожиданно поколеблена, и даже при самых возвышенных чувствах он может ошибиться в выборе, причем нельзя будет и винить его за это.

Одним из наиболее надежных средств для избежания этого несчастья является, повидимому, осуществление прекрасной мечты Фенелона в Телемаке: искать верного, чистосердечного и великодушного Филоклета, который, стоя между государем и претендентами на командование, мог бы, благодаря своим более близким отношениям к обществу, помочь монарху относительно выбора лиц, более известных своими дарованиями и своим характером. Но не уступит ли иногда и этот верный друг своим личным привязанностям? Сумеет ли он в достаточной мере обеспечить себя от предубеждений? Разве Суворов не был отвергнут Потемкиным из-за наружности, и не понадобилась ли вся прозорливость Екатерины, чтобы дать полк человеку, впоследствии так прославившему ее оружие?

Думают, что общественное мнение является наилучшим руководителем. На самом деле нет ничего более случайного и более неверного. Не общественное ли мнение вознесло Дюмурье до Цезаря, хотя Дюмурье ровным счетом ничего не понимал в большой войне? Был ли бы поставлен Бонапарт во главе итальянской армии, если бы совершенно случайно о нем не знали лично два члена Директории? Однако следует признать, что общественное мнение хотя и не всегда бывает безошибочно, но все же пренебрегать им нельзя, в особенности если общество пережило большие кризисы и имеет опыт в суждении о событиях.

Существеннейшими качествами командующего армией всегда будут: *твердый характер или моральное мужество, ведущие к великим решениям; затем — хладнокровие или физическое мужество, господствующие над опасностями. Знания* занимают только третье место, но они всегда будут мощным подспорьем, и надо быть слепым, чтобы не признавать этого. Сверх того, как уже сказано в другом месте, не нужно под знаниями подразумевать обширную эрудицию; надо знать мало, но хорошо, а в особенности глубоко проникнуться руководящими принципами. За всеми этими качествами следуют личные качества: сме-

лый, справедливый, твердый и беспристрастный человек, умеющий ценить заслуги других, а не завидовать им, и использовать эти заслуги для собственной славы, всегда будет хорошим полководцем и может даже прослыть великим человеком. Это качество — отдавать справедливость заслугам других — встречается, к сожалению, весьма редко. Посредственные умы всегда завистливы и склонны к выбору себе плохих ближайших сотрудников, боясь того, как бы не подумали, что ими руководят. Они не понимают, что человеку, который стоит во главе армии и носит звание главнокомандующего, почти всегда приписывают всю славу успеха, даже если он не принимал в успехе никакого, даже самого малого участия.

Весьма часто поднимался вопрос, следует ли вверять командование преимущественно генералу, привыкшему, в силу большого опыта, к вождению войск, или же генералу, вышедшему из штаба или же из каких-либо технических родов войск, но не привыкшему лично руководить солдатами. Неоспоримо, что большая война есть совершенно особая наука и что можно очень хорошо задумывать и комбинировать операции, никогда не водя в бой с противником даже полка. Петр Великий, Кондэ, Фридрих и Наполеон служат в этом отношении доказательством. Следовательно, нельзя отрицать того, что генерал, вышедший из штабных работников, может сделаться великим полководцем, как и всякий другой. Но способность к высшему вождению нельзя приписывать тому, что он состарился на выполнении обязанностей квартирмейстера, а тому, что у него есть врожденный военный гений и требуемый характер. Точно так же и генерал, вышедший из пехоты или кавалерии, может быть столь же пригоден для вождения армии, как и ученый тактик.

Таким образом, повидимому, трудно решить вопрос безусловно, и все здесь зависит от личных качеств. Чтобы принять разумное решение, надо придерживаться золотой середины и признать:

— что генерал, служивший в штабе, в артиллерии или в инженерных войсках, который командовал также дивизией или армейским корпусом, будет при прочих равных условиях иметь действительное превосходство над тем, который знает только службу одного рода войск или какую-либо одну специальную службу;

— что генерал, стоявший во главе войск и сам размышлявший о войне, будет также пригоден для командования;

— что твердый характер есть главнейшее из всех качеств, требуемых от главнокомандующего;

—наконец, что соединение знания теории с твердым характером образует великого полководца.

* * *

Трудность обеспечить хороший выбор главнокомандующего привела к мысли восполнить его хорошим штабом, который в виде совета генералов оказывал бы действительное влияние на ход операций. Несомненно, отличный корпус офицеров генерального штаба, в котором непрерывно сохранялись бы хорошие традиции, всегда будет одним из полезнейших и удачнейших учреждений. Но нужно следить за тем, чтобы им не овладели ложные доктрины, потому что тогда это учреждение сделалось бы гибельным. Фридрих II, основывая военную академию в Потсдаме, не подозревал, что она сведется к положению «правое плечо вперед» («rechte Schulter vor!») генерала Рюхеля * и к принятию косого боевого порядка как вернейшего талисмана для одержания побед во всех сражениях. Как верно то, что от великого до смешного часто бывает один лишь шаг!

Кроме того, нужно тщательно избегать возникновения конфликта между главнокомандующим и его начальником штаба. Хотя последнего необходимо выбирать из наиболее выдающихся офицеров генерального штаба, но все-таки главнокомандующему надо предоставить право выбрать такого человека, к которому он относится с наибольшей симпатией. Навязать главнокомандующему начальника штаба против его воли—это значит создать анархию полномочий. Еще более опасно предоставить ему неограниченное право выбора, потому что, если он сам человек посредственный, поставленный на свой пост милостями или случайно, то он может остановиться на одном из ничтожных своих почитателей. Средний путь для избежания подобных зол будет состоять в том, чтобы дать главнокомандующему возможность выбора из числа нескольких генералов общепризнанных способностей, которые ему будут указаны.

Последовательно почти во всех армиях для придания большей торжественности и веса управлению военными действиями был придуман созыв военных советов, чтобы помочь главнокомандующему. Если это полководец вроде Субиза, Клермона

---

* Во время сражения при Иене этот генерал воображал, что он спасет армию, если скомандует: «правое плечо вперед» с целью образования косого боевого порядка!

или Макка, т. е. если это посредственный человек, то, несомненно, в совете могут быть высказаны и более разумные мнения, чем у него. Даже большинство участников совета может принять лучшие, чем у него, решения. Но какого успеха можно ожидать от действий, выполняемых другими, а не теми, которые их придумали или скомбинировали? К чему поведет выполнение какого-либо проекта, который сам главнокомандующий понимает лишь наполовину, потому что это не его собственная мысль?

Я испытал на себе жалкую роль суфлера генерал-квартирмейстера, и никто, может быть, лучше меня не в состоянии как следует оценить эту роль. Она особенно нелепа в военном совете, и чем многолюднее будет совет, чем больше будет в его составе высшей военной знати, тем труднее будет восторжествовать в нем истине и разуму, поскольку вообще в нем могут быть разноречия.

Что сделал бы военный совет, в котором Наполеон в качестве советника предложил бы движение к Арколе, план сражения у Риволи, движение через Сен-Бернар, маневр при Ульме или у Геры и Иены? Робкие нашли бы эти операции дерзкими до безумия, другие указали бы на тысячи затруднений при выполнении, и все единогласно отвергли бы их. Если же, наоборот, совет принял бы их, но выполнял их не Наполеон, а кто-нибудь другой, то не закончились ли бы они наверняка неудачей?

Таким образом, по моему мнению, военный совет — весьма жалкая помощь главнокомандующему. Военный совет может играть благоприятную роль только в том случае, если он одного мнения с главнокомандующим, ибо тогда главнокомандующий еще более укрепится в доверии к своим собственным решениям и будет к тому же уверен, что все подчиненные, проникнутые той же идеей, что и он сам, сделают все, что в их силах, чтобы обеспечить ее осуществление. Вот единственная польза, приносимая военным советом, который к тому же всегда должен быть лишь чисто совещательным. Но если вместо полного согласия мнений на нем возникнут разногласия, то тогда подобный совет может привести лишь к прискорбным результатам.

На основании предыдущего я считаю возможным сделать вывод, что лучший способ организовать командование армией, когда нет налицо великого полководца, неоднократно проявившего свои таланты, заключается в следующем:

1) вверять командование генералу испытанной храбрости, смелому в боях, непоколебимому в опасности;

2) дать ему начальником штаба человека с большими способностями, с открытым и лояльным характером — человека, с которым главнокомандующий был бы в полном согласии; слава достаточно велика, чтобы можно было уступить частицу ее другу, который способствовал подготовке успеха. Так, Блюхер в сотрудничестве с Гнейзенау и Мюффлингом сумел покрыть себя такой славой, какой он, действуя один, никогда, вероятно, не приобрел бы. Несомненно, что подобное двойственное командование никогда не может сравниться с командованием Фридриха, Наполеона или Суворова, но за отсутствием этого единства качеств великого полководца оно было бы наилучшим решением.

* * *

Прежде чем закончить обсуждение этих важных вопросов, мне остается сказать несколько слов еще об одном роде руководства военными операциями, а именно: о военных советах, учреждаемых в столице при правительстве. Лувуа продолжительное время управлял из Парижа армиями Людовика XIV и делал это с успехом. Карно также из Парижа управлял армиями Республики. В 1793 г. он это делал весьма удачно и спас Францию. В 1794 г. у него дело пошло сначала очень плохо, но потом он случайно исправил свои ошибки; в 1796 г. он действовал совсем плохо. Но Лувуа и Карно руководили военными действиями одни, не собирая военного совета.

Гофкригсрат, учрежденный в Вене, часто получал задачу по руководству операциями армий. В Европе всегда было полное единодушие в оценке печальных следствий, проистекавших от такого управления. Справедливо ли это мнение или же ошибочно? Ответить на этот вопрос могут только одни австрийские генералы.

Что касается меня, то я думаю, что единственная обязанность, которую можно было бы возложить на подобный совет, должна сводиться к одобрению общего плана военных действий. Уже известно, что под этим словом я подразумеваю не такой план, который наметил бы ход всей кампании, связал бы генералов и неизбежно привел бы к поражению. Здесь я разумею такой план, который определил бы цель кампании, наступательный или оборонительный характер операций; затем — материальные средства, которые следует подготовить для первоначальных действий, для резервов и, наконец, для всенародного ополчения на случай неприятельского вторжения. Нельзя отрицать, что все эти вопросы можно и даже должно обсуждать в правительственном совете, состоящем из

генералов и министров. Но этим и должна ограничиться деятельность подобного совета, потому что если бы он претендовал не только на то, чтобы сказать главнокомандующему, что он должен итти на Вену или Париж, но и на то, чтобы указать ему способ, каким он должен маневрировать, чтобы попасть туда, то злосчастный главнокомандующий был бы наверняка бит, а вся ответственность за эту неудачу пала бы на голову тех, которые, находясь за 200 лье от противника, претендовали бы на управление армией.

Статья XV

О ВОЕННОМ ДУХЕ НАРОДОВ И О МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ АРМИЙ

Если правительство не примет мер для возбуждения военного духа в стране, то тщетны будут все его наилучшие мероприятия по созданию армии. Если в торговой части Лондона, Сити, предпочитают, как говорят, титул самого богатого банкира военному ордену, то это может происходить только в островном государстве, защищаемом своими бесчисленными эскадрами. Но сухопутное государство, которое воспримет нравы лондонского Сити или парижской биржи, рано или поздно станет добычей своих соседей. Римляне были обязаны величием своего государства объединению гражданских доблестей с военным духом, перешедшим из учреждений в обычаи. Когда они утратили эти добродетели и, перестав смотреть на военную службу как на честь и долг, предоставили ее наемникам — готам, герулам и галлам, — гибель империи стала неизбежной. Несомненно, все, что может увеличивать благосостояние страны, не должно ни забываться, ни презираться. Нужно отдавать дань уважения даже людям, просто искусным и трудолюбивым, так как они являются главными факторами этого благосостояния, но всегда необходимо подчинять все это великим учреждениям, составляющим силу государств, что достигается поощрением мужественных и геройских доблестей. Политика и справедливость в этом отношении находятся в полном согласии, потому что, несмотря на слова Буало, всегда доблестнее, по примеру Цезаря, презирать смерть, чем обогащаться за счет общественных бедствий, играя на превратностях судьбы и на колебаниях государственного кредита. Горе тем странам, в которых роскошь откупщика и кошелек биржевого дельца будут предпочитаться мундиру храброго

воина, посвятившего сбороне родины свою жизнь, свое здоровье или свое имущество!

Первый способ поощрения военного духа состоит в том, что армию окружают всеобщим уважением и вниманием. Второй способ: обеспечить за людьми, оказавшими услуги государству, преимущества при назначении на все административные вакантные должности или даже требовать для замещения некоторых должностей прохождения в течение известного срока военной службы. Сравнение древних военных учреждений Рима с учреждениями России и Пруссии, а затем сопоставление их с новейшими учениями утопистов, кричащих против всякого участия офицеров армии в общественной жизни и желающих на всех крупных административных постах иметь только ораторов, должно было бы явиться предметом, достойным самого серьезного размышления *.

Несомненно, что многие должности требуют специальных познаний, но разве не может военный человек, пользуясь свободными минутами мирного времени, изучить тот род службы, которому он хотел бы себя посвятить, выполнив свой воинский долг перед родиной? А если бы административные должности предоставлялись преимущественно офицерам, вышедшим в отставку с чином по меньшей мере капитана, то разве не было бы это большим побуждением к тому, чтобы достигнуть этого чина и чтобы офицеры в своих гарнизонах помышляли и о других развлечениях, кроме театров и кафе?

Может быть, найдут, что такая легкость перехода с военной службы на административные должности будет в смысле поддержания военного духа скорее вредна, чем полезна, и что для его укрепления, напротив, следовало бы военных лишать всякой возможности найти себе место где-либо вне армии? Так создавались мамелюки и янычары. Солдат покупали в возрасте 7—8 лет и воспитывали затем в той мысли, что умереть они должны под знаменами. Даже англичан, этот столь гордый своими правами народ, вербуют на военную службу с обязательством служить всю жизнь. А русский солдат должен служить 25 лет, что почти равняется пожизненной вербовке англичан.

В подобных армиях, как и в армиях, основанных на добровольном поступлении в солдаты, действительно, может быть,

---

* Например, во Франции, вместо того чтобы лишать военнослужащих права выборов, нужно было бы дать права выборщика всем полковникам и права быть выбираемыми всем генералам. Наиболее продажные депутаты наверное были бы не из числа военных.

было бы полезно не допускать смешивания должностей военных и гражданских. Но там, где военная служба является временной обязанностью, возлагаемой на население, дело обстоит иначе. Римские установления, которые требовали 10-летней службы в легионах для приобретения права на получение различных общественных должностей, являются, повидимому, действительно лучшим средством сохранения воинственного духа, особенно в такую эпоху, когда стремление к материальному благосостоянию сделалось господствующей страстью общества.

Как бы то ни было, но я думаю, что при всех возможных государственных режимах постоянной целью мудрого правительства должно быть возвышение военной службы для воспитания в населении любви к славе и всякого рода военных доблестей; иначе правительство должно было бы опасаться быть осужденным потомством и подвергнуть государство участи Византии.

* * *

Внушать военный дух населению недостаточно, — его надо поощрять и в армии. Какая, в самом деле, польза от уважения граждан к военному мундиру и от возвеличения военной службы как гражданского долга, если не приносить под знамена все эти военные доблести? Тогда имелась бы многочисленная, но лишенная боевой ценности милиция.

Моральное воодушевление армии и военный дух являются двумя различными качествами, которые не следует смешизать, хотя оба они дают один и тот же эффект. Первое, т. е. моральное воодушевление, является, как уже сказано, следствием более или менее преходящих страстей — таких, как политические или религиозные убеждения, великая любовь к родине, — тогда как военный дух, внушаемый искусством полководца или мудрыми учреждениями, менее зависит от обстоятельств и должен быть делом предусмотрительного правительства *.

Для этого нужно награждать и окружать уважением храбрость, надо, чтобы военные звания уважались и чтобы дисциплина проникла больше в чувства и убеждения, чем во внешние формы.

Необходимо, чтобы офицерский корпус и вообще кадры были убеждены в том, что самоотверженность, храбрость и чувство

---

* В особенности важно, чтобы этот военный дух воодушевлял офицерские и унтер-офицерские кадры. Солдаты всегда хороши, когда хороши кадры и народ храбр.

долга являются добродетелями, без которых ни армия не заслуживает уважения, ни слава невозможна. Нужно, чтобы все знали, что твердость духа при неудачах гораздо более достойна уважения, нежели энтузиазм при успехах, так как достаточно лишь храбрости, чтобы захватить позицию, но нужен героизм, чтобы выполнить трудное отступление под натиском победоносного и предприимчивого неприятеля, не расстраиваясь и противопоставляя ему железный фронт. Долг государя так же вознаграждать за искусное отступление, как и за самую блестящую победу.

Закалять армию в трудах и приучать ее к усталости, не допускать безделья в гарнизонах в мирное время; внушать армии чувство превосходства над противником, не слишком унижая в то же время последнего; внушать любовь к великим подвигам, одним словом — возбуждать энтузиазм путем внушения соответствующих господствующих в массах настроений, награждать храбрость, наказывать слабость и, наконец, позорить трусость — вот средства к подъему сильного военного духа.

Именно изнеженность была, главным образом, причиной гибели римских легионов. Эти внушавшие страх солдаты, носившие шлем, щит и латы под знойным небом Африки во времена Сципионов, вдруг нашли их слишком тяжелыми под холодным небом Галлии и Германии; тогда империя уже погибла.

Я сказал, что никогда не нужно внушать излишнего презрения к своим противникам, потому что, если бы встретилось с их стороны упорное сопротивление, моральное состояние солдата было бы поколеблено. Наполеон, обращаясь в Иене к корпусу Ланна, восхвалял ему прусскую кавалерию, но предсказывал, что она все же не в состоянии будет противостоять штыкам его египтян.

Нужно суметь также предостеречь офицеров, а через них и солдат от приступов внезапного ужаса, который часто овладевает самыми храбрыми армиями, когда они не сдерживаются уздой дисциплины и убеждением в том, что порядок в части есть залог ее безопасности. Ведь не из-за недостатка храбрости 100 000 турок были разбиты при Петервардейне принцем Евгением Савойским и на Кагуле — Румянцевым. Это произошло оттого, что, когда их беспорядочные атаки были отбиты, каждый был предоставлен своим собственным внушениям, сражаясь в одиночку без какого-либо порядка в массах. Войско, которым овладела паника, находится в таком же точно состоянии деморализации, потому что, раз возникает беспорядок, всякое единение и согласование индивидуальных воль ста-

новится невозможным. Голоса командиров уже нельзя услышать. Какой-либо маневр для возобновления боя становится невыполнимым, и тогда единственное спасение состоит в постыдном бегстве.

Народы с живым и пылким воображением больше других подвержены таким состояниям, и это справедливо по отношению почти ко всем народам южных стран. Только твердый порядок и искусные полководцы могут побороть это зло. Даже французы, военные доблести которых никогда не подвергались сомнению, когда они находились под хорошим командованием, часто испытывали подобный испуг, который можно назвать смешным. Кто не помнит непонятного панического ужаса, который охватил пехоту маршала Виллара после выигранного сражения при Фридлингене (1704 г.)? То же самое произошло с пехотой Наполеона после победы при Ваграме, когда противник уже находился в полном отступлении, но что еще более необыкновенно, так это поражение 97-й полубригады при осаде Генуи, когда 1 500 человек бежали перед взводом гусар, тогда как эти же самые люди спустя два дня захватили форт Диамант посредством внезапного нападения, самого мужественного из всех, какие знает новейшая история.

Однако, повидимому, довольно легко убедить храбрых солдат, что смерть скорее и безошибочнее настигнет бегущих в беспорядке людей, чем тех, которые умеют остаться объединенными для дружного отпора неприятелю или вновь быстро сосредоточиться, если перед тем были временно рассеяны. В этом отношении русская армия может служить образцом для всех европейских армий, и твердость, которую она показала во всех своих отступлениях, в такой же мере объясняется национальным характером, как и установлением крепкой дисциплины. В самом деле, не всегда беспорядок вызывается живостью воображения войск. Многое зависит от отсутствия привычки к порядку и от недостатка предосторожностей со стороны начальников. Я часто удивлялся беспечности большинства генералов в этом отношении. Они не только не предпринимали даже малейших предосторожностей для обеспечения направления небольших отрядов и отдельных людей, но даже не вводили никаких сигналов для облегчения в отдельных частях армии сбора подразделений, которые могли бы рассеяться вследствие внезапного страха или неотразимой атаки противника. Они даже обижались, что могли думать о необходимости предложить им принять подобные предосторожности. Между тем совершенно бесспорная храбрость и самая суровая дисциплина часто бывают бессильны восстановить порядок,

который мог бы быть быстро восстановлен благодаря привычке к сбору по дивизионным сигналам. Несомненно, бывают случаи, когда никакими человеческими средствами нельзя поддержать порядок. Таков, например, случай, когда физические страдания, жертвой которых стали войска, сделали их глухими ко всякого рода побуждениям, почему сами начальники бессильны что-нибудь предпринять для их организации. Это как раз то, что произошло при отступлении французов в 1812 г. Но, за исключением этих особых случаев, твердые привычки к порядку, умелые меры предосторожности, рекомендуемые логистикой, и твердая дисциплина весьма часто помогают если не вовсе избежать паники, то, по крайней мере, быстро восстанавливать порядок.

Однако пора уже оставить эти вопросы, которые я хотел очертить только вкратце, и перейти, наконец, к рассмотрению комбинаций чисто военного порядка.

ГЛАВА III

О СТРАТЕГИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП

Военное искусство, независимо от тех составных частей, о которых мы вкратце упомянули, состоит еще, как мы видели выше, из пяти главных отраслей: стратегии, высшей тактики, логистики, элементарной тактики и инженерного искусства. По указанным уже причинам мы рассмотрим здесь только три первые отрасли, причем начнем с их определения.

Чтобы выполнить это более надежно, мы будем держаться той последовательности, в которой соображения и комбинации, с какими может иметь дело армия, представляются ее начальникам в момент объявления войны; мы, естественно, начнем с самых главных, образующих в некотором роде план военных действий; таким образом, мы будем поступать противоположно тому, как это делается в тактике, которая должна начинать с мелких подробностей, чтобы дойти затем до организации и применения большой армии *.

Итак, мы предполагаем, что перед нами армия, начинающая кампанию; первая забота ее командующего — условиться с правительством о характере войны, которую он будет вести; затем он должен будет основательно изучить театр своей деятельности и потом, в согласии с главой правительства, выбрать наиболее подходящий операционный базис, сообразуясь со своими границами и границами союзников.

---

* Чтобы изучить тактику, надо сначала пройти взводное учение, затем батальонное, наконец, линейное; после этого переходить к малым боевым действиям в поле, затем к расположению на месте, к маршам и, наконец, к составу армии. В стратегии же начинают сверху, т. е. с плана кампании.

Выбор этого базиса, а еще более намечаемая цель помогут определить операционную зону, которую следует выбрать. Главнокомандующий наметит первый объект своих действий; он изберет операционную линию, ведущую к этому объекту, или как линию временную, или как линию окончательную, стремясь при этом дать ей наиболее выгодное направление, т. е. такое, которое при наибольших шансах на успех не подвергало бы армию большим опасностям.

Армия, передвигаясь по этой операционной линии, будет иметь фронт операций и стратегический фронт: она поступит благоразумно, если в тылу этого фронта будет иметь оборонительную линию, которая могла бы явиться опорой в случае необходимости. Временные позиции, которые займут ее армейские корпуса на фронте операций или на оборонительной линии, будут позициями стратегическими.

Когда армия подойдет к своему первому объекту действий и противник начнет противодействовать ее предприятиям, она или атакует его, или будет маневрировать с целью принудить его к отступлению; для этого она наметит одну или две стратегические маневренные линии, которые, будучи временными, могут несколько уклоняться от общей операционной линии, с которой их отнюдь не следует смешивать.

Для связи стратегического фронта с базисом формируются по мере продвижения вперед этапная линия, линия снабжения, склады и т. п.

Если операционная линия несколько растянута в глубину и на угрожающем от нее удалении имеются неприятельские отряды, то придется выбирать: атаковать и вынудить к отступлению эти отряды, или же продолжать действия против неприятельской армии, либо вовсе не беспокоясь о вспомогательных отрядах; либо ограничиваясь наблюдением за ними; если остановятся на последнем решении, то в результате явится двойной фронт — стратегический и больших отрядов.

Когда армия близка к достижению своего объекта действий, а противник захочет оказать сопротивление, то произойдет сражение; если это столкновение будет нерешенным, последует остановка, чтобы возобновить борьбу; если будет одержана победа, то продолжится развитие операций, чтобы достичь первого объекта или же выйти за него и наметить второй объект.

Если целью первых действий будет овладение важным укрепленным пунктом, то начнется осада. Если армия недостаточно многочисленна, чтобы продолжать свое движение, оставив в тылу осадный корпус, она займет вблизи этого пункта

стратегическую позицию, чтобы прикрыть осаждающие войска. Вот почему итальянская армия в 1796 г., не насчитывавшая и 50 000 бойцов, не могла пройти мимо Мантуи, чтобы проникнуть к сердцу Австрии, оставляя в этом пункте 25 000 неприятельских войск и имея сверх того перед собой еще 40 000 австрийцев на двойной операционной линии — в Тироле и Фриуле.

Наоборот, если бы у армии было достаточно сил, чтобы извлечь больше выгод из своей победы, или же если не надо было бы вести осаду, то она двинулась бы ко второму, еще более важному объекту. Если этот объект будет находиться в известном удалении. крайне важно будет обеспечить себя промежуточным опорным пунктом. Следовательно, придется создать промежуточный базис в виде одного или двух обеспеченных от внезапного захвата городов, которые, конечно, надо было бы занять; в противном случае нужно будет создать небольшой стратегический резерв, который будет прикрывать тыл и охранять крупные склады, использовав для этого временные укрепления. Когда армия переправится через значительные реки, то в спешном порядке должны быть построены предмостные укрепления; а если мосты будут находиться внутри окруженных стенами городов, то придется возвести несколько укреплений, чтобы усилить обороноспособность этих пунктов и удвоить таким образом силу промежуточного базиса или поставленного там стратегического резерва.

Если же, напротив, сражение проиграно, то последует отступление с целью приблизиться к базису и почерпнуть там новые силы как привлечением к себе отрядов, так и использованием крепостей и укрепленных лагерей, которые смогут остановить противника или заставить его разделить свои силы.

С приближением зимы нужно будет перейти на зимние квартиры, если только операции не будут продолжены той из обеих армий, которая, захватив решительное превосходство и не встречая серьезных преград на неприятельской оборонительной линии, пожелает использовать свое положение; тогда возникнет зимняя кампания. Такое решение, являющееся во всех случаях одинаково тяжелым для обеих армий, не создаст комбинаций особого порядка, но лишь потребует удвоения энергии в действиях, чтобы возможно скорей достигнуть развязки.

Таков обычный ход войны и такова же последовательность, в какой мы приступим к изучению различных комбинаций, к которым эти операции приводят.

Комбинации, которые охватывают весь театр войны в целом, относятся к области *стратегии,* в которую, таким образом, войдут:

1) выявление особенностей театра войны и тех различных комбинаций, которые на нем могли бы представиться;

2) выявление решающих пунктов как результат этих комбинаций, и выбор наиболее благоприятного направления, которое следует придать операциям;

3) выбор и устройство постоянного базиса и операционной зоны;

4) выбор объекта намечаемых наступательных или оборонительных действий;

5) операционные фронты, стратегические фронты и оборонительные линии;

6) выбор операционных линий, ведущих от базиса к объекту действий или к стратегическому фронту, занятому армией;

7) выбор лучшей из стратегических линий, которую следует наметить для данной операции; различные марш-маневры для охвата этих линий в их различных комбинациях;

8) случайные операционные базисы и стратегические резервы;

9) марши армии, рассматриваемые как маневры;

10) магазины, рассматриваемые в их взаимодействии с движениями армий;

11) крепости, рассматриваемые как средства стратегии, как убежища для армии или как препятствие для ее передвижений; осады, которые предстоит вести и прикрывать;

12) пункты, где важно устроить укрепленные лагери, предмостные укрепления и т. д.;

13) диверсия и крупные отряды, выделение которых станет полезным или необходимым.

Независимо от этих комбинаций, принципиально входящих в разработку общего плана первых операций кампании, существуют и другие смешанные операции, относящиеся к стратегии с точки зрения направления, которое надо им придать, и к тактике с точки зрения их выполнения, как то: переправы через большие и малые реки, отступления, зимние квартиры, внезапные нападения, высадки, сопровождение больших транспортов и т. д.

Вторая отрасль военного искусства есть *тактика,* т. е. маневрирование армии на поле сражения или боя и различные построения, в которых надлежит водить войска в атаку.

Третья отрасль есть *логистика,* или практическое искусство вождения армий, технические детали выполнения походных дви-

жений, боевых порядков, расположения на отдых в неукрепленных лагерях и по квартирам, одним словом — практическое выполнение стратегических и тактических комбинаций.

Немало было бесплодных споров в стремлении абсолютно точно провести разграничительную линию между различными отраслями науки. Я сказал, что стратегия есть искусство вести войну по карте, искусство охватывать весь театр войны. Тактика есть искусство сражаться на местности, на которой произойдет столкновение, и располагать там свои силы сообразно с местными условиями; вводить их в дело на различных пунктах поля сражения, т. е. на пространстве в 4—5 лье (16—20 *км*), на котором действующие части в течение самого боя могли бы получать и исполнять приказы. Наконец, логистика, в сущности, представляет собою лишь науку о подготовке и об обеспечении применения обеих указанных наук. Мое определение критиковали, но лучшего не дали. Бесспорно, что многие сражения были решены стратегическими передвижениями и даже являлись просто рядом подобных передвижений, но это имело место лишь в применении против раздробленных армий, т. е. к случаям, представляющим исключение. Таким образом, хотя общее определение и относится лишь к регулярным сражениям, тем не менее оно остается точным *.

Итак, независимо от мер, осуществляемых в соответствии с местной обстановкой, высшая (большая) тактика, с моей точки зрения, должна содержать следующие разделы:

1) выбор позиций и линий для оборонительных сражений;
2) наступательная (активная — offensive) оборона в бою;
3) разнообразные боевые порядки или основные маневры для атаки неприятельской линии;
4) встречное столкновение двух армий на марше и непредвиденные сражения;
5) внезапные нападения в армейском масштабе **;
6) распоряжения для руководства войсками в бою;
7) атака позиций и укрепленных лагерей;
8) производство поисков.

---

* Можно было бы сказать, что тактика — это бой, а стратегия — вся война до боя и после боя, за исключением осад; но и в отношении осад за стратегией остается решение, какие крепости осаждать и как эти осады надлежит прикрыть. Стратегия решает, где надлежит действовать; логистика подводит к этому пункту войска и располагает их; тактика принимает решение об их употреблении и способах выполнения.

** Дело идет о внезапных нападениях в отношении армий, расположенных в поле, а не о внезапности для армий, находящихся на зимних квартирах.

Все прочие действия на войне представляют собою детали малой войны, как то: транспорт, фуражировки, частные бои авангарда или арьергарда, одним словом — все то, что приходится выполнять дивизии или отдельному отряду.

ОБ ОСНОВНОМ ПРИНЦИПЕ ВОЙНЫ

Главная цель этого труда состоит в том, чтобы доказать существование основного принципа, общего для всех военных действий. Этот принцип должен пронизывать все комбинации, если хотят, чтобы они были искусны. Принцип этот состоит в следующем *.

1. Посредством стратегических комбинаций последовательно направлять главные силы армии на решающие пункты театра войны и при всякой возможности — на неприятельские сообщения, не подставляя под удар свои собственные сообщения.

2. Маневрировать так, чтобы этим главным силам действовать лишь против частей неприятельской армии.

3. В день сражения подобным же образом с помощью тактических маневров направлять свои главные силы на решающий пункт поля сражения или на тот пункт неприятельской боевой линии, который по обстановке будет важно одолеть.

4. Действовать так, чтобы эти массы не только присутствовали на решающем пункте, но чтобы они там энергично и все вместе вводились в бой для применения, таким образом, одновременных усилий.

Этот главный принцип многие нашли настолько простым, что у него не было недостатка в критиках **. Мне возражали, что очень легко давать советы — бросать свои главные силы на решающие пункты и уметь вводить их там в дело, искус-

---

* Если иногда и удавались операции, выполнявшиеся вопреки этому принципу, то это бывало лишь в таких случаях, когда противник еще больше нарушал его, но они никогда не удавались, если противник действовал правильно. Только против недисциплинированных банд можно безопасно действовать с нарушением этого принципа.

** Чтобы предупредить этих критиков, я должен был бы, может быть, поместить здесь всю главу о главных принципах военного искусства, которой заканчивается мой «Трактат о больших операциях» (гл. XXXV, 3 и 39). Но весьма веские причины помешали мне заимствовать из моего первого сочинения эту главу, являющуюся его главной заслугой. Мои порицатели сначала должны были бы, по меньшей мере, прочесть ее.

ство же в том и состоит, чтобы верно распознавать эти пункты.

Нимало не оспаривая столь простой, наивной истины, я признаю, что было бы, по меньшей мере, смешно выдвигать подобный общий принцип, не сопроводив его всеми необходимыми объяснениями, чтобы помочь усвоению различных случаев его применения. Вот почему я сделал все, чтобы дать возможность каждому любознательному офицеру легко определять решающие пункты на стратегической или тактической шахматной доске. Далее, в статье XIX читатель найдет определение этих различных пунктов, а в статьях XVIII—XXII он ознакомится с теми отношениями, которые существуют между ними и военными комбинациями. Военные люди, которые, внимательно обдумав эти указания, будут все же полагать, что определение этих решающих пунктов представляет неразрешимую задачу, должны навсегда оставить надежду что-либо понять в стратегии.

В самом деле, главный театр военных действий всегда имеет лишь три зоны: правую, левую и среднюю. Точно так же каждая зона, каждый оперативный фронт, каждая стратегическая позиция и оборонительная линия, равно как и каждая тактическая линия боя всегда имеют только эти же три подразделения, т. е. две оконечности и один центр. Одно из этих трех направлений всегда будет пригодным для того, чтобы следовать по нему к важной цели, которой хотят достичь; из двух других направлений одно более или менее от цели отдалит, а третье будет ей совершенно противоположно. Но раз это так, то, установив соотношения между этой целью и неприятельскими позициями, а также и географическими пунктами, каждый вопрос о стратегическом движении или о тактическом маневре всегда можно, повидимому, свести к тому, чтобы решить, маневрировать ли вправо, влево или прямо перед собой. Выбор между столь простыми альтернативами вряд ли мог бы считаться новой загадкой, достойной сфинкса.

Тем не менее, я далек от того, чтобы считать военное искусство состоящим лишь в выборе хорошего направления, по которому надлежит направить массы; однако нельзя отрицать и того, что это, по меньшей мере, существенный вопрос стратегии. То, что смогут разработать и подготовить мудрые комбинации, надо пополнить талантливым выполнением, уменьем, энергией и предвидением.

Итак, сначала мы применим указанный принцип к различным стратегическим и тактическим комбинациям, а затем до-

кажем историей двадцати знаменитых кампаний, что самые блестящие успехи и самые крупные неудачи, за весьма малым исключением, были результатом применения или, наоборот, забвения этого принципа *.

* * *

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЯХ

Статья XVI

О СИСТЕМЕ ОПЕРАЦИЙ

Если война решена, то первое, что надо установить, это — будет ли она наступательной или оборонительной. Но при этом следует точно выяснить, что нужно понимать под этими словами.

Наступление представляется в нескольких видах: когда оно направлено на большое государство, охватывая его если не в целом, то, по крайней мере, в большей части, — это будет *вторжение;* когда оно сводится лишь к наступлению против одной провинции или более или менее ограниченной оборонительной линии, — это будет обыкновенное наступление; наконец, когда оно представляет собой лишь атаку какой-либо позиции неприятельской армии и ограничивается единственной операцией, оно носит название *инициативы движений* **. Наступление, как мы уже сказали в предыдущей главе, если его рассматривать с моральной и с политической точек зрения, почти всегда выгодно, ибо оно переносит войну на неприятельскую территорию, щадит собственную страну, уменьшает ресурсы врага и увеличивает свои; наступление поднимает дух армии и часто внушает страх противнику; но иногда бывает и так, что наступление возбуждает пыл неприятеля, если оно создает впечатление, что дело идет о спасении отечества.

С военной точки зрения наступление имеет свою хорошую и свою плохую стороны; в стратегии, если наступление доводится до степени вторжения, оно приводит к *растянутым в глубину* операционным линиям, которые на территории неприятеля всегда опасны. Все препятствия неприятельского театра

---

* Описание этих двадцати кампаний с пятьюдесятью планами сражений дано в моих трудах: «История Семилетней войны», «История революционных войн» и «Политическая и военная жизнь Наполеона».

** Это различие может показаться слишком тонким, но я полагаю, что оно справедливо, хотя и не придаю ему слишком большого значения. Известно, что можно захватить инициативу атаки на полчаса, придерживаясь в общем оборонительного характера действий.

операций — горы, реки, теснины, крепости — благоприятствуют обороне и затрудняют наступление; население и власти страны будут настроены по отношению к вторгшейся армии враждебно, вместо того чтобы быть ее орудием. Зато если армия добивается успеха, то она наносит удар прямо в сердце неприятельского могущества, лишает его военных средств и может привести борьбу к быстрой развязке.

Наступление в применении к простой кратковременной операции, т. е. рассматриваемое как инициатива движений, почти всегда выгодно, особенно в стратегии. В самом деле, если военное искусство состоит в том, чтобы бросать свои силы на решающий пункт, то понятно, что первое средство для применения этого принципа будет состоять в захвате инициативы действий. Кто захватил эту инициативу, тот заранее знает, что́ он делает и чего он хочет: он со своими массами приходит в тот пункт, где ему следует нанести удар. Кто выжидает, тот повсюду упрежден: противник набрасывается на отдельные части его армии; он не знает, ни куда неприятель хочет направить свои усилия, ни средств, которые нужно ему противопоставить.

В тактике наступление также имеет преимущества, но они не столь положительны, так как действия не распространяются на столь же обширный район, поэтому и захвативший инициативу не может скрыть своих действий от противника, который немедленно их обнаруживает и тотчас, при помощи сильных резервов, может отвратить опасность. Помимо того, двигающийся на неприятеля имеет против себя все невыгоды, вытекающие из местных препятствий, которые ему придется преодолеть, чтобы дойти до неприятельской линии фронта; последнее заставляет думать, что особенно в тактике выгоды обеих систем достаточно уравновешиваются.

Впрочем, каких бы выгод ни ожидали от наступления в стратегическом и политическом отношениях, обычно бывает, что нельзя обойтись в течение всей войны исключительно одной этой системой, ибо даже нельзя быть уверенным, что кампания, начатая наступательно, не перейдет в оборонительную борьбу.

Как мы уже сказали, оборонительная война также имеет свои преимущества, если она правильно задумана. Она бывает двух родов: оборона инертная, или пассивная, и оборона активная, с внезапными наступлениями. Первая всегда пагубна, вторая может привести к крупным успехам. Так как целью оборонительной войны является возможно более длительное прикрытие угрожаемого противником участка территории, то очевидно, что целью всех операций должна быть задержка его продвиже-

ний, противодействие предприятиям неприятеля путем увеличения трудностей его марша, при условии, однако, обеспечения своей армии от серьезных потерь. Кто решается на вторжение, тот предпринимает его всегда на основании своего превосходства в каком-либо отношении и должен стремиться к возможно более быстрой развязке; обороняющийся, наоборот, должен оттягивать развязку до тех пор, пока его противник не будет изнурен и ослаблен вынужденным выделением отрядов, маршами, лишениями и т. д.

Армия ограничивает свои действия обороной лишь вследствие поражения или слишком большого превосходства в силах противника. В последнем случае она стремится под прикрытием местности, используя естественные или искусственные преграды, найти способ восстановить равновесие шансов, умножая препятствия, которые можно противопоставить неприятелю.

Эта система, если не доводить ее до крайности, представляет также свои выгоды, но лишь в том случае, если генерал, считающий себя вынужденным прибегнуть к ней, имеет достаточно здравого смысла, чтобы не ограничиваться инертной обороной, — иначе говоря, воздержится от того, чтобы оставаться неподвижным в постоянных, точно известных пунктах в ожидании тех ударов, которые противник пожелает ему нанести. Наоборот, он должен будет стремиться удвоить активность своих операций и использовать все представляющиеся случаи, чтобы напасть на слабые пункты противника, захватив инициативу действий.

Этот род войны, которую я в свое время называл наступательно-оборонительной *, может быть выгоден как в стратегии, так и в тактике. Действуя таким образом, можно использовать преимущества обеих систем, так как получаются и выгоды инициативы, и легче может быть использован удобный момент для нанесения удара, — если находиться в середине заранее подготовленной шахматной доски, в центре средств и опорных точек своей страны.

В трех первых походах Семилетней войны Фридрих II действовал агрессивно, но в четырех последних он дал настоящий образец наступательной обороны. Правда, надо признать, что ему блестяще помогали противники, дававшие ему полную свободу и возможность успешно захватывать инициативу.

---

* Другие называли его активной обороной, что недостаточно верно, так как оборона может быть весьма активной, не будучи при этом наступательной. Впрочем, этот термин можно допустить, так как он более удобен грамматически.

Веллингтон также играл эту роль в течение большей части своей карьеры в Португалии, Испании и Бельгии, и это действительно было единственно подходящим способом действий в его положении. Всегда легко изображать собою Фабия, когда действуешь на территории союзника и не приходится заботиться о судьбе столицы или угрожаемых провинций, — одним словом, когда можно считаться единственно лишь с военными требованиями.

В конечном счете кажется бесспорным, что одним из величайших талантов генерала является уменье поочередно применять обе системы и особенно уменье в самый разгар оборонительной борьбы вновь захватывать инициативу.

Статья XVII

О ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Театр войны охватывает все страны, в которых две воюющие державы могут друг на друга нападать, действуя или со своей территории, или же с территории своих союзников и второстепенных государств, вовлеченных ими в вихрь войны с помощью устрашения или обещания выгод. Если же война осложняется еще морскими операциями, то театр войны не ограничивается пределами одного какого-либо государства, но может распространиться на оба полушария, как это случалось во время борьбы Франции с Англией, начиная с Людовика XIV и кончая нашими днями.

Таким образом, общий театр войны есть настолько неопределенная и настолько зависящая от случайностей вещь, что его нельзя смешивать с театром военных действий, который, независимо от всей этой сложности, может занимать каждая армия.

Театр сухопутной войны между Францией и Австрией может захватить только одну Италию или Германию и Италию вместе, если германские владетельные князья примут участие в войне.

Может случиться, что действия армий будут согласованы; или же каждая армия будет предназначена действовать отдельно. В первом случае общий театр военных действий должен рассматриваться лишь как одна шахматная доска, на которой стратегия должна передвигать армии для достижения поставленной им общей цели. Во втором же случае каждая армия будет иметь свой частный театр военных действий, независимый от другого.

Театр военных действий армии охватывает всю ту местность, которую она будет стараться захватить или которую ей, может быть, придется оборонять. Если эта армия должна действовать отдельно, то этот театр и образует ее шахматную доску, вне которой ей хотя и можно было бы искать выхода в случае окружения с трех сторон, но было бы неосторожно задумывать какой-либо маневр, поскольку не предусмотрены общие действия с армией, оперирующей на другой шахматной доске. Если же, напротив, операции согласованы, тогда театр военных действий каждой отдельно взятой армии становится некоторым образом лишь одной из операционных зон общего театра войны, на которой воюющие массы должны действовать, имея в виду достижение одной общей цели.

Каждый театр военных действий одной или нескольких армий, независимо от заполняющих его и повсюду рассеянных топографических неровностей, состоит из следующих частей:

1) постоянного операционного базиса;

2) главного объекта действий;

3) операционных фронтов, стратегических фронтов и линий обороны;

4) операционных зон и линий;

5) временных стратегических линий и коммуникационных линий;

6) естественных или искусственных препятствий, которые нужно будет или нам самим преодолеть, или же противопоставить их неприятелю;

7) важных в стратегическом отношении географических пунктов, которые следует занять при наступлении или же, наоборот, оборонять их от захвата противником;

8) случайных операционных базисов и базисов промежуточных между объектом действий и подлинным базисом;

9) мест, где можно было бы укрыться в случае поражения.

Чтобы нагляднее показать сказанное нами, предположим, что Франция намерена вторгнуться в Австрию двумя или тремя армиями, которые решено объединить под начальством общего командующего. Армии выступают в поход из Майнца, с Верхнего Рейна, из Савойи или из Приморских Альп.

Каждая страна, через которую та или другая из этих армий должна будет пройти, будет в некотором роде операционной зоной общего театра войны *.

Но, если итальянская армия должна будет действовать только до реки Эч, никак не согласуя при этом свои действия

---

* Буквально — «общей шахматной доски» (de l'échiquier général). — *Ред.*

с рейнской армией, то пространство, которое рассматривалось в общем плане как операционная зона, становится для этой армии ее единственной шахматной доской, ее театром военных действий.

Во всех таких случаях каждая шахматная доска должна иметь свой особый базис, свой объект действий, свои операционные зоны и свои операционные линии, ведущие от базиса к объекту действий или, в случае обороны, от объекта действий к базису.

* * *

Что касается материальных или топографических пунктов, которыми в большей или меньшей степени покрыт во всех направлениях театр военных действий, то нет недостатка в сочинениях по военному искусству, обсуждающих их различные стратегические или тактические свойства и особенности. Дороги, реки, горы, леса и города, дающие средства для защиты от внезапных налетов, плацдармы, крепости были предметом многочисленных споров, в числе которых наиболее ученые не всегда были в то же время самыми вразумительными.

Одни придавали странные значения названиям. Например, печаталось и проповедывалось, что реки, якобы, являются операционными линиями по преимуществу! А так как операционная линия должна иметь не менее двух или трех дорог для движения армии в сфере ее действий и, по крайней мере, одну линию отступления, то эти новые Моисеи хотели превратить реки в линии отступления! и даже в маневренные линии! Казалось бы, гораздо естественнее и правильнее было считать, что реки являются превосходными линиями питания, мощным вспомогательным средством, облегчающим устройство хорошей операционной линии, но никак не самой этой линией.

С не меньшим удивлением мы смотрели на крупного писателя, утверждавшего, что *если бы надо было создать такую страну, которая представляла бы собой хороший театр войны, то нужно было бы отказаться строить в ней сходящиеся дороги, так как они облегчают вторжение.* Как будто страна может существовать без столицы, без богатых торговых и промышленных городов и как будто дороги не должны волей-неволей сходиться к этим пунктам, в которых естественным образом, в силу вещей, сосредоточиваются интересы всей страны! Если бы в соответствии с представлениями автора всю Германию превратить даже в степь, чтобы сделать из нее театр войны, то все равно снова возникли бы торговые города, восстанови-

лись бы главные города и все дороги вновь сошлись бы к этим живящим центрам. Впрочем, не сходящимся ли дорогам был обязан эрцгерцог Карл той легкостью, с которой он в 1796 г. разбил Журдана? И в самом деле, не благоприятствуют ли такие дороги еще более обороне, чем наступлению? Ведь две массы войск, отступающие по двум сходящимся радиусам, могут соединиться скорее, чем две преследующие их массы, а следовательно, могут их даже разбить порознь!

Другие авторы утверждали, что горные страны кишат стратегическими пунктами, а их противники, наоборот, возражали, что в Альпах гораздо меньше стратегических пунктов, чем в долинах, но зато, будучи в небольшом числе, они имеют тем более важное и решающее значение.

Некоторые писатели представляли также высокие горы, как какие-то ни для кого не преодолимые китайские стены, тогда как Наполеон, говоря о Ретийских Альпах, утверждал, что *«армия должна пройти повсюду, где только человек может поставить ногу»*.

Генералы, не менее, чем Наполеон, опытные в горной войне, без колебаний разделяли это же мнение, указывая на большую трудность вести в горах оборонительную войну, за исключением того случая, когда регулярная армия может воспользоваться выгодами массового восстания населения. Тогда население может охранять вершины и непрестанно беспокоить неприятеля, в то время как регулярная армия даст противнику сражение в решающих пунктах, в местах соединения больших долин.

Указывая на эти противоречия, мы поступаем так вовсе не из мелочного критиканства, но единственно с целью показать нашим читателям, что военное искусство далеко еще не достигло своих пределов и что немало еще существует спорных пунктов.

Здесь мы не станем показывать стратегическую ценность различных естественных или искусственных препятствий, которые входят в состав театра войны, так как главнейшие из них будут критически рассмотрены в различных статьях этой главы. Но вообще можно сказать, что эта ценность во многом зависит от искусства начальников и от того духа, которым они проникнуты.

Великий полководец, перешедший Сен-Бернар и отдавший приказ о переходе Сплугена, был далек от веры в *непреодолимость* этих горных цепей. Тем более он не подозревал, что какой-то жалкий болотистый ручей и забор смогут изменить его судьбу в Ватерлоо.

Статья XVIII

ОБ ОПЕРАЦИОННЫХ БАЗИСАХ

Первый пункт оперативного плана состоит в обеспечении себя хорошим, надежным базисом. Так называют всю территорию государства или же часть ее, откуда армия станет получать средства на ведение войны и подкрепления *, откуда она должна будет предпринять наступательные действия, где она найдет в случае надобности убежище и на что она, наконец, будет опираться, если ее задачей будет оборона своей страны.

Если граница представляет собою хорошие естественные или искусственные барьеры, то она может образовать поочередно или превосходный базис для наступления или оборонительную линию на тот случай, когда хотят предохранить страну от вторжения неприятеля.

В этом последнем случае будет весьма благоразумно устроить еще хороший базис во второй линии, потому что хотя по существу армия и может найти поддержку в своей стране повсюду, но ведь есть же большое различие между частями этой территории, совершенно лишенными пунктов и ресурсов, имеющих военное значение (арсеналы, форты, защищенные магазины), и другими областями, где можно найти мощные средства этого рода. Только эти последние области и могут рассматриваться как прочные операционные базисы.

Каждая армия может иметь несколько последовательных базисов. Например, французская армия, действующая в Германии, первым базисом будет иметь Рейн. Она может иметь его за Рейном всюду, где у нее будут союзники или же постоянные оборонительные линии, известные своими преимуществами. Но если французская армия будет оттеснена на левый берег Рейна, то она найдет новый базис на реках Маасе или Мозеле; она может иметь третий базис на реке Сене и четвертый — на реке Луаре.

Упоминая эти последовательные базисы, я вовсе не хочу сказать, что они всегда должны быть почти параллельны первому базису. Наоборот, часто бывает, что становится совершенно

---

* Если операционный базис большею частью является в то же время и базисом снабжения, то бывают и исключения, по крайней мере в отношении продовольствия. Французская армия, располагаясь на Эльбе, могла бы доставлять продовольствие из Вестфальских провинций или из Франконии, а ее истинный базис был бы, тем не менее, на Рейне.

необходимым изменение направления. Так, французская армия, оттесненная за Рейн, могла бы искать свой новый главный базис или у Бельфора и Безансона, или же у Мезьера и Седана, как русская армия после эвакуации Москвы, оставив северный и восточный базисы, оперлась на линию реки Оки и южные губернии. Эти боковые базисы, перпендикулярные к фронту обороны, часто играют решающую роль, препятствуя неприятелю проникнуть в сердце страны или, по меньшей мере, задержаться там надолго.

Бесспорно, самым лучшим базисом будет опирающийся на широкую и бурную реку, обладание которой обеспечивается с помощью сильных крепостей, расположенных по обоим берегам.

Чем базис шире по фронту, тем труднее его прикрывать, но зато тем труднее неприятелю отрезать армию от такого базиса.

То государство, у которого столица (или экономический центр) расположена слишком близко к границе, имеет меньше преимуществ для образования базиса действий своих защитников, чем государство с более удаленной от границ столицей.

Каждый базис, чтобы быть совершенным, должен располагать двумя или тремя укрепленными городами с достаточной площадью для устройства в них магазинов, складов и т. д. На каждой реке, находящейся на базисе и не переходимой вброд, нужно иметь, по крайней мере, по одному предмостному укреплению.

До сих пор все были достаточно единодушны относительно оценки всех тех качеств базиса, которые мы только что перечислили; но имеются другие вопросы, относительно которых мнения более разноречивы. Многие писатели выражали пожелание, чтобы свой базис был параллелен базису противника, считая это свойство необходимым условием совершенства базиса. Напротив, я высказал мнение, что наивыгоднейшими базисами являются те, которые перпендикулярны к базису противника, а особенно те, которые образуются двумя почти перпендикулярными друг к другу сторонами с входящим углом. Такой базис представлял бы, в случае надобности, двойной базис, позволял бы господствовать над двумя сторонами стратегической шахматной доски, обеспечивал бы две линии отступления, весьма удаленные друг от друга, и, наконец, он облегчал бы любое изменение операционной линии, которое могло бы стать необходимым вследствие непредвиденного поворота военных событий.

Почти тридцать лет тому назад я доказал в своем «Трактате о больших военных операциях», что направление границ

должно оказывать влияние на направление операционной линии и базиса. Применяя эту истину к различным театрам войны, я сравнивал их с шахматной доской, всегда ограниченной с той или другой стороны морем или великой нейтральной державой, которые также представляют непреодолимые препятствия. Вот как я выразил тогда свою мысль:

«Общая конфигурация театра войны также может иметь большое влияние на направление, которое следует придавать операционным линиям (а следовательно, и базисам).

В самом деле, если всякий театр войны обращается в шахматную доску или в более или менее правильную фигуру с

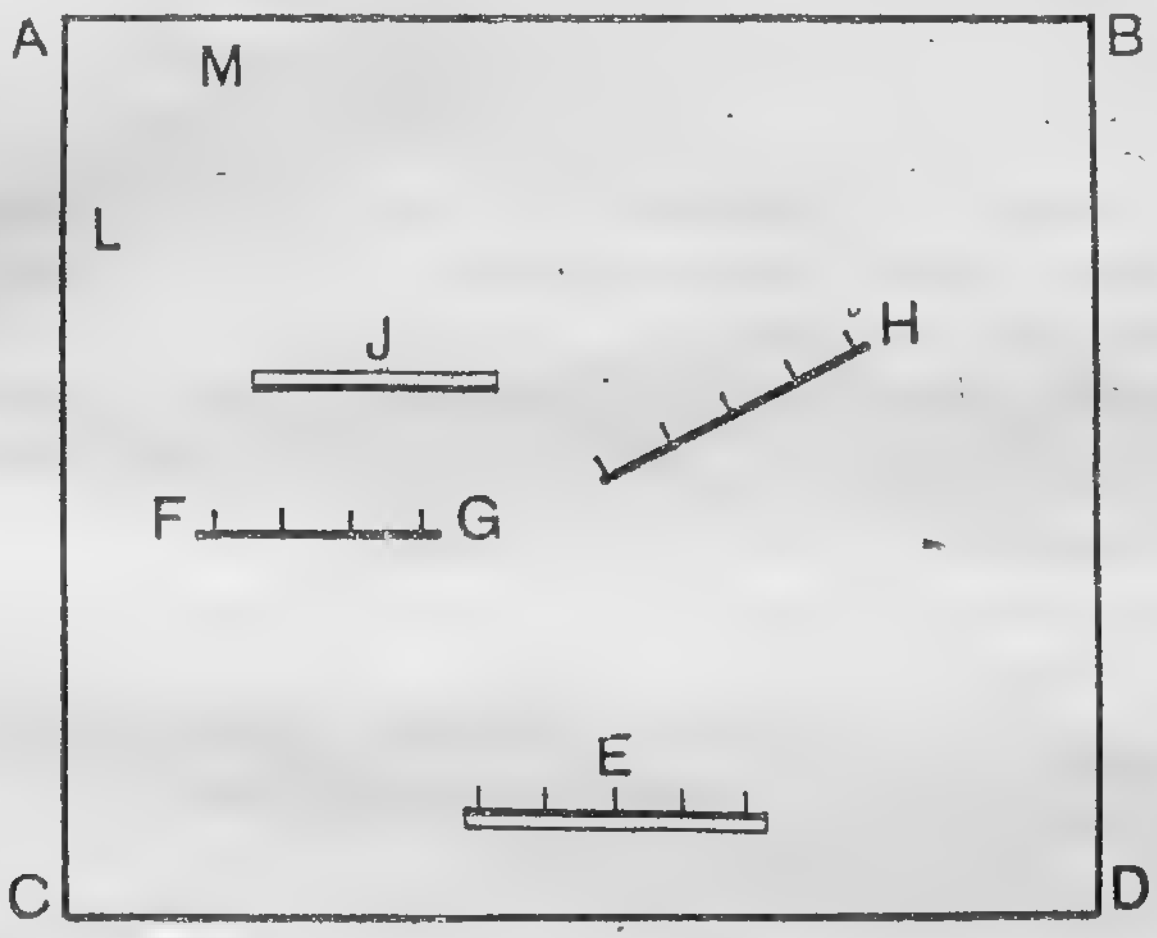


Схема 1

четырьмя сторонами, то может случиться, что одна из армий в начале кампании занимает одну из этих сторон или же, что тоже возможно, две стороны, тогда как неприятель будет занимать только одну сторону, а четвертая образует непреодолимое препятствие. Следовательно, способ, с помощью которого охватывают этот театр войны, даст основания для весьма различных комбинаций в зависимости от различия этих гипотез.

Чтобы лучше пояснить эту мысль, я приведу в пример театр войны французских армий в Вестфалии с 1757 по 1762 г. и театр войны Наполеона в 1806 г. И тот и другой изображены на прилагаемой схеме 1.

На первом из этих театров войны сторону *AB* образовало Северное море, сторону *BD* — река Везер, базис армии герцога

Фердинанда; линия Майна образовала сторону CD, которая была базисом французской армии, а сторона AC — линия реки Рейна —также охранялась армиями Людовика XV.

Итак, французские армии, как это видно из схемы, действуя наступательно и удерживая две стороны, использовали также то преимущество, что третью сторону образовало Северное море. Следовательно, им оставалось лишь захватить сторону BD посредством маневра, чтобы сделаться господами над всеми четырьмя сторонами, т. е. над базисом и над всеми сообщениями неприятеля, как это видно на приведенной выше схеме.

Французская армия E, двинувшись от своего базиса CD для захвата операционного фронта FGH, отрезывала армию союзников J от ее базиса BD. Эта последняя была отброшена в угол LAM, образованный при Эмдене линиями рек Рейна. Эмса и берегом Северного моря, тогда как французская армия E все время могла поддерживать сообщения со своими базисами на Майне и Рейне.

Маневр Наполеона на реке Заале в 1806 г. был основан совершенно на таких же соображениях. Наполеон занял при Иене и Наумбурге линию FGH, а затем прошел через Галле и Дессау, чтобы отбросить прусскую армию J к стороне AB, образованной морем. Достаточно хорошо известно, какие это дало результаты.

Великое искусство хорошо направлять свои операционные линии состоит, следовательно, в комбинировании своих движений таким образом, чтобы захватывать сообщения противника, не теряя, однако, при этом своих сообщений. Легко видеть, что линия FGH, благодаря удлиненной позиции и загибу, оставленному против неприятельского фланга, всегда сохраняет за собой сообщения с базисом CD. Это есть точное применение маневра при Маренго, Ульме и Иене.

Когда театр военных действий не примыкает к морю, то он всегда будет ограничиваться нейтральной великой державой, которая будет охранять свои границы и тем самым замкнет одну из сторон четырехугольника. Несомненно, это не будет столь же непреодолимым препятствием, как море. Но вообще такую границу всегда можно рассматривать как препятствие, на которое разбитой армии отступать опасно, а отбрасывать на него разбитого противника выгодно. Нельзя безнаказанно вступить на территорию государства, которое имеет армию численностью до 150 000—200 000 человек. А если бы разбитая армия все же сделала это, она, тем не менее, была бы отрезана от своего базиса.

Если же театр войны ограничивался бы небольшим государством, то, вероятно, оно было бы им поглощено, и сторона четырехугольника лишь немного переместилась бы до границ великой державы или же до берега моря.

Начертание границ будет иногда изменять направление сторон четырехугольника, т. е. он будет более похож то на параллелограм, то на трапецию, как это показано на схеме 2.

Как в том, так и в другом случае выгоды армии, владеющей двумя сторонами, где она легко может устроить двойной базис, были бы еще более велики, так как она легче могла бы отрезать неприятеля от укороченной стороны, которая ему

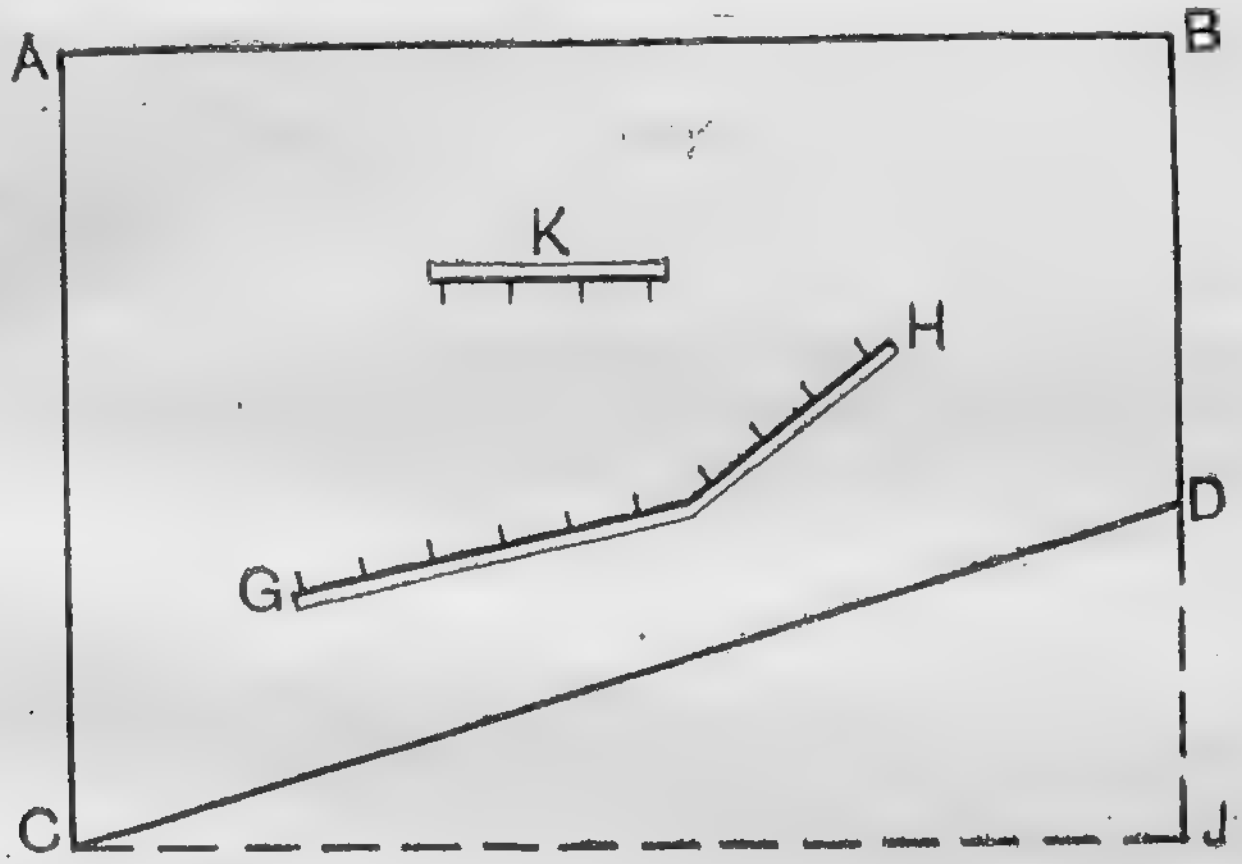


Схема 2

достанется. Это как раз то, что произошло в 1806 г. с прусской армией на стороне *BDJ* параллелограма, образованного Рейном, Одером, Северным морем и гористой границей Франконии».

Базис в Богемии в 1813 г. доказывает так же хорошо, как и все выше сказанное, справедливость моего мнения, так как именно благодаря перпендикулярности направления базиса союзников к базису французской армии союзным армиям удалось парализовать громаднейшие преимущества, которые без этого обстоятельства предоставлялись бы Наполеону линией реки Эльбы. Одно это обстоятельство повернуло все выгоды кампании в их пользу. Точно так же в 1812 г. русские только благодаря перпендикулярности их базиса на Оке и в Калуге смогли выполнить свой фланговый марш на Вязьму и Красное.

Впрочем, чтобы убедиться в справедливости этих истин, достаточно понять, что оперативный фронт какой-либо армии, базис которого перпендикулярен к базису противников, окажется параллельным операционной линии противников и что, следовательно, становится весьма легко действовать на их сообщения и на их линию отступления.

Выше я сказал, что перпендикулярные базисы в особенности выгодны, когда они представляют двойную границу, как видно из вышеприведенных рисунков. Конечно, критики не преминут возразить, что это утверждение не согласуется со сказанным мною в ст. XXI в пользу выступающих границ со стороны неприятеля и против двойных операционных линий при равенстве сил.

Правильность этого возражения—более кажущаяся, чем действительная, потому что наибольшая выгода перпендикулярного базиса как раз и происходит именно от того, что он образует этот выступ, благодаря которому часть театра военных действий подвергается нападению во фланг и тыл. С другой стороны, обладание базисом с двумя сторонами ни в какой мере не влечет за собой обязательства занимать крупными силами обе стороны. Напротив, достаточно на одной стороне иметь несколько укрепленных пунктов с небольшим наблюдательным корпусом, а всю массу своих сил надо перебросить на другую сторону, так, как это имело место в кампаниях 1800 и 1806 гг. Почти прямой угол, образуемый Рейном между Констанцским озером и Базелем, а оттуда до Келя, предоставлял генералу Моро два оперативных базиса: один — параллельный, а другой — перпендикулярный к базису его противника. Он поставил две дивизии слева на первый базис к Келю, чтобы отвлечь туда внимание неприятеля, тогда как сам он с 9 дивизиями прошел на конец стороны, перпендикулярной к стороне Шафгаузена, что привело его через небольшое число переходов к воротам Аугсбурга, после чего только к нему присоединились и две остальные дивизии.

В 1806 г. Наполеон также имел двойной базис на Майне и Рейне, образующих почти прямой входящий угол. Он ограничился на параллельной стороне, т. е. на Рейне, оставлением Мортье, тогда как сам со всей массой своих сил достиг конца перпендикулярной стороны и таким образом предупредил пруссаков на линии их отступления на Геру и Наумбург.

Если столь многие внушительные факты показывают, что базисы с двумя сторонами, из которых одна почти перпендикулярна к базису неприятеля, являются наилучшими, то следует признать также, что в том случае, когда нет подобного ба-

зиса, можно частично получить его путем изменения стратегического фронта, как мы увидим это в ст. XX.

* * *

Другой, не менее важный вопрос о наилучшем направлении операционных базисов относится к базисам, расположенным на берегу моря.

Вопрос этот также давал повод к крупным заблуждениям. Опасность для континентальной армии быть прижатой к морю настолько хорошо выявлена, что нельзя не удивляться тому, что находят еще выгоды в базисах, расположенных на берегу моря, которые могли бы удовлетворять лишь армию островного государства.

В самом деле, Веллингтон, прибыв со своим флотом на помощь Португалии и Испании, не мог выбрать лучшего базиса, чем Лиссабон, или, точнее, полуостров Торрес-Ведрас, который прикрывает единственные подступы к этой столице со стороны суши. Здесь берега реки Тахо и морские не только прикрывали оба его фланга, но обеспечивали ему, кроме того, линию отступления, которое могло произойти не иначе, как на кораблях.

Соблазненные преимуществами, которые дал этот знаменитый укрепленный лагерь на Торрес-Ведрасе английскому полководцу, многие генералы, — вообще говоря, весьма ученые, — обсуждая лишь результаты, но не восходя к их причинам, стали отвергать возможность других хороших операционных базисов, кроме расположенных на берегу моря, благодаря которым обеспечивался бы для армии легкий подвоз продовольствия и были бы прикрыты от внезапного нападения фланги. Ослепление дошло до такой степени, что генерал Пфуль в 1812 г. утверждал, будто естественный базис русских — Рига! Это стратегическое кощунство было в моем присутствии произнесено также одним из известнейших французских генералов.

Увлеченный подобными идеями, полковник Карион Низа решился даже напечатать, что в 1813 г. Наполеону следовало бы половину своей армии разместить в Богемии, а 150 000 человек бросить *к устью реки Эльбы,* к Гамбургу! Он забыл, что первейшее правило для всякого базиса континентальной армии состоит в том, чтобы опираться на фронт, наиболее удаленный от моря, т. е. на такой фронт, который ставит армию в центр всех элементов ее военного могущества и населения, от которых она, наоборот, оказалась бы отделенной и отрезанной, если бы совершила грубую ошибку, опершись на море.

Островная держава, действующая на континенте, естественно, должна делать диаметрально противоположный расчет, однако все-таки и этот расчет опирается на ту же самую аксиому, которая предписывает каждому *искать свой базис в тех пунктах, где он может быть поддержан всеми военными средствами и в то же время может найти надежное убежище.*

Лишь держава, в равной мере сильная на суше и на море, многочисленные эскадры которой господствовали бы на море, прилегающем к театру военных действий, могла бы еще базировать небольшую армию тысяч в 40—50 на берегу, обеспечив за ней хорошо защищенное убежище и всякого рода снабжение. Давать же подобный базис сухопутным силам в 150 000 человек, имеющим дело с дисциплинированными, хорошо обученными войсками противника почти равной численности, — это всегда являлось бы актом безумия.

Но так как нет правила без исключения, то и тут имеется один случай, когда может быть выгодно отклониться от того, что мы только что сказали, и вести свои операции со стороны моря. Это именно тот случай, когда противник мало опасен в поле, когда при безусловном господстве на море представилась бы возможность легко снабжаться с этой стороны, тогда как снабжение внутри страны было бы затруднительно. Хотя соединение этих трех условий случается очень редко, однако это все же произошло в турецкой войне 1828 и 1829 гг. Все внимание было прковано к Варне и Бургасу, за Шумлой же ограничивались одним наблюдением. Это такая система, которой нельзя было бы придерживаться, имея против себя европейскую армию, так как в этом случае, даже владея морем, есть большой риск потерпеть поражение.

Несмотря на все, что говорилось праздными людьми, претендующими на решение судеб империй, эта война велась довольно хорошо, не считая нескольких ошибок: старались прикрыть себя, захватив крепость Браилов, Варну и Силистрию, а затем подготовив себе депо в Сизополе. Как только достаточно устроили базис, двинулись прямо на Адрианополь, что раньше считалось бы безумием. Если бы в 1828 г. поход не был таким дальним или если бы благоприятная погода продолжалась еще два месяца, то все было бы кончено в первую же кампанию.

* * *

Кроме постоянных базисов, которые обыкновенно будут устраиваться на собственных границах или, по крайней мере, в стране союзника, на которого можно положиться, суще-

ствуют еще случайные и временные базисы, зависящие от операций, предпринятых в неприятельской стране. Но так как подобные базисы являются скорее временными опорными пунктами, то о них мы скажем несколько слов в отдельной статье, во избежание смешения понятий, которое возможно вследствие сходства наименования (см. ст. XXIII).

Статья XIX

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПУНКТАХ И ЛИНИЯХ, О РЕШАЮЩИХ ПУНКТАХ ТЕАТРА ВОЙНЫ И ОБ ОБЪЕКТАХ ДЕЙСТВИЙ

Стратегические пункты и линии бывают различного рода. Одни из них получают такое наименование исключительно по своему географическому положению, из которого и вытекает их значение на шахматной доске операций; таким образом, они являются постоянными географическими стратегическими пунктами. Другие приобретают свое значение по отношению к расположению неприятельских сил и к намечаемым против них операциям; это, следовательно, маневренные стратегические пункты, совершенно случайные. Наконец, существуют стратегические пункты и линии, имеющие лишь второстепенное значение, а также и другие, значение которых одновременно и огромно, и постоянно; последние я назвал решающими стратегическими пунктами.

Я постараюсь объяснить эти отношения столь же ясно, как я их сам понимаю, что в подобном деле не всегда так легко, как иные думают.

Всякий пункт на театре военных действий, имеющий важное военное значение, будь то по своему положению в узле сообщений или по нахождению в нем каких-либо военных учреждений и фортификационных сооружений, оказывающих прямое или косвенное воздействие на стратегической шахматной доске, является, в сущности, территориальным, или географическим, стратегическим пунктом.

Один знаменитый генерал, напротив, утверждает, что не всякий пункт, удовлетворяющий вышеприведенным условиям, являлся бы на этом основании стратегическим пунктом; для последнего еще необходимо, чтобы он был выгодно расположен по отношению к имеющейся в виду операции. Надеюсь, меня извинят за то, что я держусь иной точки зрения, ибо стратегический пункт всегда остается таковым по своей природе, даже

и тот, который был бы весьма удален от сферы первых военных действий, так как он может быть втянут в них неожиданным оборотом событий и приобрести то важное значение, которое он вообще имеет. Следовательно, с моей точки зрения, точнее было бы сказать, что не все стратегические пункты являются пунктами решающими.

Точно так же и стратегические линии являются или географическими или только связанными с временным маневром. Первые могут быть подразделены на два разряда: географические линии, которые по своей постоянной значительности принадлежат к решающим пунктам театра военных действий *, и линии, значение которых обусловливается лишь тем, что они соединяют между собой два стратегических пункта.

Опасаясь перемешать эти различные темы, мы рассмотрим в отдельной статье стратегические линии, относящиеся к задуманному маневру, а здесь ограничимся рассмотрением решающих пунктов и объектов действий операционной зоны, т. е. зоны, на которую направлены операции.

Хотя между двумя этими видами пунктов существует тесная связь, так как всякий объект действий необходимо должен быть одним из решающих пунктов театра войны, тем не менее их надо различать, так как все решающие пункты не могут одновременно стать целью действий. Следовательно, займемся сначала точным определением первых, что облегчит нам выбор вторых.

Я полагаю, что наименование решающего стратегического пункта можно дать всем тем пунктам, которые могут оказать значительное влияние или на всю кампанию в целом или на одну только операцию. К их числу следует отнести все те пункты, географическое положение и искусственно созданные преимущества которых благоприятствовали бы атаке или обороне оперативного фронта или оборонительной линии; первое место среди них занимают удачно расположенные и обширные крепости и плацдармы.

Следовательно, решающие пункты театра войны бывают многообразны. Главнейшие из них—это географические пункты

---

* Мне, может быть, вновь поставят в упрек варваризм так как я называю линией решающий пункт или объект действий, а пункт не может быть линией. Мне незачем, однако, объяснять читателям, что объекты действий не суть геометрические точки, но грамматическая форма оборота, выражающего цель, которую поставила армия. А кто будет оспаривать слово «решающий», ввиду того что пункт сам по себе редко является решающим, тот может заменить его словом «важный», хотя последнее и не выражает столь сильно ту мысль, которую я сюда вкладываю.

или линии, значение которых важно всегда и вытекает из самой конфигурации данного театра войны. Возьмем, например, театр войны французов в Бельгии. Совершенно ясно, что та из сторон, которая будет владеть течением Мааса, будет иметь неисчислимые преимущества в захвате страны, так как ее противник, охваченный и запертый между Маасом и Северным морем, не сможет принять сражения на фронте, параллельном берегу моря, не подвергаясь риску полного уничтожения *. Долина Дуная также представляет собою ряд важных пунктов, что заставило смотреть на нее как на ключ к Южной Германии.

Решающими географическими пунктами также являются те, которые позволяют господствовать над узлом нескольких долин или важнейших пересекающих страну путей сообщения. Например, Лион является важным стратегическим пунктом, так как он господствует над долинами Роны и Сены и расположен в центре сообщений Франции с Италией и юга с востоком. Но решающим пунктом он стал бы лишь при условии, если бы там была крепость или укрепленный лагерь с предмостными укреплениями.

Лейпциг есть, бесспорно, стратегический пункт, так как он расположен на сплетении всех сообщений севера Германии. Если бы этот город был укреплен и находился на обоих берегах большой реки, то он был бы почти ключом к стране (если вообще страна может иметь ключ и если это образное выражение значит что-либо иное, а не просто — решающий пункт).

Все столицы, будучи расположены в центре дорог государства, также являются решающими стратегическими пунктами, и не только по приведенной причине, но и по другим экономическим и политическим мотивам, увеличивающим их значение.

Помимо этих пунктов, в горных странах имеются еще теснины, являющиеся единственными проходами для армии; эти географические пункты могут быть решающими для операций в данной местности; известно, какое значение в 1800 г. получило дефиле у Бард, прикрытое небольшим фортом.

Второй вид решающих пунктов — это случайные маневренные пункты, значение которых относительно и обусловливается группировкой войск обеих сторон. Например, Макк в 1805 г. сосредоточил свои силы в направлении Ульма и ожидал рус-

---

* Это применимо лишь к континентальным армиям, но не к Англии, которая, имея базис, опирающийся на Антверпен или Остенде, может не бояться оккупации линии Мааса.

скую армию со стороны Моравии; при наступлении на него решающим пунктом был Донауверт или нижнее течение Леха, так как, в случае предупреждения здесь Макка, были бы отрезаны его линия отступления на Австрию и шедшая к нему на помощь русская армия. В 1800 г. Край, занимая такое же положение у Ульма, ожидал помощи не со стороны Богемии, а из Тироля и от победоносной армии Меласа в Италии. Поэтому при наступлении на него решающий пункт лежал уже не в Донауверте, а на противоположной стороне, т. е. у Шафгаузена: только здесь являлась возможность выйти в тыл его операционного фронта, отрезать ему отступление и, отбросив к Майну, изолировать его как от вспомогательной армии, так и от его базиса. В ту же кампанию 1800 г. первой целью действий Бонапарта было обрушиться через Сен-Бернар на правое крыло Меласа, чтобы захватить его сообщения: понятно, что Сен-Бернар, Иврэ и Плезанс были решающими географическими пунктами только по их отношению к движению Меласа на Ниццу.

Можно принять как общий принцип, что решающими маневренными пунктами являются пункты, расположенные на том крыле неприятельского фронта, со стороны которого его можно было бы легче отрезать от его базиса и от его вспомогательных армий, не подвергая при этом себя такому же риску. Надо всегда предпочитать крыло, противоположное морю, так как оттеснить противника к морю столь же выгодно, сколь опасно самому подвергаться подобному риску, если только вы не имеете дело со слабой островной армией; в этом случае можно попытаться отрезать ее от кораблей, хотя это иногда и опасно.

Если неприятельская армия раздроблена на части или растянута на очень длинном фронте, то тогда решающим пунктом будет центр, так как путем его прорыва увеличивают разделение неприятельских сил, т. е. удваивают их слабость; неприятельские войска, разбитые по частям, несомненно, обречены на уничтожение.

Решающий пункт поля сражения определяется:

1) конфигурацией местности;

2) сочетанием населенных пунктов с преследуемой данной армией стратегической целью;

3) группировкой сил обеих сторон.

Но, чтобы не забегать вперед и не говорить здесь о тактических соображениях, мы эти последние пункты рассмотрим в главе о сражениях.

ОБ ОБЪЕКТАХ ДЕЙСТВИЙ [22]

Об объектах действий можно сказать, что существуют объекты действий маневренные, а также и географические, как то: важная крепость, течение большой реки, оперативный фронт, предоставляющий надежные оборонительные линии или хорошие опорные пункты для последующих предприятий. Впрочем, так как даже выбор какого-либо географического объекта есть уже известная комбинация, которая может квалифицироваться как маневр, то было бы более точно говорить, что одни * имеют отношение только к территориальным пунктам, а другие ** — исключительно к неприятельским силам, занимающим последние.

В стратегии цель кампании определяет объект действий. Если эта цель наступательная, то объектом действий будет неприятельская столица или важная в военном отношении провинция, утрата которой могла бы склонить противника к миру. При войне-вторжении агрессор обычно намечает целью действий захват столицы. Во всяком случае, географическое положение этой столицы, политические отношения воюющих государств с соседними государствами, имеющиеся в распоряжении обеих сторон ресурсы, как свои фактические, так и возможные союзнические,— все это создает массу комбинаций, по существу чуждых науке о бое, но, тем не менее, очень тесно и глубоко связанных с планами операций и могущих содействовать решению вопроса о том, должна ли армия стремиться к продвижению до самой неприятельской столицы или опасаться его.

В этом последнем случае объектом действий может быть какая-либо часть оперативного фронта или оборонительной линии, где имеются важные крепости, захват которых обеспечивал бы армии владение занятой территорией. Например, если бы в войне Франции с Австрией французская армия вторглась в Италию, то ее первым объектом действий была бы линия рек Тичино и По; вторыми объектами действий были бы Мантуя и линия реки Эч.

При обороне объектом действий явится уже не тот пункт, который желают захватить, а тот, который стремятся прикрыть. Столица, признаваемая центром могущества, становится главным объектом обороны. Но для обороны могут быть и более близкие объекты, как, например, первая линия и первый операционный базис. Так, первой целью действий

---

* Т. е. пункты географические. — *Ред.*

** Т. е. маневренные пункты. — *Ред.*

французской армии, вынужденной обороняться за Рейном, будет воспрепятствование переправе через эту реку. Французская армия будет стараться помочь эльзасским крепостям, если противнику удастся переправиться и осадить их; второй целью действий явится прикрытие первого операционного базиса, который будет находиться на Маасе или на Мозеле. Этого можно добиться как фланговой, так и фронтальной обороной.

Что касается *маневренных* объектов действий, т. е. тех, которые, главным образом, имеют отношение к уничтожению или расчленению неприятельских армий, то о всем их важном значении можно судить по тому, что мы уже сказали о маневренных решающих пунктах. Отчасти именно в удачном выборе этих пунктов и состоит драгоценнейший талант полководца и вернейший залог больших успехов. Во всяком случае, известно, что в этом состояло наиболее бесспорное достоинство Наполеона.

Отбросив старое рутинерство, стремившееся ограничиться только взятием одной или двух крепостей или оккупацией небольшой пограничной провинции, он, казалось, был глубоко убежден, что главный способ творить великие дела заключается в расчленении и уничтожении неприятельской армии. Он был уверен в том, что государства или провинции сдадутся сами, если не станет больше организованных сил для их прикрытия *. Верно оценить одним взглядом шансы, предоставляемые различными зонами театра военных действий; концентрически направить массы в ту из этих зон, которая, очевидно, предоставляет наибольшие выгоды; не пренебречь ничем для своего осведомления о примерном расположении неприятельских сил; затем с быстротой молнии обрушиться или на центр этой армии, если она будет разбросана, или на тот ее фланг, откуда легче можно выйти на ее сообщения, обойти ее, отрезать, нанести первое поражение, а затем преследовать до последней возможности, вынуждая отходить в расходящихся направлениях; наконец, до тех пор не давать ей покоя, пока она не будет уничтожена или рассеяна, — вот на что указывают первые кампании Наполеона как на одну из лучших систем или, по крайней мере, как на основы той системы, которой он отдавал предпочтение.

Правда, позднее, когда такое маневрирование было применено в обстановке огромных русских расстояний и «негосте-

---

* Война в Испании и все народные войны могли бы рассматриваться как исключение; между тем без поддержки организованной армии, будь то иностранная или национальная армия, всякая частичная борьба населения при ее затяжке должна закончиться поражением.

приимного» русского народа, оно не имело такого успеха, как в Германии. Во всяком случае, надо признать, что, если этот способ ведения войны не всякому по-плечу и не подходит ко всем странам и к любой обстановке, тем не менее, вероятность успеха при этом образе действий остается наибольшей, и успех его действительно основывается на применении принципов. А если Наполеон и злоупотреблял этой системой, то это все же не аннулирует тех реальных выгод, которые можно от нее ожидать, если суметь поставить какую-то границу своим успехам, если суметь полностью согласовать размах своих предприятий с соотношением и состоянием сражающихся друг с другом армий и соседних государств.

Правила, которые можно было бы дать относительно этих важных стратегических операций, почти целиком заключаются в том, что мы уже высказали о решающих пунктах, и в том, что мы изложим дальше, когда будем говорить о выборе операционных линий (ст. XXI).

Что же касается выбора объектов действий, то здесь обычно все будет зависеть от цели войны, от характера, который придадут войне обстоятельства или воля правительств, и, наконец, от тех военных сил и средств, которыми располагают обе стороны. Во многих случаях, когда важнейшие причины заставляют ничего не предоставлять случаю, было бы более благоразумно ограничить цель кампании приобретением некоторых частичных выгод, стремясь при этом только к овладению несколькими городами или к очищению от неприятеля небольшой пограничной провинции. Когда же, напротив, чувствуют себя в силах подвергнуться риску больших случайностей с надеждой на успех, тогда, подобно Наполеону, надо ставить целью уничтожение неприятельской армии. Нельзя советовать повторение ульмского или иенского маневра армии, наступающей исключительно для осады Антверпена. По совершенно другим причинам, но также было бы неблагоразумно посоветовать маневр, подобный выполненному французской армией, выдвинувшейся за Неман на расстояние в 500 лье (около 2 000 *км*) от своих границ, потому что вероятность гибельных условий обстановки во много раз превосходила бы вероятность всех тех выгод, на которые можно было бы рассчитывать.

Существует еще особый род объектов действий, который нельзя обойти молчанием: это такие пункты, которые хотя и имеют своей целью какой-либо военный объект, тем не менее, гораздо большее отношение имеют к политическим комбинациям, чем к стратегическим. Особенно в коалициях редко

бывает, чтобы они не играли весьма крупной роли, оказывая влияние и на военные действия и на комбинации правительств; их можно поэтому назвать *политическими объектами* действий.

В самом деле, помимо глубоких внутренних отношений, существующих между политикой и войной, в целях подготовки к последней почти во всех кампаниях бывают операции, предпринимаемые для достижения политических целей, часто весьма важных, но также часто весьма мало рациональных и, выражаясь стратегически, ведущих скорее к серьезным ошибкам, чем к полезным операциям. Мы ограничимся приведением двух примеров. Первый — экспедиция 1793 г. герцога Иоркского против Дюнкирхена, зародившаяся у англичан под влиянием их старых морских и торговых устремлений; этот поход направил операции союзников по расходящимся направлениям, что привело к их поражению; в данном случае объект действий был нехорош со всех военных точек зрения. Второй пример — экспедиция 1799 г. того же герцога Иоркского в Голландию, продиктованная теми же взглядами лондонского кабинета, совпадавшими с тайными надеждами Австрии на захват Бельгии, была не менее роковой, так как она породила движение эрцгерцога Карла от Цюриха на Маннгейм, что явилось операцией, весьма противоречившей общим интересам коалиционных армий в тот момент, когда она была решена.

Приведенные истины доказывают, что выбор политических объектов действий должен подчиняться требованиям стратегии, по меньшей мере до того момента, пока армия не разрешила оружием важнейших вопросов войны.

В общем же этот вопрос так обширен и так сложен, что было бы абсурдно стремиться подчинить его каким-либо правилам: единственное правило, которое можно было бы предложить, это только что нами приведенное. На практике необходимо одно из двух: или чтобы выдвигаемые политикой на войне объекты действий находились в согласовании с принципами стратегии, или же, в противном случае, чтобы достижение их было отложено до того времени, которое последует за решительной победой. Применяя это правило к обоим вышеприведенным примерам, мы должны понять, что завоевывать Дюнкирхен в 1793 г. и освобождать Голландию в 1799 г. надо было в Камбрэ или в центре Франции. Это значит, что следовало объединить и направить все усилия коалиции на пограничный решающий пункт, где и наносить сильные удары. Впрочем, почти все экспедиции подобного рода относятся к разряду крупных диверсий, которым мы посвятим особую статью,

Статья XX

ОБ ОПЕРАЦИОННЫХ ФРОНТАХ, О ФРОНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ, ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЯХ И О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ

В военной науке существуют некоторые определения, которые имеют такое близкое сродство между собой, что их часто смешивают, хотя они и отличаются друг от друга по существу.

В число этих определений входят: «операционный фронт», «стратегический фронт», «оборонительная линия» и «стратегическая позиция». Следующие замечания покажут существующую между ними тесную связь или разницу, а также и причины, почему мы объединили эти темы в одной и той же статье.

О ФРОНТАХ ОПЕРАЦИОННЫХ И ФРОНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ

Как только армия расположится в зоне шахматной доски, которую она должна охватить в целях атаки или в целях обороны, она обыкновенно занимает стратегические позиции. Несколько ниже мы скажем, что следует под этим понимать.

Протяжение обращенного к неприятелю фронта, которое охватывают стратегические позиции, называется стратегическим фронтом. Та часть театра военных действий, откуда противник может, по нашему предположению, притти на этот фронт в один или два перехода, будет операционным фронтом.

Между этими двумя видами фронтов существует столь большая аналогия, что многие военные смешивают их, давая им то одно, то другое название. Но если понимать вещи со всей требуемой делом строгостью, то явится бесспорным, что названные «стратегический фронт» лучше давать позициям, действительно занятым армией, тогда как название «операционный фронт» лучше подойдет к тому географическому пространству, которое разделяет обе армии, простираясь на один или несколько переходов за каждым крылом их стратегического фронта, и которое представляется вероятным местом их столкновения между собою.

Это кажется настолько естественным и рациональным, что я ни в какой мере не колебался бы применять такое двойное определение, если бы не боялся быть еще раз обвиненным в приверженности к тонкостям терминологии, потому что

в практическом применении этих слов другими писателями будет, по всей вероятности, продолжаться смешивание их друг с другом и употребление обоих терминов для обозначения одной и той же мысли. Поэтому я довольствуюсь тем, что отмечаю здесь разницу, и в дальнейшем буду придерживаться этого различия, поскольку это возможно будет делать.

Как только операции данной кампании будут подготовлены, одна из двух армий, несомненно, примет решение ожидать противника. Тогда возникнет забота обеспечить себе оборонительную линию, более или менее заблаговременно подготовленную; она может быть или на самой линии стратегического фронта, или немного позади него. А вследствие этого, естественно, получится, что этот фронт иногда окажется одновременно и оборонительной линией, как это было в 1795 и 1796 гг. на линии Рейна, которая одновременно служила оборонительной линией для австрийцев и для французов, причем и стратегический и операционный фронты также находились на этой линии. Это именно то, что часто приводит к смешиванию указанных трех понятий, поскольку они выражают вещи, которые иногда находятся в одном и том же месте, но являются весьма различными. В самом деле, армия не всегда имеет оборонительную линию, в особенности, когда она вторгается в чужую страну. Она не имеет также и стратегического фронта, когда она собрана в одном лагере, но она всегда имеет операционный фронт.

Для различения указанных понятий достаточно будет следующих двух примеров. Когда в конце 1813 г. возобновились враждебные действия, то общий операционный фронт Наполеона простирался сначала от Гамбурга до Виттенберга, откуда он шел вдоль линии союзников до Глогау и Бреславля, потому что его правый фланг был в Левенберге, и наконец, отходил на границу Богемии до Дрездена. Его силы были распределены на большом фронте в четырех массах, стратегические позиции которых были внутренними или центральными и представляли три различные стороны. Вынужденный позднее отойти за Эльбу, он свою действительную оборонительную линию протянул лишь между Виттенбергом и Дрезденом с загибом назад, на Мариенберг, так как Гамбург и даже Магдебург уже находились вне его стратегической шахматной доски, и он погиб бы, если бы вздумал перенести туда свои операции.

Как на другой пример я укажу на расположение Наполеона вокруг Мантуи в 1796 г. Его операционный фронт в действительности простирался от Бергамских гор до Адриатического

моря, тогда как по необходимости его действительная оборонительная линия была на реке Эч, между Гардским озером и Леньяго, а потом на реке Минчио, между Пескьерой и Мантуей, стратегический же фронт менялся в соответствии с его позициями.

Мы выказали бы пренебрежение к нашим читателям, если бы продолжали настаивать на этом пункте, а так как различие между этими тремя вещами уже указано, нам остается только отдельно рассмотреть их и представить читателю небольшое число правил, общих для них всех и свойственных каждому из них в частности.

Таким образом, операционный фронт, являясь географическим пространством, разделяющим стратегические фронты обеих армий, на котором они могут столкнуться, устанавливается обычно почти параллельно базису. Стратегический, действительный фронт, охватывая полностью несколько меньшее пространство, чем фронт возможных или предполагаемых операций, будет находиться в том же направлении и обычно должен устанавливаться таким образом, чтобы пересечь в поперечном направлении главную операционную линию и продолжаться за флангами ее настолько, чтобы прикрывать ее возможно больше.

Во всяком случае, направление этого фронта может изменяться в соответствии с предположениями командующего или в зависимости от атак неприятеля, причем довольно часто случается, что этот фронт является перпендикулярным к базису и параллельным первоначальной операционной линии.

Изменение стратегического фронта в действительности представляет собою один из важнейших маневров, так как, образуя перпендикуляр к своему собственному базису, приобретает господство над двумя сторонами шахматной доски, и таким образом своя армия ставится почти в столь же благоприятную обстановку, как если бы она имела базу с двумя сторонами.

Стратегический фронт Наполеона при его движении на Эйлау представлял собою все эти особенности. Его операционными осями поворота были Варшава и Торн, что делало из Вислы своего рода временный базис. Фронт сделался параллельным Нареву, откуда Наполеон двинулся, опираясь на Серощк, Пултуск и Остроленку, для выполнения маневра правым крылом, с целью отбросить русских к Эльбингу и Балтийскому морю. В подобных случаях стратегический фронт, если только найдется опорный пункт на его новом направлении, доставит

ту же выгоду, какую мы только что отметили. Нужно только не терять из виду, что при подобном маневре армия должна иметь полную уверенность в возможности, в случае нужды, снова добраться до своего временного базиса. А это значит, что этот базис должен продолжаться позади стратегического фронта и быть таким образом прикрыт. Наполеон, двинувшись от Нарева через Алленштейн к Эйлау, имел позади своего левого крыла крепость Торн, а еще далее от фронта армии — предмостное укрепление Праги и Варшавы. Таким образом, его коммуникации были вполне обеспечены, тогда как Беннигсен, вынужденный повернуться к нему фронтом и занять боевую линию параллельно Балтийскому морю, мог быть отрезан от своего базиса и оттеснен к устью Вислы. Наполеон произвел не менее замечательное изменение своего стратегического фронта при движении в 1806 г. из Геры на Иену и Наумбург. Моро в 1800 г. проделал нечто подобное, двинувшись с Иллера своим правым флангом на Аугсбург и Диллинген; повернувшись фронтом к Дунаю и Франции, он тем самым вынудил Края эвакуировать свой знаменитый укрепленный лагерь в Ульме.

Стратегическому фронту можно придать подобное перпендикулярное к базису направление или мгновенным поворотом войск, произведенным только для данной операции всего лишь на несколько дней, или же вообще, принимая новое направление на неопределенное время, с целью воспользоваться выгодами некоторых местностей, чтобы нанести решительные удары или же обеспечить своей армии хорошую оборонительную линию и удобные операционные оси поворота, которые по своему значению почти равняются подлинному базису.

Часто случается, что какая-либо армия бывает вынуждена иметь двойной стратегический фронт. Это может произойти или вследствие конфигурации и других особенностей некоторых театров войны, или же потому, что всякая наступательная операционная линия, немного растянутая в глубину, требует хорошего обеспечения своих флангов. В первом случае можно привести в пример границы Турции и Испании. Армии, которые хотели бы перейти Балканы или реку Эбро, были бы вынуждены иметь двойной фронт. Первый фронт — для того, чтобы обеспечить себя со стороны долины Дуная, а другой — чтобы обеспечить себя со стороны войск, идущих из Сарагоссы или Леона.

Для всех мало-мальски обширных стран возникает более или менее настоятельная необходимость образования двойных фронтов. Например, французская армия, двигаясь в долине Ду-

ная, всегда была бы подчинена необходимости иметь или со стороны Богемии, или со стороны Тироля двойной стратегический фронт, как только австрийцы бросили бы в эти провинции достаточно многочисленные корпуса для создания серьезной опасности. Только те страны являются исключением, границы которых со стороны противника весьма узки, потому что оставленные там при отступлении армии корпуса для создания угрозы неприятельским флангам сами легко могли бы быть отрезаны и захвачены в плен. Эта необходимость двойных стратегических фронтов является одним из самых серьезных неудобств для наступающей армии, так как она заставляет выделять большие отряды, что всегда до некоторой степени опасно, как мы это докажем ниже.

Само собой разумеется, что все до сих пор сказанное особенно относится к регулярным войнам между различными государствами, ибо в народной войне или в войне гражданской враждебные действия захватывают почти всю площадь страны, причем различные фронты не могли бы быть описаны подобным образом. Однако, каждая крупная часть армии, которая действует с определенной целью отдельно от главных сил, почти всегда имеет свой особый стратегический фронт, определяемый столько же свойствами местности, как и расположением неприятельских сил, которые ей необходимо было бы разбить. Так, в испанской войне Сюше в Каталонии, а Массена в Португалии имели каждый по особому стратегическому фронту, тогда как другие корпуса великой армии не имели определенного стратегического фронта.

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЯХ

Оборонительные линии бывают нескольких родов. Бывают стратегические и тактические оборонительные линии. Среди первых одни бывают постоянными, входящими в оборонительную систему государства, как, например, укрепленные пограничные линии и т. п., другие бывают только временными и относятся лишь к быстро преходящему расположению, которое занимает армия.

Пограничные линии — это линии постоянной обороны, когда они представляют собою соединение естественных и искусственных препятствий вроде горных хребтов, больших рек и крепостей, образующих совместно хорошо увязанную систему. Так, цепь Альпийских гор между Пьемонтом и Францией есть оборонительная линия, потому что удобные проходы запраждены крепостями или фортами, представляющими громадные

препятствия для армии. При выходе из ущелий имеются сильные укрепления, прикрывающие различные долины Пьемонта. Точно так же Рейн, Одер и Эльба могут с некоторых точек зрения рассматриваться как постоянные оборонительные линии вследствие расположения на них крупных прикрывающих их крепостей.

Все эти комбинации, как относящиеся скорее к системе крепостей, чем к операциям какой-либо кампании, мы будем рассматривать в статье о крепостях (ст. XXVI).

Что касается *случайных или временных оборонительных линий,* то можно сказать, что всякая мало-мальски широкая река, всякая горная цепь и всякое большое дефиле, имеющие в своих доступных точках временные полевые укрепления, могут рассматриваться как оборонительные линии, одновременно и стратегические и тактические, потому что они помогают прекратить на несколько дней продвижение противника и часто заставляют его отклониться от прямого направления и искать менее трудного прохода. В этом случае они создают очевидное стратегическое преимущество. Но если неприятель атакует их с фронта и захочет захватить их открытой силой, они будут иметь также и тактическую выгоду, потому что всегда труднее разбить армию, находящуюся за рекой на позиции, сильной от природы или же искусственно укрепленной, чем напасть на нее на открытой равнине.

Во всяком случае, не следует преувеличивать эту тактическую выгоду, потому что тогда легко запутаться в ошибочной системе крепких позиций (starke Positionen), погубившей уже немало армий, ибо, как бы ни был труден доступ к укрепленному оборонительному лагерю, все же ясно, что тот, кто будет пассивно ожидать в нем ударов противника, в конце концов будет разбит *.

Впрочем, насколько труден доступ ко всякой сильной от природы позиции **, настолько же труден и выход из нее, а потому неприятель может небольшими войсками охранять выходы и, так сказать, блокировать армию на ее позиции с гораздо меньшими силами, чем у обороняющегося, что как раз и произошло с саксонцами в лагере при Пирне и с Вурмзером в Мантуе.

---

* Следует заметить, что здесь идет дело не об укрепленных лагерях, которые совершенно отличны от вышеупомянутых и будут рассмотрены в ст. XXVII.

** Здесь дело идет о расположении войск на отдых в лагере, а не на поле сражения, о чем мы будем говорить в главе о высшей тактике (ст. XXX).

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ

Может быть такое расположение армий, которому уместно дать название стратегической позиции, в отличие от тактических или боевых позиций. Стратегические позиции — это те, которые занимают на определенное время, с целью охвата операционного фронта на большем протяжении, чем это может понадобиться для боя. К ним принадлежат все позиции за реками или на оборонительной линии, когда дивизии отстоят на некотором удалении друг от друга. Таковы позиции наполеоновских армий при Риволи, Вероне и Леньяго для охранения реки Эч, а в 1813 г. — в Саксонии и Силезии впереди своей оборонительной линии; все это были стратегические позиции, так же как и позиции англо-прусских армий на бельгийской границе перед сражением при Линьи (1814 г.) и армии Массены на Альбисе вдоль Лиматы и Аара в 1799 г. Даже зимние квартиры, когда они занимают небольшую площадь и находятся в виду неприятеля, не будучи обеспечены перемирием, являются не чем иным, как стратегическими позициями. Таковы, например, были зимние квартиры Наполеона на Пассарге зимой 1807 г. К этой категории относятся также ежедневные позиции, занимаемые армией во время движения, и те, которые иногда растягиваются в целях изменения или облегчения движений.

Из предыдущего видно, что название стратегических позиций в равной мере применимо ко всякому положению армии, принимаемому или для одновременного прикрытия многих пунктов, или для образования какой-либо наблюдательной линии; наконец, оно может быть применено ко всякой позиции выжидания. К этой же категории равным образом надо отнести позиции, растянутые по оборонительной линии, а также позиции корпусов, расположенных на двойном операционном фронте или для прикрытия осады на то время, когда армия действует с другой стороны, — одним словом, позиции почти всех больших отрядов, составленных из значительных частей армии.

* * *

Правила, которые можно было бы дать в отношении различных затронутых выше вопросов, немногочисленны, так как фронты, оборонительные линии и стратегические позиции почти всегда зависят от множества обстоятельств, связанных с местными бесконечно разнообразными условиями.

Основной аксиомой является то, что все они должны располагать надежными коммуникационными связями с различными точками операционной линии.

При обороне выгодно, чтобы стратегические фронты и оборонительные линии имели на флангах, так же как и на фронте, естественные или искусственные препятствия, могущие служить опорными пунктами. Опорные пункты, которые может иметь стратегический фронт, называют *осями операций*. Это частичные временные базисы. Их нельзя смешивать с осями маневра. Например, в кампании 1796 г. Верона была превосходной осью операций для всех наполеоновских предприятий вокруг Мантуи в течение целых восьми месяцев. Дрезден в 1813 г. также был осью всех движений Наполеона. Эти точки являются случайными или кратковременными плацдармами, крепостями.

Осями маневров служат подвижные части армии, которые оставляются в том пункте, владеть которым существенно важно в течение всего времени, пока главные силы армии выполняют основные операции. Так, корпус Нея был осью маневра, когда Наполеон через Донауверт и Аугсбург перерезал путь отступления Макка. Этот корпус, доведенный до состава в 5 дивизий, загораживал Ульм и охранял левый берег Дуная. Когда маневр заканчивается, то прекращает свое существование и ось маневра, тогда как ось операции есть пункт материальный, выгодный в двух отношениях — в стратегическом и в тактическом — и являющийся опорой в течение всего периода кампании.

Самое желательное качество оборонительной линии — это, на мой взгляд, чтобы она была возможно менее растянута, так как, чем она короче, тем легче ее прикроет армия, вынужденная к обороне. Стратегический фронт также должен иметь довольно ограниченное протяжение, чтобы можно было составляющие его части быстрее сосредоточивать в удачно выбранном пункте. Но нельзя того же сказать об операционном фронте, так как, если этот фронт слишком узок, то наступающей армии трудно производить с него стратегические маневры, обещающие большой успех. Впрочем, слишком широкий операционный фронт также не способствует успеху в наступательных стратегических операциях. Слишком растянутый фронт дает противнику если не хорошую оборонительную линию, то, по крайней мере, достаточно обширное пространство, чтобы ускользнуть от последствий хорошо задуманного и выполненного стратегического маневра. Так, например, блестящие операции при Маренго, Ульме и Иене не дали бы подобных результатов на таком обширном театре войны, как в 1812 г. в России, так как армия, отрезанная от своей главной линии отступления, смогла бы найти другую опера-

ционную зону, бросив ту, которую она занимала первона-
чально.

Стратегические позиции приводят к почти таким же комби-
нациям. Существенные требования для всякой позиции подоб-
ного рода состоят в следующем: они должны быть более сосре-
доточены, чем неприятельские силы, которым они будут проти-
вопоставлены; все части армии должны иметь удобные и без-
опасные сообщения, позволяющие сосредоточить силы так,
чтобы неприятель не был в состоянии помешать сосредоточе-
нию. Таким образом, при равных приблизительно силах все
центральные или внутренние позиции более выгодны, чем внеш-
ние, потому что последние по необходимости охватывают бо-
лее широкий фронт и вызывают всегда опасную разброску
сил. Высокая подвижность частей, входящих в состав
стратегической позиции, также может способствовать их
безопасности и даже их превосходству над противником при
использовании сил последовательно и поочередно в различных
пунктах стратегической шахматной доски. Наконец, армия не
может надежно занимать стратегическую позицию, не предпри-
няв предосторожности в виде занятия одной или двух заранее
разведанных тактических позиций с целью объединить там ар-
мию, встретить неприятеля и вступить в бой со всеми имею-
щимися силами, когда его намерения хорошо раскрыты.
Именно так Наполеон подготовил свои поля сражений в Ри-
воли и Аустерлице, Веллингтон — в Ватерлоо, а эрцгерцог
Карл — в Ваграме.

Если армия располагается лагерем или если она находится
поблизости от своих позиций расквартирования, достаточно
тесно расположенных, то командующий должен особенно
тщательно следить за тем, чтобы эти позиции не имели
слишком широкого фронта. Повидимому, предпочтительнее
располагать армию на площади, которую можно было бы
назвать своего рода стратегическим каре, с тремя почти
равными сторонами, так как всем дивизиям пришлось бы
пройти лишь среднее расстояние, чтобы притти из всех
пунктов каре к общему центру, в котором предназначено
принять удар.

Так как, впрочем, стратегические позиции входят почти во
все комбинации войны, то о них разговор будет вестись в боль-
шинстве статей этого труда, посвященных различным комбина-
циям, и мы ничего не могли бы прибавить по этому вопросу,
не впадая в ненужные повторения.

Прежде чем оставить эти темы, которые так часто переме-
шиваются в одних и тех же комбинациях, я должен сказать

еще два слова относительно стратегических оборонительных линий. Бесспорно, что каждая из этих линий должна иметь при своем развитии особый сборный пункт для тактической обороны, в чем возникла бы надобность, если бы неприятелю удалось пройти сквозь фронт стратегической позиции. Например, армия, охраняющая значительную часть течения реки и не имеющая возможности быть одинаково сильной на всем протяжении этой линии, должна иметь немного позади центра заблаговременно и тщательно выбранное поле сражения для сбора на нем обсервационных дивизий, чтобы противопоставить противнику все свои силы сосредоточенными. Я не буду останавливаться на этих боевых позициях, так как они входят в область тактики и будут рассматриваться в ст. XXX, я же должен говорить здесь о линиях стратегической обороны.

Относительно последних нам остается сделать еще одно замечание. Наступающая армия, вступая в страну с намерением покорить или даже только временно ее оккупировать, всегда благоразумно заготовит себе, как бы велики ни были перед тем ее успехи, хорошую оборонительную линию, чтобы воспользоваться ею в случае перемены счастья и полного изменения обстановки. В конечном счете такие линии входят в соображения об устройстве временных или случайных базисов, о которых мы скажем в статье XXIII, а здесь ограничимся лишь указанием на них для полноты предпринятого нами обзора. В военной науке, в которой все тесно связано одно с другим, подобные повторения являются неизбежными.

Статья XXI

ОБ ОПЕРАЦИОННЫХ ЗОНАХ И ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЯХ[23]

Под операционной зоной нужно разуметь известную часть театра военных действий, через которую армия проходит с определенной целью, как действуя отдельно, так и комбинируя свои движения с движениями вспомогательной армии. Например, в общем плане кампании 1796 г. Италия являлась операционной зоной правой армии, Бавария — армии центра (Рейнско-Мозельской), наконец, Франкония — левой армии (Самбро-Маасской).

Иногда операционная зона как по конфигурации страны, так и по недостатку удобных дорог может представлять для

действующей в ней армии лишь одну операционную линию. Но такой случай бывает редко. Обычно операционная зона будет включать несколько операционных линий, количество которых будет зависеть отчасти от планов полководца, а отчасти от числа магистральных путей, предоставляемых данным театром для его предприятий.

Однако, отсюда нельзя сделать вывод, что каждая дорога сама по себе есть операционная линия: конечно, в зависимости от оборота, который примут военные события, каждая хорошая дорога, первоначально и не занятая, может временно стать операционной линией. Но, поскольку ею будут пользоваться лишь разведывательные отряды или поскольку она окажется расположенной в направлении, находящемся вне сферы главных операций, постолько было бы абсурдно смешивать ее с подлинной операционной линией. Кроме того, три или четыре удобные дороти, удаленные одна от другой всего на один или два перехода и ведущие к одному и тому же операционному фронту, не образуют трех разных операционных линий: операционной линией можно назвать лишь пространство, достаточное для того, чтобы центр и оба крыла армии могли передвигаться в пределах одного или двух переходов от каждого из крыльев, что возможно лишь при наличии в этом пространстве, по крайней мере, трех или четырех дорог, ведущих к операционному фронту.

Из сказанного можно сделать вывод, что если до настоящего времени смешивали слова «операционная зона» и «операционная линия» и часто одно применяли вместо другого, то то же самое происходило с операционными линиями, стратегическими линиями и случайными или возможными коммуникационными линиями.

Следовательно, я думаю, что термин «*операционная зона*» должен употребляться для обозначения большей части общего театра войны. Термин «*операционная линия*» должен означать ту долю этой большой части, которую армия охватит при выполнении своих операций, следуя ли по нескольким дорогам (маршрутам) или же только по одной. Тогда термин «*стратегические линии*» обозначал бы те важные линии, которые соединяют разные решающие пункты театра войны как между собой, так и с операционным фронтом армии. По тем же соображениям это наименование дадут линиям, по которым будет следовать армия для достижения одного из этих пунктов или в целях выполнения решительного маневра, временно отклоняясь от главной операционной линии. Наконец, термин «*коммуникационные линии*» подойдет для обозначения проез-

жих путей, связывающих различные части армии, размещенные на пространстве операционной зоны*.

Для лучшего пояснения этих мыслей приведем еще один пример. В 1813 г., после того как Австрия согласилась на большую коалицию против Наполеона, три союзные армии должны были вторгнуться: одна — в Саксонию, другая — в Баварию, а третья — в Италию. Таким образом, Саксония — или, вернее сказать, страна, находящаяся между Дрезденом, Магдебургом и Бреславлем, — образовала *операционную зону* главной массы сил. В этой операционной зоне имелись всего три *операционные линии,* ведущие к объекту действий — к Лейпцигу. Первая операционная линия, а именно — Богемской армии, пролегала от Рудных гор через Дрезден и Хемниц к Лейпцигу. Вторая операционная линия — Силезской армии — вела от Бреславля через Дрезден или Виттенберг на Лейпциг. Наконец, третья операционная линия — шведского принца — выходя из Берлина, шла через Дессау к тому же объекту. Каждая из армий следовала по двум или трем параллельным и близко друг от друга проходящим дорогам. Однако, нельзя было бы сказать, что каждая армия имела три операционные линии.

Этого примера достаточно, надеюсь, для того, чтобы показать, что название «операционная линия» нельзя давать каждой дороге, которая окажется на театре войны. Нет, это наименование нужно давать известной части театра, охватываемой предположениями полководца, куда он направит все свои средства. Главной операционной линией будет тогда та, по которой будут следовать главные его силы, где он организует свои этапы, эшелонирует парки-склады снарядов, патронов и продовольствия и по которой в случае необходимости будет пролегать его линия отступления.

Установив эти различия, нам остается лишь сказать о научных понятиях, относящихся к этим материальным линиям, так как расчеты, которыми следует руководствоваться при выборе, устройстве и особенно при направлении этих линий, может быть, являются главнейшей частью плана войны.

Желая одним словом выразить различие между материальными линиями и связанными с ними разного рода комбинациями военного искусства, я называл раньше последние «*линиями-маневрами*», а первые — «*территориальными линиями*». Это было, по моему мнению, хорошим средством охватить

---

* Это определение, несколько отличающееся от данного мною сначала, как кажется, удовлетворяет всем требованиям. Я еще буду иметь возможность развить это определение как в настоящей, так и в последующих статьях.

одним техническим термином разного рода стратегические идеи, которые могут возникать в представлении полководца для наиболее искусного выбора им своих линий,— такого выбора, который вполне соответствовал бы принципам и мог бы привести к большим результатам. В самом деле, так как возникающие в представлении идеи могут считаться соответствующими отдельным, различающимся между собою маневрам, то название их «линиями-маневрами» являлось вполне рациональным. Однако, многие военные, вместо того чтобы попытаться вникнуть в смысл этого образного выражения, сочли более простым возразить мне той тривиальной, всем известной истиной, что линия не может быть маневром. Поэтому я отказался от этого условного названия, чтобы впредь применять его лишь к временным стратегическим линиям, намечаемым иногда для небольших маневров.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ И НАПРАВЛЕНИИ ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЙ

Если выбор операционной зоны представляет весьма ограниченное число комбинаций (ибо на каждом театре военных действий никогда не существует более двух или трех зон, причем их преимущества чаще всего зависят от условий местности), то совсем иначе обстоит дело с операционными линиями. Операционные линии делятся на несколько категорий, в зависимости от их отношения к различным позициям противника, к более или менее многочисленным путям сообщения на стратегической шахматной доске и к маневру, задуманному главнокомандующим. В соответствии с упомянутыми отношениями операционные линии получают свое наименование.

Мы будем называть *простыми операционными линиями* такие линии, которые бывают у армии, действующей на одном и том же направлении границы государства, без выделения из своего состава независимых крупных частей.

Под *двойными операционными линиями* я понимаю те, которые образуются у двух не зависящих друг от друга армий, действующих на одной и той же границе, или те, по которым следуют две почти равные по силе массы, подчиняющиеся одному начальнику, но действующие отдельно на большом расстоянии и продолжительное время *.

---

* Это определение подверглось критике, а так как и в самом деле оно может вызвать неверное понимание, я должен его пояснить.

Прежде всего не надо забывать, что здесь дело идет о «линиях-маневрах», т. е. о комбинациях, а не о больших путях и дорогах.

Внутренние операционные линии[24] — это такие линии, которые образуются одной или двумя армиями для противодействия нескольким неприятельским армиям (группам), но образуются так и получают такое направление, что можно сблизить различные части армий и увязать их движения раньше, чем противник сможет противопоставить им более крупную массу *.

Внешние операционные линии дают обратный результат. Это линии, которые образует армия в одно и то же время на двух оконечностях (флангах) одной или нескольких неприятельских масс.

Концентрические (или сходящиеся) операционные линии—линии, выходящие из различных удаленных друг от друга пунктов и затем сходящиеся в одной точке впереди или позади своего базиса.

Под *расходящимися линиями* понимают линии, действуя по которым единая вначале масса, выходя из одной точки, разделяется затем, чтобы перейти в различные точки.

Глубокие линии — это те, которые, исходя из базиса, пролегают по местности на большом пространстве.

Затем надо иметь в виду, что армия, идущая по двум или трем дорогам так, что может сосредоточиться в течение 48 часов, вовсе не действует по трем операционным линиям-маневрам.

Когда Моро и Журдан вошли в Германию двумя не зависимыми друг от друга массами по 70 000 человек, они как раз образовали двойную операционную линию. Но французская армия, у которой только один отряд шел с Нижнего Рейна к Майну, тогда как пять или шесть других корпусов маршировали с Верхнего Рейна к Ульму, не образовала двойной операционной линии в том смысле, какой я придаю этому термину для обозначения маневра. Точно так же и Наполеон, сосредоточив 7 корпусов для похода через Бамберг на Геру, — в то время как Мортье с одним только корпусом маршировал на Кассель для занятия Гессена и флангового обеспечения главной операции, — образовал лишь одну, общую со вспомогательным отрядом операционную линию.

Территориальная линия охватывала два района, но операции двойной не было.

* Некоторые немецкие писатели говорили, что я смешиваю центральные позиции (Zentralstellungen) с операционными линиями. Но они ошибаются. Армия может иметь центральную позицию в присутствии двух неприятельских групп и все же не иметь внутренних операционных линий, так как это вещи весьма различные. Другие говорили, что я с таким же успехом мог называть операционными радиусами то, что у меня названо двойной операционной линией. Правильность этого возражения — только кажущаяся, в особенности если учесть, что при этом театр военных действий представляется в виде круга. Однако, так как всякий радиус есть линия, то я думаю, что все это только спор о словах.

Я буду применять термин *вспомогательные линии* для обозначения взаимоотношения двух армий, когда они действуют на расстоянии и в условиях, при которых они могут оказать взаимную поддержку. Так, например, Самбро-Маасская армия в 1796 г. была вспомогательной линией Рейнской армии. В 1812 г. армия Багратиона была вспомогательной для армии Барклая.

Случайные линии — это такие, которые возникают вынужденно вследствие событий, меняющих первоначальный план кампании и дающих операциям другое направление. Эти последние операционные линии редки и имеют очень большое значение. Их правильное использование по плечу лишь широкому и деятельному гению.

Наконец, этот перечень можно дополнить еще *временными операционными линиями и окончательными линиями.* Первые обозначают линии, по которым армия следует для выполнения первого решающего предприятия, с намерением выбрать после первого успеха более важную или более прямую, непосредственную линию. Но они, повидимому, столько же относятся к разряду случайных стратегических линий, сколько и к разряду операционных линий.

Приведенные выше определения показывают, насколько мои идеи отличаются от идей предшествовавших мне авторов. В самом деле, эти линии до сих пор рассматривались исключительно лишь в материальном отношении. Ллойд и Бюлов придавали им значение только с точки зрения отношения к магазинам и складам армий. Последний даже предполагал, что *когда армия стоит в лагерях близ своих магазинов, то нет больше операционных линий.* Будет достаточно следующего примера, чтобы разбить этот парадокс. Предположим, что две армии расположены лагерем, одна — на Верхнем Рейне, а другая — впереди Дюссельдорфа или в любом другом пункте на этой границе. Предположим далее, что их склады находятся непосредственно за рекой, что, бесспорно, явится наиболее надежной и выгодной позицией, какую только можно пожелать. Эти армии будут иметь или наступательную, или оборонительную задачу, а потому они, несомненно, будут иметь также операционные линии, которые обусловлены различными проектируемыми операциями.

1. Их территориальная оборонительная линия, исходя из пункта, где они находятся, пройдет до второй линии, которую они должны защищать. Следовательно, если бы противник попытался закрепиться в разделяющем их пространстве, обе линии были бы перерезаны. Имей Мелас в Александрии боевых

припасов хотя бы на целый год, он все же был бы отрезан от своего базиса на реке Минчио, как только победоносный противник занял бы линию реки По *.

2. Их линия была бы двойной по отношению к простой линии, если бы противник сосредоточил свои силы для последовательного подавления этих армий. Она была бы двойной внешней линией против двойной внутренней линии, если бы противник тоже образовал два корпуса, две массы, но на таком направлении, на котором он мог бы быстрее сосредоточить массу своих сил.

Бюлов с гораздо большей справедливостью мог бы сказать, что армия, действующая в своей стране, зависит от своей первоначальной операционной линии в меньшей степени, чем если бы она сражалась на неприятельской земле. Это верно потому, что на своей земле она во всех направлениях находит часть тех преимуществ и опорных пунктов, которые необходимы для установления операционной линии. Она может и потерять эти преимущества и опорные пункты, не подвергаясь в то же время столь большой опасности, как при действиях на неприятельской территории. Но это вовсе не значит, что у нее нет никакой операционной линии.

Отсюда видно, что Бюлов исходил из совершенно ложных оснований. Это же с необходимостью должно было отозваться на приведенных в его труде правилах, часто ошибочных. Мы попытаемся установить по этому предмету некоторые правила, кажущиеся нам вполне согласными с общими принципами войны, а чтобы подтвердить их рядом вполне убедительных доказательств, мы воспроизведем здесь уже ранее изложенный анализ операционных линий, по которым действовали в последних войнах XVIII столетия, ограничившись при этом, однако, лишь войнами французской революции.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЯХ ВО ВРЕМЯ ВОЙН ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале этой ужасной борьбы, имевшей столько разнообразных изменений в надеждах на успех, только Пруссия и Австрия были известными Франции врагами, Италию же театр войны захватывал лишь постольку, поскольку находившиеся

---

* Считали, что это может оспариваться. Я этого не думаю: Мелас, лишенный подкреплений, зажатый между Бормидой, Танаро и рекой По и с трудом получавший эмиссаров или курьеров, непременно должен был бы или пробиться, или капитулировать, если бы не получил помощи.

там армии лишь наблюдали друг за другом, ввиду того что эта страна была слишком отдалена от цели. Развитие театра военных действий, включив в него пространство между Гюнингеном и Дюнкирхеном, разделило его на три главные зоны: правую, охватывавшую линию Рейна от Гюнингена до Ландау и оттуда до реки Мозеля; среднюю, находившуюся между Мозелем и Маасом; наконец, левую, включавшую пограничное пространство от Живе до Дюнкирхена.

Когда Франция в апреле 1792 г. объявила войну, то ее намерением было предупредить соединение неприятельских сил. Франция имела тогда армию в 100 000 человек, расположенную во всех трех только что указанных зонах, австрийцы же имели в Бельгии не больше 35 000 человек. Поэтому невозможно понять причину, которая удержала Францию от завоевания этой провинции, где ничто ей не могло оказать сопротивления. Прошло четыре месяца между объявлением войны и сбором союзных сил. Разве не правдоподобно, что вторжение в Бельгию помешало бы вторжению в Шампань, ибо тогда прусский король лучше оценил бы силы Франции и не пожертвовал бы своей армией для второстепенных целей, а именно для навязывания Франции формы правления. И если это вторжение в Шампань не имело тех последствий, которых ожидал весь мир, то от чего же зависело, что оно не изменило лица Европы?

Когда пруссаки прибыли в конце июля к Кобленцу, то, конечно, французы не могли уже вести войну вторжения, и эта роль выпала на долю коалиционных армий. Известно, каким образом они это сделали.

Французские силы, расположенные на той части границ, о которой мы говорили, увеличились тогда, примерно, до 115 000 человек. Они были растянуты на фронте в 140 лье (около 560 *км*) и, будучи подразделены на 5 армейских корпусов, не могли успешно оборонять границу. Ведь достаточно было бы для срыва их действий направиться против их центра и помешать их соединению. С этим чисто военным соображением согласовались и все государственные соображения. Коалиционные державы задавались чисто политической целью. Ее нельзя было достичь иначе, как только посредством смелых и быстрых операций. Территориальная линия между реками Мозелем и Маасом, являвшаяся средней, была менее укреплена, чем остальная часть этой границы, и предоставляла, кроме того, союзникам превосходную крепость Люксембург в качестве базиса. Следовательно, она была выбрана искусно. Но, как мы увидим, исполнение не соответствовало замыслу.

Австрийский двор имел наибольшие интересы в этой войне как по своим семейным отношениям, так и по той опасности, которой подвергались его владения в случае неудачи. По мало понятным расчетам главная задача, тем не менее, была возложена на пруссаков. Австрийский дом поддерживал вторжение только 30 батальонами. 45 000 человек были расположены для наблюдения в Бризгау, на Рейне и во Фландрии. Где же, следовательно, были скрыты те крупные силы, которые Австрия впоследствии развернула? Какое более полезное назначение могло найти им австрийское правительство, как не обеспечение флангов армии вторжения? Эта удивительная система, которая, между прочим, очень дорого обошлась самой Австрии, не объясняет ли и решения пруссаков, принятого несколько позже, — вовсе уйти со сцены, которую они, к несчастью для себя, оставили в тот самый момент, когда им следовало на нее выйти.

Если я и позволил себе увлечься этим замечанием о несколько странных, с точки зрения военного искусства, действиях, то это произошло единственно потому, что оно тесно связано с существованием корпуса, который должен был прикрывать не Бризгау, но фланг прусской армии, располагаясь фронтом к Мозелю и удерживая Люкнера в лагере Меца. Однако, необходимо согласиться с тем, что прусская армия в своих операциях не развила всей необходимой активности для обеспечения успеха. Она восемь дней бесполезно провела в своем лагере при Консе. Если бы эта армия предупредила Дюмурье при Илетах или же более серьезно попыталась бы вытеснить его оттуда, то она имела бы все преимущества сосредоточения массы против нескольких отдельных корпусов и могла бы последовательно разбить их и препятствовать их соединению. Я думаю, что Фридрих в подобном случае подтвердил бы слова Дюмурье (Дюмурье сказал Гран-прэ, что если бы он имел дело с королем, то был бы им оттеснен далеко за Шалон).

В этой кампании австрийцы доказали, что они еще строго придерживались ложной системы Дауна и Ласси — прикрывать все, чтобы все сохранить. Идея держать 20 000 человек в Бризтау в то время, когда Мозель и Саар были совсем оголены, показывает, что они боялись потерять какую-то деревню и для этого по своей системе выделили большие отдельные отряды, разрушившие силу армий. Забыв, что победа всегда на стороне более многочисленных батальонов, они считали, что для занятия и охранения границ нужно распылагать войска по всему их протяжению, тогда как именно это и давало средство неприятелю пройти границу во всех ее точках.

Я не буду больше распространяться здесь по поводу этой кампании. Я замечу только, что Дюмурье без достаточного основания прекратил преследование союзной армии, чтобы перенести театр войны от центра на крайний левый фланг общего театра. Впрочем, он не сумел поставить великую цель этому маневру: он атаковал с фронта армию герцога Сакс-Тешенского у Монса, тогда как, спустившись с главными силами по Маасу к Намюру, он мог бы оттеснить неприятельскую армию к Северному морю, к Ньюпорту или Остенде и потом совершенно уничтожить ее в сражении, гораздо более удачном, чем сражение при Жемаппе.

Кампания 1793 г. может также дать другой пример дурного влияния неверного направления операций. Австрийцы одержали победы и вернули Бельгию, потому что Дюмурье неудачно растянул фронт своих операций до ворот Роттердама. До этого времени можно только восхвалять действия союзников. Желание вернуть себе богатые провинции оправдывает эту операцию, которая умело была направлена против крайнего правого фланга широкого фронта Дюмурье. Но когда они оттеснили французскую армию под стены Валансьена, когда эта армия была дезорганизована, подверглась всем последствиям безначалия и не была в состоянии сопротивляться, почему австрийская армия в течение шести месяцев простояла перед несколькими крепостями и дала Комитету общественного спасения время для организации новых армий? Если припомнить плачевное положение Франции и расстройство остатков армии генерала Данпьера, то разве можно понять действия союзников против крепостей Фландрии?

Война вторжения особенно выгодна, когда вся судьба государства зависит от столицы. Если государством управляет сильный монарх, а также и в обычных войнах самым важным местом империи является главная квартира. Но в государствах, находящихся под властью слабого монарха, и в государствах республиканских, а еще более во время войн за убеждения обычно столица является центром государственной мощи *.

Если бы эту истину можно было поставить под сомнение, то приведенный нами пример подтвердил бы ее. Париж до

---

* Захват Парижа союзниками решил участь Наполеона, но это обстоятельство не опровергает моего утверждения. Наполеон без армии имел против себя всю Европу и даже французский народ, так как его цели и цели французского народа были различны; однако, если бы у него было на 50 000 старых солдат больше, то тогда его столицей в действительности была бы его главная квартира.

такой степени представлял собою Францию, что две трети населения восстали против правительства, угнетавшего Париж. Если бы после поражения французской армии при Фамаре оставили голландские и ганноверские войска для наблюдения за остатками этой армии, а англичане и большая австрийская армия направили бы свои операции на Маас, Саар и Мозель вместе с прусской армией и частью армии, бесполезно стоявшей на Верхнем Рейне, то наверняка могла бы действовать масса в 120 000 человек, имея на своих флангах два корпуса для прикрытия своей линии вторжения. Я даже думаю, что, не изменяя направления войны и не подвергая себя большому риску, можно было бы возложить на голландские и ганноверские войска задачу наблюдения за крепостями Мобеж и Валансьен, чтобы преследовать главными силами армии остатки армии Дюнкерка. *Но после нескольких побед 200 000 человек были заняты осадами, не завоевав ни одного вершка земли.* В тот момент, когда они угрожали Франции вторжением, сами они разделились на 15 или 16 корпусов и заняли оборонительные позиции для прикрытия своей границы! Когда же Валансьен и Майнц были захвачены, то, вместо того чтобы броситься всеми силами на лагерь при Камбрэ, они эксцентрически, по расходящимся линиям, направились в Дюнкирхену с одной стороны и к Ландау — с другой.

Не менее удивительно и то, что в начале кампании наибольшие усилия были направлены по правой стороне общей шахматной доски, а потом они были перенесены на крайнюю левую. В то время, когда союзные войска действовали во Фландрии, значительные силы, находившиеся на Рейне, вовсе не помогали им, а когда эти силы начали, в свою очередь, действовать наступательно, то союзники были бездеятельны, оставаясь на Самбре. Эти ошибочные комбинации разве не похожи на комбинации Субиза и Брольи в 1761 г. и на все прочие операции французов в Семилетней войне против Фридриха?

В 1794 г. роли совершенно переменились. Французская армия перешла из тяжелого оборонительного положения в блестящее наступление. Комбинации этой кампании, несомненно, были разработаны и установлены искусно; но их достоинство все же было преувеличено, когда их изображали как новую систему ведения войны. Чтобы подтвердить справедливость этого моего утверждения, бросим взгляд на относительное положение армий в этой кампании и в кампании 1757 г. Мы увидим, что план обеих этих кампаний почти один и тот же и что направление операций абсолютно одинаково. Фран-

цузы были подразделены на 4 корпуса, которые, объединившись, образовали 2 большие армии. Точно так же и прусский король имел 4 дивизии, которые при выходе из гор тоже образовали 2 армии. Обе французские армии приняли в 1794 г. сходящееся (концентрическое) направление на Брюссель, так же как Фридрих и фельдмаршал Шверин направили свои силы в 1757 г. на Прагу. Единственное различие между планами этих двух кампаний состоит в том, что австрийские войска, менее рассредоточенные в 1794 г., имели во Фландрии не менее растянутую позицию, чем была растянута позиция Броуна в Богемии в 1757 г. Но эта разница, конечно, не в пользу плана 1794 г. В этой кампании против французской армии было ее расположение по отношению к Северному морю, что препятствовало обойти правый фланг австрийцев. Генерал Пишегрю, желая обойти австрийский правый фланг, вынужден был проходить между берегом этого моря и главными силами неприятеля, что представляло опаснейшее, наиболее ошибочное направление, какое только можно придать крупным операциям. Это движение совершенно похоже на то, которое было выполнено генералом Бенигсеном на Нижней Висле. Оно тоже в 1807 г. подвергало русскую армию большой опасности. Участь прусской армии, отброшенной к Балтийскому морю, после того как ее коммуникации были отрезаны, является еще одним доказательством этой истины.

Если бы принц Кобургский действовал так, как это делают в наши дни, то он заставил бы раскаяться генерала Пишегрю, который предпринял этот смелый маневр за месяц до того, как Журдан был в состоянии ему содействовать. Большая австрийская армия, предназначенная для наступления, находилась в центре перед крепостью Ландреси. Она состояла из 106 батальонов и 150 эскадронов. На правом ее фланге находился корпус Клерфайта, прикрывавшего Фландрию, а на левом — корпус принца Кауница для прикрытия Шарлеруа. Выигрыш сражения под Ландреси открыл ворота этой крепости. В бумагах генерала Шапюи нашли план наступления на Фландрию, а потому послали к Клерфайту *12 батальонов*. Спустя долгое время, когда узнали об успехах французских войск, на помощь ему послали еще корпус генерала Йорка. Но что же в это время делали перед Ландреси остатки армии австрийцев, которые, будучи ослаблены отправкой сил, замедлили свое вторжение? Не потерял ли принц Кобургский всех преимуществ своего центрального положения, дав возможность французской армии последовательно один за другим разбить большие

отряды и утвердиться в Бельгии? Наконец, армия двинулась, послав часть своих войск принцу Кауницу в Шарлеруа и оставив одну дивизию в Като. Если бы главная австрийская армия в самом начале, вместо того чтобы раздроблять свои силы, направилась к Тюркуэну, то она могла бы там сосредоточить 100 батальонов и 140 эскадронов. Что было бы тогда со знаменитым наступлением генерала Пишегрю, отрезанного от своих границ и зажатого между Северным морем и двумя неприятельскими крепостями?

План вторжения французской армии не только страдал существенными дефектами, свойственными всем внешним операционным линиям, но и выполнялся плохо. Наступление на Куртрэ состоялось 26 апреля, а Журдан прибыл в Шарлеруа только спустя месяц, а именно 3 июня. Какой прекрасный случай представлялся австрийцам для использования своего центрального расположения! Я думаю, что если бы прусская армия маневрировала своим правым флангом, а австрийская армия — левым, т. е. если бы обе армии действовали на Маасе, то дела приняли бы совершенно другой оборот. В самом деле, главные силы союзников, расположившись против центра рассредоточенной французской армии, наверняка воспрепятствовали бы соединению ее различных частей. Может быть, в регулярном сражении и опасно атаковать центр армии, расположенной по непрерывной линии, так как эта армия может воспользоваться одновременным действием своих крыльев и всех резервов, но совсем другое дело атаковать линию, растянутую на 130 лье (около 520 *км*).

В 1795 г. Пруссия и Испания уклонились от вхождения в коалицию. Театр войны на Рейне сократился, и Италия открыла для французских армий новое поле славы. Операционные линии французов были в этой кампании еще двойные: хотели одновременно действовать через Дюссельдорф и Мангейм; генерал Клерфайт, более благоразумный, чем его предшественники, поочередно переносил свои главные силы на упомянутые выше пункты и одержал победы столь решительные при Маннгейме и на укрепленных позициях при Майнце, что принудил армию Самбры и Мааса перейти на левый берег Рейна, чтобы прикрывать Мозель, а генерала Пишегрю заставил вернуться к Ландау.

В 1796 г. операционные линии на Рейне были направлены так же, как в 1757 г. в Богемии и в 1794 г. во Фландрии. Но, как и в предыдущем году, последствия были весьма различны. Рейнская армия и армия Самбры и Мааса выступили с двух оконечностей базиса, чтобы концентрически напра-

виться к Дунаю. Как и в 1794 г., они образовали две внешние операционные линии. Эрцгерцог Карл, более искусный, чем принц Кобургский, воспользовался внутренними операционными линиями, чтобы сосредоточиться прежде и ближе, чем французские армии. Потом он воспользовался моментом, когда корпус Латура был прикрыт Дунаем, чтобы несколькими переходами опередить Моро и всеми силами напасть на правый фланг Журдана, которого он и разбил. Сражение при Вюрцбурге решило судьбу Германии и заставило отступить армию Моро, растянутую на огромном фронте.

В это время Бонапарт начинает свою необычайную карьеру в Италии. Его решение состоит в том, чтобы изолировать пьемонтскую армию от австрийской. Сражением при Миллезимо он добивается этого и заставляет эти армии действовать по внешним стратегическим линиям, а затем разбивает их последовательно при Мондови и Лоди. В Тироле сосредоточивается громадная армия для спасения Мантуи, которую он осадил. Но эта армия допускает ошибку, наступая двумя *отдельными частями, разделенными озером.* Действия же французского генерала быстрее молнии. Он снимает осаду и, отказываясь от всего остального, с большей частью своих сил бросается на первую неприятельскую колонну, которая дебуширует у Брешии, разбивает там эту колонну и отбрасывает ее в горы. Потом он разбивает вторую колонну, пришедшую в то же место, и заставляет ее отступить в Тироль, чтобы установить сообщение со своим правым флангом. Вурмзер, для которого эти уроки пропали даром, хочет прикрыть обе линии при Ровередо и Виченце. Бонапарт, разбив первый корпус и оттеснив его на Лавис, меняет направление вправо, выходит из теснин речки Бренты на левую линию действий противника и заставляет остатки этой прекрасной армии спасаться в Мантую, где, наконец, заставляет ее капитулировать.

В 1799 г. враждебные действия возобновляются. Французы, наказанные за свои неудачно выбранные две внешние операционные линии в 1796 г., тем не менее избирают в этой кампании три линии на Рейне и Дунае. Левая армия наблюдает Нижний Рейн, средняя двигается к Дунаю; Швейцария, фланкирующая Италию и Швабию, занята третьей армией, столь же сильной, как и обе первые. *Эти три армии могли соединиться только в долине реки Инна, в 80 лье (около 320 км) от своего операционного базиса!* У эрцгерцога Карла равные силы, но он сосредоточивает их против центра неприятельских сил и разбивает их при Штокахе, а армия в Швейцарии вынуждена оставить Гризон и Восточную Швейцарию,

Союзники, в свою очередь, допускают ту же ошибку, что и их противники. Вместо того чтобы продолжать завоевание этой центральной полосы, которая им впоследствии так дорого стоила, они организуют двойную операционную линию — на Швейцарию и на Нижний Рейн. Их Швейцарскую армию разбивают при Цюрихе, тогда как в это время Рейнская армия развлекается в Мангейме.

В Италии французы организуют двойную операцию на Неаполь, где 32 000 человек бесполезно проводят время, тогда как на реке Эч, где они должны были бы нанести самые сильные удары, слишком слабая армия терпит тяжелые неудачи. Когда эта Неаполитанская армия возвращается на север, она совершает еще одну ошибку, а именно: действует в стратегическом направлении, противоположном направлению действий Моро. Суворов ловко использует центральное положение, которое ему создают, идет на первую из этих армий и бьет ее в нескольких лье от другой.

В 1800 г. все меняется. Из Египта возвращается Наполеон, и эта кампания представляет собою новую комбинацию операционных линий: 150 000 человек проходят по обеим сторонам Швейцарии, выходят с одной стороны на Дунай, а с другой — на реку По. Это искусное движение обеспечивает завоевание огромных территорий. До тех пор новейшая история не знала ни одной подобной комбинации. Французские армии образуют две внутренние операционные линии, свободно друг друга поддерживающие. Австрийцы же, напротив, вынуждены избрать внешнее направление, которое приводит их к невозможности поддерживать друг с другом сообщения. Искусной комбинацией своего марша резервная армия отрезает противника от его операционной линии, сама же она сохраняет все сообщения со своими границами и с Рейнской армией, которая образует ее вспомогательную линию.

Анализ этих достопамятных событий, краткий общий очерк которых мы только что дали, достаточен для того, чтобы убедиться, насколько в военных операциях важен выбор линий-маневров. В самом деле, правильный выбор операционных линий может восстановить положение после потери сражения, лишить противника плодов его вторжения, расширить выгоды победы и обеспечить завоевание территории.

Сравнивая комбинации самых знаменитых кампаний и результаты их, мы видим также, что все операционные линии, приведшие к успеху, тесно связаны с основным принципом, который мы неоднократно приводили, так как *простые линии и внутренние линии преследуют цель посредством стратегических дви-*

жений ввести в бой в наиболее важном пункте большее количество дивизий, а следовательно, более сильную массу, чем у противника. Точно так же можно убедиться и в том, что все операционные линии, приведшие к неудаче, нарушают эти принципы, так как большое число линий приводит к необходимости противопоставлять слабые и изолированные части массе, которая должна раздавить их.

ПРАВИЛА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЙ

Я думаю, что из всех разобранных мною событий, а еще более из тех, которые имели место вскоре за первым опубликованием этой главы в 1805 г., можно вывести нижеследующие правила.

1. Если военное искусство состоит в том, чтобы вводить в бой возможно большие силы на решающем пункте театра операций, то выбор операционной линии как главное средство к достижению этой цели может считаться фундаментальным основанием хорошего плана кампании *. Наполеон доказал это тем направлением, которое он сумел придать своим массам в 1805 г. на Донауверт и в 1806 г. на Геру; это искусное маневрирование заслуживает самого тщательного и глубокого обдумывания каждым военным.

2. Направление, которое надлежит дать операционной линии, зависит не только от географической обстановки на театре военных действий, о чем мы будем говорить дальше, но и от расположения неприятельских сил на этой стратегической шахматной доске. Тем не менее, операционную линию иначе нельзя и направить, как только против центра или против одного из флангов неприятеля. И только в случае бесконечного превосходства сил возможно было бы в одно и то же время действовать и против фронта и против флангов. При всяком же другом предположении это было бы капитальной ошибкой **.

---

* Я думаю, здесь надо еще раз повторить, что я никогда не допускал возможности заблаговременно составлять план всей кампании. Под этим словом можно только разуметь первоначальное предположение, указывающее объект действий, общую систему действий и первую операцию. Все остальное, естественно, зависит от результата этой первой операции и от новых возможностей, которые ею будут созданы.

** Превосходство сил одной армии над другой не выражается одним только подсчетом точного числа солдат; таланты полководца, моральное состояние войск и присущие им достоинства также входят в итоговый подсчет. Превосходство всегда будет относительным, хотя численные соотношения и входят в него важным фактором.

В общем можно установить принцип, что лучшим направлением *линии-маневра* будет направление против центра расположения войск противника, если последний, совершая ошибку, разделяет, разбрасывает свои силы на слишком растянутом фронте; при всяком другом предположении, если имеется свобода выбора, линия должна направляться на один из флангов неприятеля, а оттуда на тылы оборонительной линии или операционного фронта противника.

Выгодность этого направления состоит не только в том, что при атаке фланга приходится сражаться лишь с частью неприятельской армии. Еще большая выгода состоит в том, что оборонительный фронт противника оказывается под угрозой захвата с тыла. Так, в 1800 г. Рейнская армия, достигнув оконечности левого фланга оборонительной линии Шварцвальда, заставила эту оборонительную линию пасть почти без боя и дала два сражения на правом берегу Дуная. Хотя сами по себе эти сражения были далеко не решительными, но результатом их, вследствие удачного направления операционной линии, явилось вторжение в Швабию и Баварию. Последствия марша, который привел резервную армию через Сен-Бернар и Милан на крайний правый фланг, а затем и в тыл Меласа, были еще более блестящими. Они настолько известны, что нет необходимости здесь еще раз их описывать.

Этот маневр, совершенно схожий с изображенным нами на приложенной карте, находится, правда, в резком противоречии с некоторыми излишне нетерпимыми системами, требующими базисов, параллельных базисам неприятеля, и двойных операционных линий, образующих прямой угол, вершина которого должна приходиться против центра стратегического фронта противника. Но мы уже достаточно говорили об этих системах для доказательства предпочтительности наших правил. Впрочем, если бы дело шло о действиях против неприятельского центра, то нет никаких возражений и против применения бюловской системы прямых углов, лишь бы при этом не обращали внимания на преувеличенные требования, которыми ее обременили комментаторы Бюлова, и лишь бы двойные линии, которые он считает обязательными, были, как мы увидим дальше, внутренними.

3. Тем не менее, не следует думать, что достаточно выиграть один из флангов операционного фронта неприятеля, чтобы получить возможность безнаказанно броситься на его тылы, так как бывают случаи, когда, действуя таким образом, можно и самому оказаться отрезанным от своих сообщений. Во избежание этой опасности важно дать такое географиче-

ское и стратегическое направление своей операционной линии, чтобы армия сохранила позади себя обеспеченную линию отступления или же, в случае необходимости, имела бы в своем распоряжении таковую с другой стороны операционного фронта, куда и могла бы броситься, чтобы отойти на свой базис посредством перемены операционных линий.

Выбор такого направления настолько важен, что он уже сам по себе характеризует одно из величайших достоинств главнокомандующего, и я позволю себе привести два примера, чтобы быть лучше понятым.

Например, если бы Наполеон в 1800 г., перевалив через Сен-Бернар, двинулся прямо через Турин на Асти или Александрию и принял сражение при Маренго, предварительно не обеспечив за собой Ломбардии и левого берега реки По, то он был бы еще полнее отрезан от своей линии отступления, чем Мелас; тогда как, обладая хотя бы второстепенными пунктами Каза и Павия со стороны Сен-Бернара и Савоной и Тендэ со стороны Апеннин, он, в случае неудачи, имел бы полную возможность отойти на Вар или Вале.

Точно так же, если бы в кампанию 1806 г. он прошел от Геры прямо на Лейпциг и ждал здесь прусскую армию, возвращавшуюся из Веймара, он оказался бы отрезанным от своего базиса на Рейне в той же мере, как и герцог Брауншвейгский был бы отрезан от своего базиса на Эльбе; повернув же свою армию от Геры на запад, в направлении на Веймар, он развернул свой операционный фронт впереди трех дорог на Заальфельд, Шлейц и Гоф, которые служили ему линиями сообщений и которые он, таким образом, прекрасно прикрывал. Предположим, что пруссаки вздумали бы перерезать эти пути отступления, бросившись между Герой и Байретом; в таком случае они открыли бы ему наиболее естественный путь, а именно — прекрасное шоссе Лейпциг — Франкфурт, не говоря уже о десятке дорог, ведущих из Саксонии через Кассель на Кобленц, Кельн и даже Везель. Сказанного достаточно, чтобы выяснить важность данного рода комбинаций. Вернемся к приводимым нами правилам.

4. Чтобы умело маневрировать, надо избегать образования на одной и той же границе двух независимых друг от друга армий. Подобная система может пригодиться только в случае крупных коалиций или при наличии огромных сил, которым нельзя было бы действовать в одной операционной зоне, не создавая нагромождения, скорее опасного, чем полезного. Однако, даже и в этом случае, всегда лучше подчинить

обе эти армии одному командующему, штаб которого находился бы при главной армии.

5. Как следствие изложенного принципа обычно бывает так, что при равных силах простая операционная линия на одной и той же границе будет иметь преимущество над двойной операционной линией.

6. Может, однако, случиться, что двойная линия станет необходимой, во-первых, вследствие особенностей театра военных действий, а во-вторых, и вследствие того, что противник сам будет действовать по такой линии, причем придется противопоставить известную часть армии каждой из тех больших масс, которые он сгруппирует.

7. В этом случае внутренние или центральные линии будут предпочтительнее двух внешних линий, так как армия, действующая по внутренней линии, будет иметь возможность привлечь каждую свою часть к проведению общего плана и так как таким образом она сможет предупредить противника в сосредоточении своих главных сил для успешного решения задач кампании *.

Армия, операционные линии которой предоставляют подобные выгоды, была бы даже в состоянии умело задуманным стратегическим движением последовательно одолевать части противника, которые поочередно подставляли бы себя под ее удары. Для обеспечения успеха этого движения надо было бы оставить обсервационный корпус против той части неприятельской армии, которую стремятся только сковать: этому корпусу следовало бы предписать отнюдь не ввязываться в серьезный бой, а ограничиваться сдерживанием неприятельского продвижения, пользуясь неровностями местности и отходя на главную армию.

8. Двойная линия может оказаться пригодной также тогда, когда имеется настолько очевидное превосходство, что можно маневрировать по двум направлениям без риска подвергнуть отдельному поражению одну из обеих частей. При таком предположении было бы ошибкой нагромоздить все свои силы в одном пункте и тем самым свести на-нет преимущества перевеса сил, лишая часть их возможности действовать. Тем не менее, решаясь действовать по двойной линии, всегда будет разумно соответственно усилить ту часть армии, которая, по

---

* Когда части армии отстоят от главных сил лишь на несколько переходов, в особенности если они не предназначены действовать отдельно в течение всей кампании, тогда мы имеем дело с центральными стратегическими позициями, а не с операционными линиями.

условиям театра действий и по относительному положению обеих сторон, будет призвана играть главную роль.

9. Основные события последних войн доказывают справедливость еще двух правил.

Первое правило: две массы, действующие по внутренним операционным линиям, поддерживающие друг друга, находясь на некотором расстоянии одна от другой, в борьбе с двумя численно превосходящими массами, не должны позволить неприятелю стеснить их на слишком узком пространстве, где их ожидает разгром, как это случилось с Наполеоном в знаменитой битве под Лейпцигом.

Второе правило: внутренние линии не должны впадать в противоположную крайность, растягиваясь на слишком большое расстояние, что связано с риском дать противнику время одержать решительные успехи над оставленными для наблюдения второстепенными корпусами. Это, впрочем, допустимо, если главная цель, которая преследуется, имеет настолько решающее значение, что от нее зависит вся судьба войны; в таком случае можно с безразличием смотреть на то, что будет происходить на второстепенных пунктах.

10. По той же причине две сходящиеся операционные линии предпочтительнее двух расходящихся. Первые линии больше соответствуют принципам стратегии и, помимо того, обладают еще тем преимуществом, что прикрывают собой линии сообщений и подвоза, но, чтобы устранить всякую опасность, надо их задумать таким образом, чтобы обе следующие по ним армии не могли порознь встретиться с соединенными силами противника прежде, чем они сами получат возможность соединиться.

11. Расходящиеся линии все же могут иногда применяться, например, после выигранного сражения или после стратегической операции, посредством которой удалось разделить силы противника, прорвав его центр. Тогда вполне естественно направить свои массы эксцентрически, чтобы завершить рассеяние сил побежденного. Но, хотя и действуя по расходящимся линиям, эти массы будут находиться, тем не менее, на внутренних линиях, т. е. ближе друг к другу, и могут легче соединиться, чем силы противника.

12. Иногда бывает, что армия оказывается вынужденной изменить свою операционную линию в середине кампании, т. е. обратиться к тому, что мы называем случайными операционными линиями. Это один из самых деликатных и важных маршманевров, который может дать великие результаты, но может также окончиться и великим бедствием, если он не будет за-

думан и выполнен с искусством, так как к нему приходится прибегать лишь в том случае, когда надо вывести армию из затруднительного положения.

Наполеон много раз проектировал такие операции, так как во время рискованных вторжений у него было обыкновение иметь наготове подобный проект на случай непредвиденных событий. Ко времени Аустерлицкого сражения он решил, в случае неудачи, направить свою операционную линию на Пассау или на Регенсбург через Богемию, что открывало ему новую, богатую средствами страну, тогда как старая операционная линия на Вену проходила по разоренной местности, а эрцгерцог Карл мог бы легко предупредить его на ней.

В 1814 г. он приступил к выполнению более смелого маневра, которому, правда, благоприятствовали местные условия. Маневр заключался в базировании на пояс эльзасских и лотарингских крепостей, оставляя открытой для союзников дорогу на Париж. Несомненно, что, если бы Мортье и Мармону удалось с ним соединиться и если бы у него было войск на 50 000 человек больше, этот замысел мог бы повести к самым решительным последствиям и закрепить его блестящую военную карьеру.

13. Как мы уже сказали выше (правило 2), очертание границ и географические свойства данного театра военных действий также могут оказать большое влияние даже на направление операционных линий, а равно и на выгоды, которые можно из них извлечь. Всего выгоднее центральные позиции, образующие угол, вдающийся в сторону противника, как Богемия и Швейцария, так как они, естественно, приводят к действиям по внутренним линиям и облегчают возможность атаковать противника с тыла. Стороны же этого вдающегося угла имеют такое важное значение, что надо мобилизовать все средства инженерного искусства, чтобы в соединении с природными препятствиями сделать эти границы неприступными.

Если нет таких центральных позиций, то их можно заменить относительным направлением линий-маневров, как это поясняет схема 3 (стр. 145).

Армия CD, маневрирующая против правого фланга армии AB, и HI, направляющаяся против левого фланга FG, образуют две внутренние линии CK и IK против крайних пунктов каждой из внешних линий AB и FG, которые они смогут разгромить одну за другой, направляя поочередно на них главную массу своих сил. Эта комбинация показывает результаты операционных линий 1796, 1800 и 1809 гг.

14. Общее очертание базисов также может иметь большое влияние на направление, которое следует придавать операционным линиям. Направление операционных линий, естественно, должно подчиняться относительному положению базисов обеих сторон, в чем легко убедиться, припомнив все сказанное нами выше об операционных базисах. В самом деле, простое рассмотрение схем 1 и 2 (стр. 101, 103) показывает, что наибольшая выгода, проистекающая из очертания границ и базисов, достижима при продолжении базисов перпендикулярно к базису противника, т. е. параллельно его операционной линии; а это дает легкую возможность перехватить эту операцион-

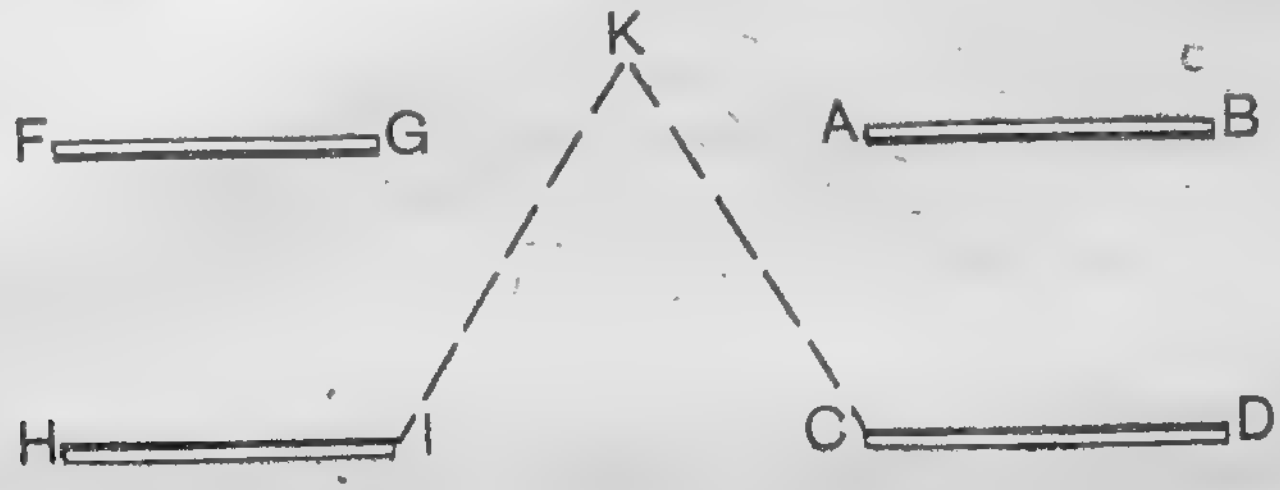


Схема 3

ную линию в том пункте, который ведет к базису, и тем самым отрезать от него неприятельскую армию.

Но если бы, вместо того чтобы направить свои операции на этот решающий пункт, мы выбрали неверное направление операционной линии, то все преимущества перпендикулярного базиса свелись бы к нулю. Очевидно, что если бы армия *E*, обладающая двойным базисом *AC и CD*, двинулась левым флангом к точке *F*, вместо того чтобы продолжить свой фланг к *GH*, то она потеряла бы все стратегические преимущества своего базиса *CD*.

Следовательно, как мы видим, великое искусство хорошо направлять свои операционные линии состоит в таком комбинировании отношений этих линий к базисам и к движениям армии, чтобы иметь возможность захватывать неприятельские сообщения без риска потери своих. Это важнейшая и в то же время труднейшая для решения стратегическая проблема.

15. Помимо разобранных случаев, существует еще один, оказывающий очевидное влияние на направление операционных линий. Это тот случай, когда главная операция кампании состоит в переправе через большую реку в присутствии многочисленной неприятельской армии. Вполне понятно, что в этом случае выбор операционной линии зависит не только от воли главно-

командующего или от выгоды, которую он мог бы найти в атаке известной части неприятельской оборонительной линии, так как в данной обстановке главное — узнать, где более безопасно произвести переправу и где можно найти необходимые для переправы материальные средства.

В 1795 г. Журдан переправился через Рейн в районе Дюсельдорфа по той же причине, которая в 1831 г. заставила Паскевича переправиться через Вислу у Осецка, а именно потому, что армия, не имея при себе достаточного числа понтонов, должна была потребовать с нижнего течения реки большие торговые баржи, которые французская армия купила в Голландии, а русская — в Торне и Данциге. В обоих случаях нейтральная прусская территория позволила доставить баржи вверх по реке, чему противник помешать не мог. Однако, это преимущество, дававшее, казалось, неисчислимые выгоды, вовлекло французов в 1795 и 1796 гг. во вторжение по двум направлениям, которое как раз потому и не удалось, что получившаяся вследствие этого двойная операционная линия создала возможность поражения их по частям. Паскевич, лучше осведомленный и более сообразительный, переправил через верхнюю Вислу лишь простой вспомогательный отряд и притом уже после того, как главная армия достигла Ловича.

Если имеется достаточное количество понтонов, то уменьшается зависимость от превратностей переправы. Но и тогда следует избирать пункт, представляющий, вследствие местных условий и расположения неприятельских сил, наибольшие шансы. Спор Наполеона и Моро о переправе через Рейн в 1800 г. является одним из любопытнейших примеров различных комбинаций, которые представляет этот одновременно стратегический и тактический вопрос.

Место, избранное для переправы, влияет также и на направление первых переходов, после совершения переправы, ввиду неизбежной необходимости прикрывать мосты от противника, хотя бы до одержания победы. Однако, этот выбор при всех обстоятельствах может основываться на правильном применении принципов. Ведь в конечном итоге он всегда сводится к выбору, организовать ли главную переправу в центре или на одном из флангов.

Сосредоточенная армия, форсирующая переправу в одном из центральных пунктов, имея против себя несколько растянутый кордон, может в дальнейшем разделиться по двум расходящимся линиям, чтобы рассеять части неприятельского кордона; неприятель, не будучи, таким образом, в состоянии сосредоточиться, и не подумает тревожить мосты.

Если линия реки довольно коротка, давая неприятельской армии возможность оставаться более сосредоточенной, и если имеется возможность после переправы занять стратегический фронт перпендикулярно к реке, тогда, может быть, лучше всего переправиться на одном из флангов, чтобы все неприятельские силы отбросить от мостов.

16. Имеется еще одна комбинация операционных линий, которая не должна быть обойдена молчанием. Нужно не забывать существенного различия шансов операционной линии, проложенной в своей стране, и таковой же, но пролегающей по неприятельской территории. Характер этой неприятельской страны также повлияет на эти шансы. Пусть какая-то армия переходит через Альпы или через Рейн, чтобы перенести войну в Италию или в Германию. Сначала на пути армии лежат только второстепенные государства. Предположим даже, что их правительства находятся в союзе друг с другом; тем не менее, между реальными интересами этих маленьких государств, а также и интересами их народов, неизбежны противоречия, которые воспрепятствуют такому единству импульса и силы, какое встретилось бы в большом государстве. Наоборот, германская армия, перешедшая Альпы или Рейн, чтобы проникнуть во Францию, будет иметь гораздо более рискованную и открытую ударам операционную линию, чем французы при проникновении в Италию, так как немцы натолкнутся на всю массу французских сил, объединенную одним делом и волей *.

Обороняющаяся армия, операционная линия которой пролегает по собственной территории, может все использовать: и местное население, и власти, и производство, и крепости, и общественные и даже частные магазины, арсеналы — все ей благоприятствует; иначе обстоит дело на другой стороне, — по крайней мере обычно; не всегда удастся подобрать знамена, цвета которых можно противопоставить национальным, но даже и в этом случае против наступающего будут все преимущества, которые его противник найдет в элементах общественной народной силы.

Я сказал, что природа стран также влияет на шансы операционных линий. Действительно, помимо сказанного несомненно, что операционные линии, пролегающие по плодородным, богатым промышленным районам, дают наступающему значительно большие преимущества, чем линии, проходящие по более бедной и пустынной местности, в особенности, когда не

* Читатель понимает, что я говорю о нормальных шансах в войне между двумя государствами, сохраняющими внутреннее спокойствие. Шансы гражданской войны представляют исключение.

приходится бороться с населением в целом. В этих плодородных промышленных и населенных районах, действительно, найдутся тысячи необходимых каждой армии вещей, тогда как в других районах будут встречаться только хижины да солома; только лошади найдут себе там подножный корм, остальные же продукты придется тащить за собой, вследствие чего бесконечно возрастут трудности войны; быстрые и смелые операции станут более редкими и более рискованными. Французские армии, так хорошо освоившиеся с прелестями Швабии и богатой Ломбардии, в 1806 г. чуть не погибли в пултусской грязи, а в 1812 г. и в самом деле погибли в болотистых лесах Литвы.

17. Существует еще одно правило относительно операционных линий, которому многие писатели придавали очень важное значение. Это правило кажется очень верным, когда оно сводится к геометрическим формулам, но на практике его можно зачислить в разряд утопий. По этому правилу надо все прилегающие к каждой операционной линии страны полностью очистить от противника на расстояние, равное глубине данной линии. В противном случае неприятель мог бы угрожать линии отступления. Эта мысль геометрически формулируется следующим образом: «Операция может быть безопасной лишь при условии, что противник будет оттеснен за пределы полуокружности, центром которой является наиболее центрально расположенный объект, а радиус равен длине операционной линии».

Затем, чтобы доказать эту несколько неясную аксиому, указывают, что вписанные углы, вершина которых лежит на окружности, а противоположную сторону коих образует диаметр, являются прямыми углами, и что, следовательно, это тот самый угол в 90°, которого требует Бюлов для операционных линий, — этот знаменитый стратегический caput-porci*, который-де является единственной разумной системой. Отсюда любезно заключают, что все те, которые не хотят вести войны тригонометрически, являются невеждами.

Это правило, защищаемое с таким жаром и весьма правдоподобное на бумаге, опровергается, однако, на каждом шагу военными событиями. В самом деле, характер страны, линии рек и гор, моральное состояние обеих армий, дух народов, способности и энергия вождей не измеряются ни углами, ни диаметрами, ни окружностями. Конечно, нельзя терпеть наличия на флангах линии отступления значительных корпусов, могущих серьезно беспокоить отступающего. Но придавать че-

---

* Caput-porci — латинское выражение «свиная голова», т. е. построение в виде клина. — *Ред.*

ре́чур бо́льшое зна́чение э́тому сто́ль хва́леному пра́вилу — э́то зна́чит лиши́ть себя́ вся́кой возмо́жности сде́лать хо́тя бы оди́н ша́г в неприя́тельскую страну́. Кро́ме того́, освободи́ться от э́того пра́вила те́м бо́лее есте́ственно, что как в после́дних война́х, так и в война́х при́нца Евге́ния Сава́йского и Ма́льборо́ нет ни о́дной кампа́нии, кото́рая не подтвержда́ла бы ничто́жности и по́лной несостоя́тельности э́тих мни́мых математи́ческих пра́вил. Разве́ в 1800 г. генера́л Моро́ не стоя́л у доро́т Ве́ны, когда́ Фу́ссен, Ша́рниц и весь Ти́роль находи́лись еще́ во вла́сти австри́йцев? Разве́ Наполео́н не находи́лся в Пиа́ченце, когда́ Ту́рин, Ге́нуя и перева́л Тендэ́ бы́ли заня́ты а́рмией Мела́са? Наконе́ц, я поста́влю вопро́с, каку́ю геометри́ческую фигу́ру образо́вывала а́рмия Евге́ния Сава́йского, когда́ она́ шла́ че́рез Страде́ллу и Асти́ на по́мощь Ту́рину, оста́вив францу́зов на Минчи́о, всего́ в не́скольких киломе́трах от своего́ ба́зиса?

Э́тих трех собы́тий доста́точно, по мо́ему мне́нию, что́бы, дока́зать, что ци́ркуль геоме́тров всегда́ потуска́неет не то́лько пе́ред таки́м ге́нием, как Наполео́н, но и пе́ред таки́ми вели́кими хара́ктерами, каки́е бы́ли у Суво́рова, Масе́ны и други́х.

Пусть не поду́мают, что э́тим я хочу́ обесце́нить заслу́ги иску́шенных в матема́тике офице́ров, кото́рые нау́чили нас вы́числять все́, вплоть до движе́ния не́бесных све́тил. Наоборо́т, я пита́ю к ни́м глубо́кое уваже́ние. Мой ли́чный о́пыт дае́т мне́, одна́ко, пра́во ду́мать, что е́сли их нау́ка и необходи́ма для постро́йки и ата́ки кре́постей и укре́пленных лаге́рей, а та́кже для съе́мки пла́нов и составле́ния ка́рт и е́сли, сверх того́, она́ дае́т реа́льные вы́годы при вся́ких подсче́тах практи́ческого приме́нения, то все́ же она́ ока́зывает ли́шь ве́сьма сла́бую по́мощь при все́х комбина́циях страте́гии и вы́сшей та́ктики, где гла́вную ро́ль игра́ют мора́льные побужде́ния, подкрепля́емые зако́нами ста́тики *. Да́же те́м из почте́нных ученико́в Э́вклида, кото́рые обнару́жили наибо́льшие спосо́бности к хо-

---

* Мне возразя́т, что страте́гия в осо́бенности испо́льзует при свои́х комбина́циях ли́нии. Э́то ве́рно, но что́бы зна́ть, ведет ли одна́ из таки́х ли́ний к удо́бному пу́нкту или к пропа́сти, что́бы вы́числить кратча́йшее расстоя́ние от ме́ста, где́ нахо́дятся, до пу́нкта, кото́рого жела́ют дости́гнуть, не ну́жно никако́й геоме́трии, так как по́чтовая ка́рта для э́той цели́ бу́дет да́же полезне́е ци́ркуля. Я зна́вал одного́ генера́ла, почти́ сопе́рника Лапла́са, кото́рому мне́ ни ра́зу не удало́сь растолкова́ть, почему́ така́я-то страте́гическая ли́ния предпочти́тельнее друго́й или почему́ страте́гическая ли́ния реки́ Мааса́ есть ключ к Ни́дерландам, в осо́бенности, е́сли э́ти провинции обороня́ются сухопу́тной а́рмией.

рошему командованию армией, чтобы выполнить свою задачу со славой и успехом, пришлось бы немного забыть свою тригонометрию. По крайней мере, так поступал Наполеон, наиболее блестящие операции которого, повидимому, скорее относятся к области поэзии, чем к области точных наук. Причина этого проста и состоит она в том, что война есть исполненная страстей драма, а отнюдь не математическое действие.

Да простят мне эти отступления! На меня напали с пустыми формулами, и естественно, что я защищаюсь; единственная милость, которой я прошу у своих критиков, состоит в том, чтобы они были столь же справедливы по отношению ко мне, как я по отношению к ним. Они хотят вести слишком методическую, слишком размеренную циркулем войну. Я же сделал бы ее живой, смелой, бурной, подчас, может быть, даже дерзкой... *Suum cuique* *.

Однако, я далек от мысли отрекаться от всех предосторожностей, которые могут вытекать из самого принципа этих слишком точно размеренных правил, так как ими никогда нельзя полностью пренебрегать.

Но подчинить себя геометрическим правилам ведения войны — это означало бы наложить оковы на гений самых великих полководцев и подчиниться игу утрированного педантизма. Я же, со своей стороны, всегда буду протестовать против подобных теорий, так же как и против апологии невежества.

ЗАМЕЧАНИЯ О ВНУТРЕННИХ ЛИНИЯХ И О НАПАДКАХ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ОНИ БЫЛИ

Я прошу извинения у моих читателей за то, что временно отвлеку их внимание, чтобы добавить здесь несколько слов относительно дискуссии, предметом которой была эта статья. Я колебался, думая, не отнести ли эти замечания в конец труда? Но так как они содержат полезные разъяснения к изложенным выше доктринам, то я счел возможным включить их здесь.

В своих упреках критики были очень мало согласны между собой. Одни из них оспаривали смысл отдельных слов и определений; другие порицали некоторые точки зрения, которые плохо поняли; наконец, последние воспользовались примерами некоторых важных событий, чтобы отвергнуть мои основные догмы, не считаясь с тем, являлись ли условия, в которых они рассматривают эти догмы, теми самыми, которые были их предпосылкой, и не задумываясь над тем, что, даже допус-

---

* Латинское выражение: «всякому свое».—*Ред.*

кая точность применения догм, все же указываемые ими случайные исключения не уничтожают правила, освященного опытом веков и основанного на принципах.

Некоторые из этих военных писателей, желая оспорить мои принципы относительно внутренних или центральных линий, противопоставили им знаменитый марш-маневр союзников на Лейпциг *, который привел к успеху по обратной системе. На первый взгляд, это знаменательное событие кажется созданным для того, чтобы поколебать веру в принципы. Но помимо того, что оно представляет один из исключительно редких случаев в истории всех времен, очевидно еще, что нельзя приходить к заключениям, противоречащим правилам, опирающимся на тысячи других примеров; однако, нам будет нетрудно и доказать, что из этих фактов не только нельзя вывести ни малейшего аргумента против приведенных нами догм, но, наоборот, они доказывают всю их основательность. Мои критики ведь забыли, что при наличии значительного превосходства я советовал более сильной армии прибегать к двойным операционным линиям, как к более выгодным, в особенности если эти линии являются концентрическими и направлены таким образом, чтобы можно было произвести общий напор на противника в момент решительного удара. Ведь в марше армий Шварценберга, Блюхера, принца Шведского и Беннигсена мы как раз и встречаем случай численного превосходства, который должен служить в пользу принятой системы. Что же касается слабейшей стороны, то ее действия были бы согласованы с приведенными принципами в том случае, если бы она направила свои силы против одного из флангов, а не против центра противников. Таким образом, события, выдвигаемые против меня, вдвойне говорят в пользу моих правил!

Впрочем, если центральное положение Наполеона между Дрезденом и рекой Одером и стало для него роковым, то это

---

* Прошло уже тридцать три года, как эти правила были предложены мною впервые, а события, только что имевшие место в Наварре, свидетельствуют, насколько они верны и насколько остаются часто неизвестными те простые принципы, на которых они основываются. Войска Дон-Карлоса, угрожаемые тремя большими корпусами, разделенными значительными расстояниями, одержали полную победу благодаря хорошо использованному центральному их положению. Невежды кричат об измене, когда причина гибели Эванса — исключительно неизменные принципы. Если бы генералы, менявшиеся в течение последних десяти лет в Испании, когда-либо задумались о приложении принципов, то такая катастрофа не могла бы наступить. Но чтение и размышление — это слишком «вульгарные занятия» для людей, которые при каждом случае провозглашают себя непобедимыми.

следует приписать поражениям при Кульме, Кацбахе и Денневице, одним словом — ошибкам выполнения, не имеющим ничего общего с сущностью системы. *Мое предложение заключается в том, чтобы большею частью своих сил действовать наступательно против самого важного пункта, обороняясь на второстепенных пунктах, заняв сильные позиции или прикрываясь рекой, пока не будет нанесен решительный удар и операция не закончится полным поражением одной из существенных частей армии противника. Тогда создается возможность направить свои усилия на какой-либо другой из угрожаемых пунктов.* Если же вспомогательные армии подвергаются опасности решительного поражения, пока главные силы отсутствуют, то система плохо понята, а это именно и имело место в 1813 г.

В самом деле, если бы Наполеон после победы под Дрезденом преследовал армию монархов в Богемию, то он не только не был бы разгромлен при Кульме, но предстал бы грозно перед Прагой и, может быть, расторг бы коалицию. Он совершил ошибку, не препятствуя серьезно отступлению союзников. К этой ошибке прибавилась еще другая, не менее тяжелая, а именно: вступление в решительные сражения в тех пунктах, где Наполеон не присутствовал лично с главной массой своих сил. Правда, при Кацбахе его инструкции не были выполнены, а в них он предписывал выжидать Блюхера и атаковать его, когда его рискованные движения создадут для этого удобный случай; Макдональд же, наоборот, бросился навстречу союзникам, переправляясь отдельными частями через потоки, которые с часу на час все более и более вздувались от дождей.

Предположив же, что Макдональд выполнил то, что ему было предписано, а Наполеон использовал свою победу под Дрезденом, пришлось бы согласиться с тем, что его план действий, основанный на внутренних стратегических линиях и позициях и на операционной линии в виде двойных концентрических радиусов, увенчался бы самым блестящим успехом. Стоит только просмотреть его итальянские кампании 1796 г. и кампанию во Франции 1814 г., чтобы судить о том, каких результатов он умел достигать, применяя эту систему.

Чтобы показать, что было бы неправильно судить о центральных линиях по участи операций Наполеона в Саксонии, надо к этим разным соображениям добавить еще одно не менее важное обстоятельство: его операционный фронт был охвачен справа и даже обойден с тыла вследствие географического положения границ Богемии. Случай, редко имеющий

место! А центральная позиция, страдающая такими недостатками, не может же сравниваться с той, которая иметь их не будет! Когда Наполеон применял эту систему в Италии, в Польше, в Пруссии и во Франции, он не был так открыт ударам неприятельской армии, расположенной на его фланге и в тылу. Правда, в 1807 г. Австрия могла бы угрожать ему издали, но она была с ним в мирных отношениях и притом разоружена.

Чтобы правильно судить о какой-либо системе операций, необходима предпосылка, что шансы обеих сторон одинаковы, чего в 1813 г. не было ни в отношении географического положения, ни в соотношении между силами сторон. Но независимо от этой истины, доказывающей легкомыслие моих Аристархов, не нелепо ли, в самом деле, ссылаться на неудачи при Кацбахе и Денневице, понесенные сподвижниками Наполеона, как на доказательство, способное подорвать принцип, простое применение которого требовало от них уклонения от серьезных боев, а не стремления к решительному сражению? И действительно, что могла дать система центральных линий, если части армии, ослабленные вследствие сосредоточения ее усилий в других пунктах, допустили ошибку и сами бросались навстречу гибельной борьбе, вместо того чтобы удовольствоваться ролью наблюдательного корпуса? *

Тогда правильно применял бы принцип противник, а не тот, который действует по внутренним линиям! К тому же последовавшая за Лейпцигом кампания вскоре подтвердила правильность оспариваемых положений. Оборона Наполеона в Шампани, от сражения у Бриена до сражения под Парижем, до очевидности ясно доказала все то, что я только смог сказать в пользу центральных масс.

Во всяком случае, опыт этих двух знаменитых кампаний породил стратегическую проблему, которую было бы очень трудно разрешить простыми утверждениями, основанными на теориях. Ведь весь вопрос заключается в том, чтобы выяснить, утрачивает ли система центральных масс свои преимущества, когда массы, которыми предстоит оперировать, слишком значительны. Будучи убежден вместе с Монтескье, что величайшие предприятия гибнут вследствие грандиозности самой подготовки, ведущейся для обеспечения их успеха, я весьма склонен ответить на поставленный вопрос утвердительно.

---

* Я отлично знаю, что не всегда можно уклониться от боя, не подвергая себя еще большему риску, чем простая неудача. Также и Макдональд мог бы принять бой с Блюхером, если бы он лучше понял инструкции Наполеона, а не делал бы все наоборот.

Мне кажется бесспорным, что масса в 100 000 человек, занимающая центральное положение против трех отдельных армий в 30 000—35 000 человек каждая, может более уверенно разбить их последовательно одну за другой, чем масса в 400 000 бойцов против трех армий по 135 000 человек каждая.

1. С армией в 130 000—140 000 бойцов можно легко сопротивляться более значительным силам, принимая во внимание трудность найти местность и время, необходимые для введения в день сражения в дело столь больших сил.

2. Если даже эта армия будет отброшена с поля сражения, то в ней все же останется еще, по крайней мере, 100 000 человек, чтобы обеспечить упорядоченное отступление и избежать слишком большого разгрома в ожидании соединения с одной из двух других вспомогательных армий.

3. Центральная масса в 400 000 человек требует такого количества продовольствия, боевых припасов, лошадей и всевозможных материальных средств, что она будет гораздо менее подвижна и с большим трудом будет переносить свои действия из одной части операционной зоны в другую, не говоря уже о невозможности извлекать продовольствие из района, естественно слишком ограниченного для прокорма подобных масс.

4. Наконец, очевидно, что те две группы, которые центральная масса должна противопоставить двум внешним линиям противника, с наказом ограничиваться их сдерживанием, будут представлять собою каждая армию в 80 000—90 000 человек (так как дело идет о сдерживании 135 000); поэтому, если бы обсервационные армии имели глупость ввязаться в серьезные бои, они могли бы потерпеть неудачи, последствия которых были бы настолько пагубны, что значительно превзошли бы выгоды, достигнутые главной армией.

Несмотря на все эти сомнения и все эти смягчающие обстоятельства, если бы мне когда-либо пришлось руководить армией, то я не поколебался бы занять ею внутреннее положение во всех случаях, которые я выдвинул как наиболее благоприятные; или же, при наличии любых других условий, я указал бы ей направление на одну из оконечностей неприятельского операционного фронта в соответствии с изложенными выше правилами, предоставив своим противникам удовольствие маневрировать по системе, обратной моей. Пока такой опыт не состоится в действительности, я позволю себе твердо оставаться при своих убеждениях, подтвержденных кампаниями Евгения Савойского, Мальборо, Фридриха Великого и Наполеона.

Так как я уже начал защищать принципы, которые кажутся мне бесспорными, то я воспользуюсь этим случаем для ответа на другие, еще менее обоснованные возражения, которые мне сделали хотя и известные, но часто увлекающиеся и несправедливые писатели.

Во-первых, замечания баварского полковника Кнландера, который в своем курсе стратегии часто неверно истолковывал принципы, служившие мне основанием. Этот писатель, обладающий, впрочем, большой эрудицией, сознался в одной брошюре или в одном из последних периодических журналов, что он несправедливо и колко осудил мое сочинение. Он даже сознался, что еще до опубликования моего ответа он пришел к заключению о своей неправоте, что, однако, не помешало ему повторить свои нападки во втором издании.

Это признание, полное простодушия, освобождает меня от необходимости возвращаться к тому, что уже было сказано по этому вопросу. Но так как его сочинение из числа тех, которые соблазняют своими ортодоксальными внешними формами положительных наук, то я должен в интересах военного искусства поддержать сказанное мною относительно сделанного мне упрека, будто бы я *с трудом воздвиг здание эксцентрической системы, чтобы в конце концов вернуться к противоположной системе.*

Я повторяю, этого противоречия, которое так легко мне приписывается и которое, по меньшей мере, было бы с моей стороны непоследовательностью, на самом деле вовсе не существует. Я не предлагал односторонне ни концентрической, ни эксцентрической систем. Все мое сочинение ведет к доказательству вечного значения принципов и к объяснению того, что для искусных и удачных операций необходимо применение этих основных принципов. Операции же как эксцентрические, или расходящиеся, так и концентрические могут быть или очень хорошими, или очень плохими; все зависит от обоюдного положения сил. Например, эксцентрические операции хороши, когда масса выходит из данного центра и действует в расходящихся направлениях, чтобы разделить и уничтожить по отдельности две части войск противника, которые образуют две внешние линии. Таков был маневр Фридриха, давший ему в конце кампании 1767 г. прекрасные победы при Росбахе и Лейтене. Таковы были почти все операции Наполеона, любимый маневр которого состоял в соединении хорошо рассчитанными переходами больших масс в центре, чтобы затем разделить их эксцентрически при преследовании неприятеля, — после того как он прорывал или обходил их стратегический

фронт. Этот маневр имел своей целью закончить расчленение побежденных *.

Напротив, концентрические операции хороши при двух предположениях: 1) когда они ведут к сосредоточению армии, разделенной на несколько частей, в одном пункте, где она может сосредоточиться до подхода противника; 2) когда они имеют одну общую для обеих армий цель действий, причем армии не были предупреждены и не были разгромлены по отдельности более сосредоточенным противником.

Но предположим, что этот вопрос имеет обратный смысл. Тогда и следствия будут совершенно противоположны. Тогда явится возможность убедиться, насколько непреложны принципы и как важно их не смешивать с системами. В самом деле, те же самые концентрические операции, столь выгодные в двух предположенных выше случаях, могут сделаться гибельными, когда их станут применять при совершенно другом взаимном положении сил. Например, если две массы вышли из двух отдаленных друг от друга пунктов, чтобы концентрически двигаться к противнику, силы которого находятся на внутренних линиях и ближе друг к другу, то в результате этого движения произошло бы соединение неприятельских сил, прежде чем соединились бы силы этих двух масс, что закончилось бы неизбежным поражением последних. Это самое и произошло с Моро и Журданом в 1796 г. при действиях против эрцгерцога Карла. Даже выходя из одного пункта или же из двух пунктов, но гораздо ближе друг к другу расположенных, чем Дюссельдорф и Страсбург, можно подвергнуться такому же риску. Какую участь испытали концентрические колонны Вурмзера и Квасдановича, стремившиеся передвинуться на Минчио по двум берегам Гардского озера? Разве забыта катастрофа, явившаяся в результате движения Наполеона и Груши на Брюссель? Оба они вышли из Сомбреф и хотели концентрически итти к этому городу, один через Катр-Бра, другой через Вавр; Блюхер и Веллингтон, действуя по внутренней стратегической линии, соединились раньше них, и ужасное поражение под Ватерлоо доказало всему миру, что нельзя безнаказанно преступать непреложные принципы войны.

---

* Ксиландер перестанет удивляться тому, что можно поочередно одобрять концентрические и расходящиеся движения, когда он поразмыслит о том, что в своих наилучших операциях, как, например, под Регенсбургом в 1809 г., Наполеон несколько раз попеременно применял обе эти системы в течение 24 часов.

Такие события лучше, чем все рассуждения в мире, доказывают, что всякая система операций хороша только тогда, когда она представляет собою приложение принципов. Я ни в коей мере не приписываю себе изобретения этих принципов, которые существовали всегда. Цезарь, Сципион и консул Нерон * применяли их так же, как Мальборо и Евгений Савойский, если еще не лучше. Но я считаю, что я был первым, доказавшим их существование и указавшим все главные выгоды их применения в сочинении, в котором практические правила вытекают из самых доказательств, и приложение этих правил ясно видно читателю, сведущему в военных вопросах. Я согласен, что догматическая форма лучше годилась бы для преподавателей и профессоров, но сомневаюсь, чтобы она была столь же ясна и поучительна для молодых офицеров, как историческая форма, принятая мною в «Трактате о больших военных операциях».

Некоторые из моих критиков дошли даже до того, что порицали меня за слова «операционные линии», которые я применяю по отношению к площадям, и утверждали, что настоящие операционные линии — реки. Это, — по меньшей мере, странное утверждение. Никто не подумает, что Дунай или Рейн являются операционными линиями, на которых армия может действовать. Эти реки, самое большее, могут быть линиями снабжения для облегчения подвоза, но отнюдь не для маневрирования армии, разве только главнокомандующий сумеет совершить чудо и заставит свою армию ходить по воде. Мой критик, может быть, скажет, что он говорит о долинах, а не о самих реках. Тогда я ему замечу, что реки и долины все же совершенно различные вещи и что долина есть тоже ведь площадь или поверхность, а никак не линия.

Таким образом, в физическом отношении, так же как и в дидактическом смысле, определение вдвойне неточно. Но, даже допуская его, все же следует, что река, поскольку она должна служить для армии операционной линией, должна была бы течь все время в том направлении, по которому движется эта армия, на самом же деле почти всегда бывает наоборот. По большей части реки скорее служат оборонительными рубежами и не могут рассматриваться как операционные линии. Рейн есть преграда как для Франции, так и для Германии.

---

* Превосходное стратегическое движение этого консула, нанесшего смертельный удар могуществу Ганнибала в Италии, может быть поставлено в сравнение с самыми блестящими достижениями новейших войн.

Нижний Дунай—преграда для Турции и России. Эбро—преграда для Испании. Рона—преграда для армии, которая идет из Италии для нападения на Францию. Эльба, Одер и Висла — преграды для армий, идущих с запада на восток или с востока на запад.

Что касается дорог, то и в этом отношении рассматриваемое утверждение не более справедливо, потому что нельзя сказать, что дороги, проходящие через Швабию, представляют собой сто операционных линий. Несомненно, что без дорог нет и операционных линий, но сама по себе дорога не может быть операционной линией.

В этой статье я высказался об операционных линиях слишком подробно, потому что я считаю их краеугольным камнем фундамента всех стратегических движений, а для военного искусства очень важно не позволить укореняться софизмам. Публика вынесет свой приговор по этим спорам. Что касается меня, то внутренне я сознаю, что стремился двинуть вперед науку и, не опасаясь обвинения в самомнении, льщу себя надеждой, что я способствовал развитию военной науки.

Статья XXII

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЛИНИЯХ

В ст. ст. XIX и XXI мы упомянули о стратегических маневренных линиях, которые существенно отличаются от операционных линий. Небесполезно будет дать им здесь определение, потому что многие военные часто смешивают одни с другими.

Стратегические линии бывают нескольких родов. Мы не станем заниматься здесь теми стратегическими линиями, которые имеют общее и постоянное значение, вследствие своего положения и связи с конфигурацией местности, каковы, например, линии рек Дуная и Мааса, цепи Альпийских и Балканских гор. Так как такие линии входят в число решающих пунктов театра войны или в число оборонительных линий, о которых мы уже говорили, и так как они проведены природой, то нам не остается сказать о них ничего другого, как только то, что исследовать такие линии значило бы подробно и глубоко изучить военную географию Европы. Вполне понятно, что географическое описание, вследствие своего огромного объема, не может вместиться в рамки этого очерка.

Эрцгерцог Карл дал превосходный образец подобного изучения в своем описании Южной Германии.

Но стратегическими линиями называют также все пути сообщения, которые кратчайшим или выгоднейшим образом ведут от одного важного объекта к другому, а также от стратегического фронта армии ко всем объектам действий, достижение которых может быть задачей армии.

В таком случае ясно, что весь театр войны изрезан подобными линиями. Однако, действительно важное значение, по меньшей мере на данный период, имеют лишь те линии, которые следует пройти для выполнения какой-либо задачи. Одного этого факта достаточно, чтобы понять ту громадную разницу, которая существует между главной операционной линией, избранной для всей кампании, и такими стратегическими линиями, случайными и меняющимися, как операции армии.

Наконец, независимо от материальных или территориальных стратегических линий существует, как мы уже сказали, еще один род комбинаций, касающийся расположения и выбора этих линий, чем определяются различные виды маневра. Мы назвали их *стратегическими маневренными линиями.*

Армия, имеющая главной стратегической шахматной доской — главным театром военных действий — Германию, выберет операционной зоной пространство между Альпами и Дунаем, или между Дунаем и Майном, или же, наконец, между горами Франконии и морем. В пределах выбранной зоны эта армия будет располагать одной простой или, самое большее, двумя сходящимися операционными линиями, установленными по внутренним центральным или внешним направлениям, тогда как при этом, по мере развития своих операций, она охватит последовательно, может быть, до двадцати стратегических линий: сначала она для каждого из своих крыльев будет иметь по одной стратегической линии, ведущей к главной операционной линии; затем, если действия происходят в зоне между Дунаем и Альпами, она может выбрать, смотря по ходу событий, или стратегическую линию, ведущую из Ульма на Донауверт и Регенсбург (Ратисбонн), или линию из Ульма на Нюренберг или на Майнц. Тот или другой выбор будет определяться ходом событий.

Следовательно, можно утверждать, не опасаясь получить порицание за смешение слов, что все определения, данные операционной линии в предыдущей статье, необходимым образом должны иметь силу и для стратегических линий. То же самое следует сказать и о правилах, вытекающих из этих определений. Эти линии должны быть *концентрическими* (сходящимися),

когда дело идет о подготовке решительного удара, а затем, после победы, — *эксцентрическими* (расходящимися). Стратегические линии редко будут простыми, потому что армия никогда не будет итти по одной дороге. Но когда они будут двойными, тройными, даже четверными, они тоже должны быть *внутренними*, если силы армий равны, или *внешними* для тех армий, которые будут иметь значительное численное превосходство. Правда, иногда можно не слишком строго применять это правило, выбрасывая отдельный корпус по внешнему направлению даже при равенстве сил, если таким образом рассчитывают добиться крупного результата, не подвергаясь большому риску. Но это входит в область применения отрядов, о чем мы будем говорить отдельно, и не применимо к главным массам (силам). Само собой разумеется также, что стратегические линии не могут быть внутренними в том случае, когда усилия будут обращены на одну из оконечностей операционного фронта противника.

Отсюда видно, что все правила, изложенные нами для операционных линий, являются теми единственными правилами, которые мы могли бы и здесь воспроизвести. Наши читатели не будут на нас в претензии, если мы их избавим от повторения этих правил. Они, очевидно, и сами сумеют их применить.

Однако, есть еще одно правило, на которое я считаю своим долгом здесь указать, а именно: при выборе кратковременных стратегических линий следует стремиться к тому, чтобы не оставлять свою операционную линию полностью открытой и подверженной ударам противника. Это терпимо лишь в том случае, когда надо уклониться от большой опасности или когда ищут крупных результатов. Но даже тогда необходимо, чтобы операция продолжалась недолго и чтобы на всякий случай были подготовлены средства для своего спасения с помощью одного из тех внезапных изменений операционной линии, на которые мы указали выше.

Применим эти различные комбинации к урокам истории, — это будет лучшим средством понять их, — причем возьмем в качестве первого примера ватерлооскую кампанию. Базисом прусской армии был Рейн, а ее операционная линия шла от Кельна до Кобленца на Люксембург и Намюр. У Веллингтона базисом был Антверпен, а операционной линией — короткая брюссельская дорога. Внезапное нападение Наполеона на Флерюс заставило Блюхера принять решение о сражении параллельно базису англичан, а не своему собственному, о котором он, повидимому, не беспокоился. Это было простительно, так как в случае нужды он всегда мог надеяться возвратиться к Везелю или,

по меньшей мере, к Нимегену, а в крайности мог найти убежище в Антверпене. Но если бы прусская армия допустила подобную ошибку, не имея мощных морских союзников, то она была бы уничтожена.

Блюхер, разбитый при Линьи, найдя вначале убежище в Жамблу (Gembloux), а потом в Вавре, мог выбрать только одну из трех стратегических линий: линию прямо на Маастрих, линию немного севернее — на Венло, или же ту, которая вела к английской армии в Мон Сен-Жан. Он смело избрал последнюю и победил благодаря использованию внутренних стратегических линий, которыми Наполеон пренебрег, может быть, в первый раз за всю свою жизнь. Согласятся, что принятая линия — из Жамблу через Вавр на Мон Сен-Жан — не была ни операционной линией прусской армии, ни боевой линией, но как раз стратегической маневренной линией; это была центральная или внутренняя линия, выбранная очень смело в том отношении, что при этом оставляли открытой естественную операционную линию, чтобы искать спасения на имеющем важное значение стыке двух вместе действующих армий, что по существу делало это решение соответствующим принципам войны.

Менее удачным примером могут служить действия Нея под Денневицем. Дебушируя из Виттенберга по направлению к Берлину, он растянулся вправо до левого крыла союзников. Но этим движением Ней поставил под удары более многочисленных и закаленных в войне войск противника свою первоначальную линию отступления. Правда, его назначением было соединиться с Наполеоном, который предполагал итти на соединение через Герцберг или Луккау. Но в таком случае маршал Ней должен был, по меньшей мере, с первого же перехода предпринять все тактические и логистические меры для обеспечения этой перемены стратегической линии и дать об этом знать своей армии. Он ничего этого не сделал или по забывчивости, или же из чувства отвращения даже к самой мысли об отступлении. Кровавые потери, понесенные им под Денневицем, были печальным результатом этой неосторожности.

Одной из операций Наполеона, лучше всего показывающей различные комбинации, касающиеся стратегических линий, является его операция 1796 г. с движением через горные проходы Бренты. Его главная операционная линия, начинаясь от Апеннинских гор, оканчивалась в Вероне. Когда он отбросил Вурмзера на Ровередо и, решив в целях преследования войти в Тироль, дошел по долине реки Эч до Трента и Лависа, он узнал, что Вурмзер через Бренту бросился к Фриулю с явной целью на-

нести ему удар с тыла. Ему нужно было выбрать одно из трёх решений: остаться в узкой долине Эча с риском быть разбитым, отступить через Верону навстречу Вурмзеру, или же, наконец, — что было величественно, но безумно смело, — броситься вслед за Вурмзером в эту долину Бренты, сжатую скалистыми горами, оба выхода которой могли быть заграждены австрийцами.

Наполеон был не из тех людей, которые колеблются между тремя подобными возможностями: он оставил Вобуа на Лависе для прикрытия Трента, а сам бросился с остальными силами на Бассано. Известны блистательные результаты этого смелого движения. Конечно, дорога из Трента на Бассано вовсе не была операционной линией армии, но стратегической линией маневра, еще более смелого, чем маневр Блюхера на Вавр. Однако, дело шло об операции длительностью всего в 3—4 дня. В конце этого краткого периода Наполеон должен был одержать победу или же потерпеть поражение в Бассано. В первом случае он открывал себе прямой путь сообщения с Зероной и со своей операционной линией. Во втором же случае он самыми быстрыми маршами достигал Трента, откуда, соединившись с Вобуа, он точно так же отступил бы на Верону или Пескьеру. Естественные местные препятствия, делавшие этот маневр очень смелым, в то же время благоприятствовали его проведению, так как, если бы Вурмзер и был победителем при Бассано, он никоим образом не мог бы потревожить Наполеона при отступлении на Трент, потому что не было ни одной дороги, по которой он мог бы предупредить Наполеона в этом направлении. Только один случай мог поставить Наполеона в несколько затруднительное положение, а именно — если бы Давидович, оставшийся на Лависе, прогнал Вобуа из Трента. Но этот австрийский генерал, только что перед тем разбитый при Ровередо, не зная в течение нескольких дней, что делает французская армия, и полагая, что вся она целиком находится против него, вряд ли даже подумал бы вновь перейти в наступление до того момента, пока Наполеон, в случае поражения при Бассано, не успел бы вернуться. Если бы Давидович, тесня Вобуа, и дошел даже до Ровередо, то он был бы в этой теснине реки Эч сжат двумя французскими массами, которые подвергли бы его участи Вандама при Кульме.

Я пространно рассказал об этом событии для того, чтобы показать, как расчет времени и расстояний в соединении с большой активностью может увенчать успехом предприятия, кажущиеся совершенно неосторожными. Из этого я делаю тот вывод, что иногда можно придавать армии на некоторое ко-

роткое время направление, открывающее ее операционную линию, но при этом надо предпринимать все меры предосторожности, чтобы не дать противнику воспользоваться этим обстоятельством. Для этого надо использовать быстроту выполнения, а также постараться обмануть противника демонстрацией, оставляя его в неизвестности о всем происходящем. Впрочем, это один из самых смелых маневров, и к нему следует прибегать только в крайних случаях.

Нам кажется, что мы настолько ясно показали и разъяснили различные комбинации, предоставляемые этими стратегическими маневренными линиями, что каждый из наших читателей может теперь оценить их различные виды и те правила, которыми следует руководиться при их выборе.

Статья XXIII

О СПОСОБЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЙ С ПОМОЩЬЮ ВРЕМЕННЫХ БАЗИСОВ ИЛИ ЖЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ

При наступательном проникновении в какую-либо страну можно и даже должно организовывать *временные базисы*, которые, не будучи ни столь сильны, ни столь надежны, как базисы на собственных границах, тем не менее, могут рассматриваться как кратковременные базисы. Линия реки с предмостными укреплениями, с одним или двумя большими городами, обеспеченными от внезапного нападения, с прикрытыми большими складами для армии и для сбора резервных войск может быть превосходным базисом подобного рода.

Само собою разумеется, однако, что подобная линия не может служить временным базисом, если неприятельские силы находятся вблизи операционной линии, ведущей от этого предполагаемого базиса к действительному базису в пределах собственных границ. Так, Наполеон располагал бы отличным действительным базисом на реке Эльбе в 1813 г., если бы Австрия оставалась нейтральной. Но, поскольку эта держава объявила ему войну, постольку линия Эльбы оказалась обойденной и могла быть только очень хорошим опорным пунктом для содействия кратковременным предприятиям. Но было бы опасно использовать эту линию продолжительное время, если бы на ней войска подверглись значительному удару и поражению.

Так как каждая армия, разбитая в неприятельской стране, всегда может подвергнуться опасности быть отрезанной от своих границ соответствующим маневром противника, если она будет упорствовать в удержании страны, то нужно признать, что такие временные отдаленные базисы также будут скорее кратковременными опорными пунктами, чем действительными базисами, и что они в некотором роде входят в категорию случайных оборонительных линий.

Как бы то ни было, нельзя обольщаться надеждой всегда найти в захваченной стране посты, обеспеченные от внезапного нападения и могущие служить удобными опорными пунктами для создания даже временного базиса. В этом случае можно заменить временный базис стратегическим резервом, этим совершенно особым изобретением новейшей системы. Выгоды и неудобства стратегических резервов заслуживают отдельного рассмотрения.

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВАХ

Резервы играют крупную роль в современных войнах. В прежние времена едва ли даже имели о них понятие. В настоящее же время, начиная с правительства, которое подготовляет народные резервы, и кончая командиром стрелкового взвода, каждый стремится иметь свой резерв.

Помимо народных резервов, о которых мы уже говорили в главе о военной политике и которые призываются только в крайних, не терпящих отлагательства случаях, мудрое правительство заботится о накоплении хороших резервов для пополнения действующих армий. Потом распределение этих резервов зависит уже от генерала в пределах его командования. Государства, так же как и армия, будут иметь свои резервы; каждый корпус, дивизия или даже отряд также будут стараться обеспечить себе резерв.

Резервы армии бывают двух родов: первые — это те, которые находятся на боевой линии и готовы к бою; вторые — те, которые предназначены для пополнения армии и которые, продолжая совершенствовать свою организацию, могут занимать важный пункт на театре войны и одновременно быть стратегическими резервами. Несомненно, что много было предпринято войн, в которых и не думали о подобных резервах, причем многие из этих войн закончились успешно. К тому же образование резервов зависит не только от количества средств, которыми располагают, но также от свойств границ и от расстояний, которые отделяют операционный фронт или объект действий от базиса.

Тем не менее, как только решено произвести вторжение в страну, то весьма естественно, что думают и о возможности вынужденного перехода к обороне. Таким образом, образование промежуточного резерва между базисом и операционным фронтом даст ту же выгоду, что и резерв действующей армии в день сражения, так как он может быть брошен на важные пункты, которым угрожает противник, не ослабляя при этом действующей армии. Правда, образование подобного резерва потребует некоторого числа полков, которые должны быть взяты из состава действующей армии, однако, нельзя не согласиться, что всякая мало-мальски значительная армия всегда может ожидать поддержки из своей страны, должна обучать рекрутов, подготовлять мобилизованную милицию, использовать полковые депо и выздоравливающих. Организуя же систему центральных депо для изготовления снарядов и снаряжения, следует присоединять к ним все отряды, идущие к армии и возвращающиеся из нее, добавляя к ним лишь несколько батальонов хороших войск, чтобы придать им больше устойчивости и таким образом сформировать резерв, который может принести большую пользу.

Наполеон во всех своих войнах всегда организовывал такой резерв. Даже в 1797 г., в своем до дерзости смелом походе к Норическим Альпам, он имел сначала в резерве корпус Жубера на реке Эч, а потом корпус Виктора, возвращавшийся из римских провинций в окрестности Вероны. В 1805 г. подобную роль попеременно играли корпуса Нея и Ожеро в Тироле и в Баварии, а потом Мортье и Мармона — около Вены.

Наполеон, предпринимая войну 1806 г., организовал подобные резервы на Рейне. Мортье использовал их для покорения Гессенского герцогства. В то же время вспомогательные резервы организовались под командованием Келлермана в Майнце, откуда по мере их формирования они шли для занятия страны между Рейном и Эльбой, в то время как Мортье был вызван в Померанию. Когда Наполеон в конце того же года решил двинуться на Вислу, то он, с большой опаской этого решения, приказал собрать Эльбскую армию. Сила этой армии должна была дойти до 60 000 человек, ее цель состояла в прикрытии Гамбурга против англичан и в оказании давления на Австрию, намерения которой были столь же очевидны, как и ее интересы.

Пруссаки образовали подобный же резерв в Галле в 1806 г., но он был плохо расположен. Если бы его организовали на Эльбе в Виттенберге или в Дессау и если бы он выполнил там свой долг, то, может быть, он и спас бы армию, дав время

принцу Гогенлоэ и Блюхеру дойти до Берлина или, по крайней мере, до Штеттина.

Эти резервы будут особенно полезны в странах с двойным операционным фронтом. Тогда они могут выполнять двойное назначение: прикрывать второй фронт, а в случае необходимости и содействовать операциям главной армии, если бы неприятель стал угрожать ее флангам или если бы какая-либо неудача заставила ее сблизиться с резервами. Едва ли нужно добавлять, что, тем не менее, следует избегать опасного дробления сил на отряды. И каждый раз, когда можно обойтись без этих резервов, нужно принимать на себя связанный с этим риск или, по крайней мере, использовать для этой цели только депо [25]. Позидимому, они полезны только при отдаленных вторжениях или внутри своей собственной страны, если ей угрожает вторжение, так как, если ведут войну на расстоянии только пяти или шести переходов от своей границы, с целью овладения соседней провинцией, то резервы были бы совершенно излишним разделением сил. В своей собственной стране часто можно будет обойтись без них. Только в тех случаях, когда государству угрожает серьезное вторжение и когда потребуются новые поголовные наборы, подобный резерв, поставленный в укрепленный лагерь под прикрытием крепости, служащей опорой для большого депо, будет даже необходим. Надо предоставить таланту генералов решать вопрос о своевременности образования подобных резервов, сообразуясь с состоянием страны, с глубиной операционной линии, со свойствами укрепленных пунктов, которыми владеют там, и, наконец, с близостью той или иной неприятельской провинции. Они же решат вопрос о месте расположения резервов и о средствах использования отрядов с меньшим ослаблением действующей армии, что было бы неизбежно, если бы резерв был образован из отборных дивизий.

Излишне доказывать, что эти резервы должны занимать наиболее важные стратегические пункты, находящиеся между действительным базисом в своих границах и операционным фронтом или между объектом действий и этим самым базисом. Они должны охранять крепости, если ими уже овладели. Они должны наблюдать за теми, которые еще не взяты, а если нет никакого укрепленного пункта, который мог бы служить опорным пунктом для этих резервов, то они могут заняться постройкой нескольких укрепленных лагерей или предмостных укреплений для прикрытия главных армейских складов и для удвоения силы сопротивления своей собственной позиции.

В конце концов все, что сказано нами в ст. XX об оборонительных линиях и осях операций, может быть применено к временным базисам, равно как и к стратегическим резервам, которые будут вдвойне выгодны, если они будут иметь подобные опоры, хорошо расположенные.

Статья XXIV

О ПРЕЖНЕЙ ПОЗИЦИОННОЙ И О СОВРЕМЕННОЙ МАНЕВРЕННОЙ СИСТЕМАХ ВОЙНЫ

Под позиционной системой подразумевается старый способ ведения методичной войны посредством армий, бивакирующих в палатках, довольствующихся из своих магазинов и хлебопекарен, выслеживающих друг друга и имеющих целью: одна — осадить ту или иную крепость, другая — прикрыть ее от осады; одна—захватить какую-нибудь небольшую провинцию, другая—сопротивляться ее намерениям, занимая так называемые неприступные позиции; такова система, обычно практиковавшаяся от средних веков до французской революции.

В течение этой революции произошли большие изменения. Но сначала появились различные системы, из которых не все были, однако, шагом вперед в военном искусстве. Войну 1792 г. начали так, как закончили воевать в 1762 г.: французские армии расположились лагерем под своими крепостями, а союзники расположились лагерем с целью осадить эти крепости. Лишь в 1793 г., когда республика увидела, что она атакована и на внешнем и на внутреннем фронтах, она бросила против своих врагов миллионы людей и 14 армий. В силу необходимости пришлось прибегнуть к другим методам. Эти армии, не имея ни палаток, ни жалованья, ни магазинов, передвигались, бивакировали или размещались по квартирам. Их подвижность возросла и стала одним из факторов успеха. Тактика революционных армий также изменилась. Их командиры вели своих солдат в колоннах, потому что так легче было ими управлять, чем в развернутых линиях, а также вследствие пересеченной местности Фландрии и Вогез, где им приходилось сражаться. Часть сил командиры рассыпали в стрелковые цепи, чтобы прикрыть свои колонны.

Эта система, рожденная, таким образом, самими обстоятельствами, сначала превзошла своими успехами всякие ожидания; она поставила втупик привыкшие к методичности войска Пруссии и Австрии, а также их начальников. В числе прочих Макк,

которому приписывали успехи принца Кобургского, еще более увеличил свою тогдашнюю известность, напечатав инструкции, требовавшие растяжки линейного порядка, чтобы противопоставить этим стрелкам очень тонкий боевой порядок! Бедняга не заметил того, что стрелки лишь производили шум, позиции же брали приступом колонны.

Первые генералы республики были только храбрыми воинами и ничем больше. Главное руководство было в руках Карно и Комитета общественного спасения. Иногда оно было хорошим, но часто и очень слабым. Тем не менее, надо признать, что одно из лучших стратегических движений этой войны было внушено Карно: это—маневр конца 1793 г., когда отборный резерв поочередно приходил на помощь Дюнкирхену, Мобежу и Ландау; таким образом, этой небольшой массе, которую перевозили на подводах и которой помогали войска, уже находившиеся на местах, удалось достигнуть очищения французской территории.

Кампания 1794 г. началась, как уже сказано, неудачно. Стратегический маневр Мозельской армии на Самбру был следствием обстоятельств, а не заранее обдуманного плана; впрочем, этот маневр решил победу при Флерюсе и завоевание Бельгии.

В 1795 г. французы допустили столь крупные ошибки, что их приписали измене; австрийцы, которыми лучше командовали Клерфайт, Шателер и Шмидт, чем Мак и принц Кобургский, наоборот, показали, что они хорошо понимали стратегию.

Всякому известно, что в 1796 г. эрцгерцог Карл восторжествовал над Журданом и Моро одним марш-маневром, который представлял собою лишь простое применение внутренних операционных линий.

До этого времени французские армии растягивались на широких фронтах для того, чтобы легче было находить продовольствие, а также потому, что их генералы воображали, будто хорошим способом действий является расстановка всех своих дивизий в одну линию, с предоставлением начальникам дивизий вести бой по своему усмотрению и разумению. В резерве оставлялись лишь небольшие части, неспособные что-либо восстановить, если противнику удавалось опрокинуть хотя бы только одну из этих дивизий.

Таково было положение вещей, когда Наполеон впервые появился на сцене в Италии. Быстрота его движений сразу же, с самого начала его операций, выбила из колеи австрийцев и пьемонтцев. Будучи избавлен от всей излишней материальной части, Наполеон превзошел своей подвижностью все современ-

ные армии. Рядом переходов и стратегических боев он завоевал полуостров.

Его бег в 1797 г. к Вене представлял собою дерзкую операцию, оправдываемую, может быть, необходимостью победить эрцгерцога Карла до подхода подкреплений с Рейна.

Еще более характерная кампания 1800 г. ознаменовала новую эру в области составления планов войны и направления операционных линий. Отсюда берут начало те смелые действия, которые ставят себе целью не менее как захват или уничтожение армии, о чем мы говорили в ст. XIX. Боевые порядки были менее растянуты, организация армии в виде больших корпусов в две или три дивизии стала более рациональной. С этого момента современная стратегическая система достигла своего апогея, так как кампании 1805 и 1806 гг. являлись лишь следствиями великой проблемы, разрешенной в 1800 г.

Что же касается тактики колонн и стрелковых цепей, которую Наполеон нашел уже установившейся, то она слишком хорошо отвечала условиям пересеченной местности Италии, чтобы он ее не усвоил.

В настоящее время возникает важный и главный вопрос: всем ли по плечу такая система, подходит ли система Наполеона, годится ли она на всякий рост, для всех эпох и для любых армий, или же, напротив, возможно, что правительства и генералы, поразмыслив над событиями 1800—1809 гг., возвратятся к методической системе позиционных войн? Сравните марши и бивачные расположения Семилетней войны с таковыми «семинедельной войны» * или с теми тремя месяцами, которые протекли после выступления в 1805 г. из Булонского лагеря до прибытия на Моравские равнины, а затем решайте, что предпочтительнее, система ли Наполеона или старая система. Система французского императора заключалась в том, чтобы *проходить по 10 лье (около 40 км) в день, давать сражение, а затем располагаться на отдых.* Он сам мне сказал, что он не знает другой войны, кроме этой.

Мне возразят, что склонный к приключениям характер этого великого полководца в связи с его личным положением и состоянием умов во Франции побуждал его делать то, чего на его месте не рискнул бы сделать никакой другой вождь, будь то рожденный на троне, будь то простой генерал, находящийся в распоряжении своего правительства. Хотя оспаривать этого нельзя, но все же мне кажется, что между системой неограниченных вторжений и позиционной системой существует

---

* Эпитет, данный Наполеоном кампании 1806 г.

какая-то середина. Поэтому надо следовать по проложенным Наполеоном путям, не подражая его необузданной отваге. Система же позиционных войн, вероятно, будет надолго изгнана или же, по крайней мере, значительно изменена и усовершенствована.

Конечно, если военное искусство обогатилось усвоением маневренной системы, то человечество от этого скорее проиграло, чем выиграло, так как такие стремительные набеги и ночлеги значительных масс, довольствующихся изо дня в день за счет средств той местности, которую они топчут, в достаточной степени напоминают опустошения, причиненные Европе нашествиями народов с IV до XIII века. Однако, во всяком случае, мало вероятно, чтобы от нее вскоре отказались, так как наполеоновские войны обнаружили ту великую истину, что расстояния не могут более гарантировать страну от вторжения, и государства, желающие обезопасить себя от них, должны иметь хорошую систему крепостей и оборонительных линий, хорошую систему резервов и военных учреждений и, наконец, хорошую политическую систему. Ведь повсюду из населения организуется милиция как будущий резерв действующих армий, и это будет поддерживать силу готовых к бою армий на все более и более высоком уровне. А чем многочисленнее армии, тем больше становится необходимостью система молниеносных операций и быстрых развязок.

Если впоследствии социальный порядок придет к большему спокойствию и если народы, вместо того чтобы вести борьбу за свое существование, будут драться лишь за интересы относительного значения, как то: за округление своих границ, за поддержание европейского равновесия,—то тогда, может быть, будет принято новое международное право и станет возможным поддерживать соотношение сил на меньшем уровне. Тогда в войне государства с государством снова можно будет встретить армии в 80 000—100 000 человек, армии, возвратившиеся к смешанной системе войны, которая окажется посредине между вулканическими набегами Наполеона и бесстрастной системой «starke Positionen» * прошлого столетия. Но впредь до наступления этих времен нам приходится держаться маневренной системы, которая породила великие события, так как первый, кто осмелится отказаться от нее перед лицом способного и предприимчивого противника, станет, вероятно, жертвой.

* * *

---

* Сильных позиций.— *Ред.*

Под наукой о маршах ныне понимают не только мелочные детали логистики, которые состоят в обеспечении хорошего порядка расположения войск в колоннах, в выполнении правильного расчета времени их выступления и прибытия, в предосторожностях и мерах охранения за время их движения, в средствах связи между ними и тем пунктом, куда они направлены,—во всех тех вопросах, которые составляют существенную отрасль обязанностей штаба. Кроме этих материальных деталей, существуют еще комбинации маршей, которые входят в состав больших стратегических операций. Например, марш Наполеона через Сен-Бернар для нападения на сообщения Меласа; его марши 1805 г. через Донауверт, чтобы отрезать Макка, и в 1806 г. через Геру, чтобы обойти пруссаков; марш Суворова, чтобы захватить Турин на Требии, предупредив Макдональда; марш русской армии на Тарутино, а потом на Красное,—все это решающие операции не по своему отношению к логистике, но по их отношениям к стратегии.

Эти искусные марши всегда были только средством различных приложений на практике принципа, на который мы указали выше и который мы еще разовьем дальше: совершить прекрасный марш—это не что иное, как перебросить массу своих сил на решающий пункт. В самом деле, чем был марш через Сен-Бернар, как не операционной линией, направленной против оконечности стратегического фронта неприятеля, а оттуда на его линию отступления? Чем были марши при Ульме и Иене, если не тем же самым маневром? Чем был марш Блюхера под Ватерлоо, как не применением внутренних стратегических линий, рекомендованных в ст. XXII?

Отсюда можно притти к заключению, что все стратегические движения, имеющие своей целью сосредоточение массы данной армии последовательно на различных пунктах операционного фронта неприятеля, будут искусными маршами, потому что они применяют на практике главный принцип, вводя в действие главные силы против отдельных частей неприятельской армии. Операции французов в конце 1793 г., действия Наполеона в 1796, 1809 и 1814 гг.—вот примеры, на которые можно указать как на образцы этого рода.

Одним из существенных пунктов науки о маршах ныне является умение сочетать движение своих колонн так, чтобы охватить возможно больший стратегический фронт, не подвергая колонны опасности, и удерживать его до тех пор, пока эти колонны не будут вне радиуса досягаемости противника. С помощью этого способа можно обмануть противника относительно настоящей цели предпринятой операции. Армия

может при этом двигаться с большей легкостью и скоростью, может легче находить продовольствие. Но в этом случае нужно уметь заблаговременно принимать меры к обеспечению сосредоточения, меры, позволяющие объединить свои массы, когда нужно будет нанести решительный удар. Это попеременное использование то широких, то концентрических движений и есть истинный признак великого полководца.

Едва ли нужно распространяться о всех этих комбинациях, так как в своем применении они все входят в изложенные уже выше правила-максимы.

Тем не менее, мы заметим, что существует еще один род маршей, который обозначается термином «фланговые марши». Мы не можем обойти их молчанием. Всегда их изображали как рискованные маневры, но никогда ничего более или менее удовлетворительного не было написано по этому предмету. Если под этим понимать тактические движения, совершаемые на виду неприятельской боевой линии, то несомненно, что такое фланговое движение является очень деликатной операцией, хотя она иногда и удается. Но если говорят об обыкновенных стратегических маршах, то я не вижу никакой опасности во фланговом марше, — конечно, если при этом не забыты самые простые меры предосторожности. При стратегическом движении боевые части противников должны всегда отстоять друг от друга на расстоянии, примерно, в два перехода (считая расстояния между авангардами противников и их колоннами). В подобном случае нет никакой реальной опасности в стратегическом переходе с одной позиции на другую.

Но все же существуют два случая, когда, повидимому, фланговый марш совершенно недопустим. Первый случай—когда вся система в виде операционной линии, стратегических линий и операционного фронта будет по отношению к противнику за все время действий тоже фланговой. Таков был пресловутый проект двигаться на Лейпциг, не заботясь о Дрездене и о 250 000 человек у Наполеона. Этот проект, принятый в Трахенберге в августе 1813 г., был бы, вероятно, роковым для союзных армий, если бы мои представления, адресованные императору Александру I, не побудили его изменить решение. Второй случай—когда операционная линия глубока, как это было у Наполеона под Бородиным, в особенности же если эта операционная линия есть вместе с тем единственный путь отступления. Тогда всякое фланговое движение, которое подвергает ее опасности захвата, было бы серьезной ошибкой.

В тех странах, где вспомогательные пути сообщения разнообразны и многочисленны, фланговые движения менее опасны,

потому что, в случае необходимости, можно прибегнуть к перемене операционной линии, если противник отбросит вас от нее. Физическое и моральное состояние армии, более или менее энергичный характер командиров и войск также могут влиять на решение о целесообразности подобных движений.

Фактически часто упоминавшиеся марши у Иены и Ульма были настоящими фланговыми маршами-маневрами, как движение на Милан после перехода Киузеллы и движение маршала Паскевича для форсирования Вислы в Осецке. Всем известно, насколько они были успешны.

Совсем другое дело, когда производятся тактические фланговые движения в присутствии противника. Ней был наказан за них в Денневице, Мармон—в Саламанке и Фридрих Великий — при Коллине.

Однако, маневр Фридриха Великого в Лейтене, ставший столь знаменитым в анналах военного искусства, был настоящим движением этого рода *. Но это фланговое движение, искусно прикрытое массой кавалерии, скрытое высотами и произведенное против армии, продолжавшей оставаться неподвижной в своем лагере, — такое фланговое движение дало огромный успех, потому что в момент самого удара в действительности именно армия Дауна подставила свой фланг, а не армия Фридриха. Кроме того, следует согласиться, что при прежней системе движения линиями на взводной дистанции, чтобы потом строиться без развертывания способом поворота по одному направо или налево, движения, параллельные неприятельской линии, не являются фланговыми маршами, потому что тогда фланг колонн в действительности не что иное, как фронт боевой линии.

Знаменитый марш принца Евгения Савойского на виду у французского лагеря с целью обойти линии Турина еще более поразителен, чем марш у Лейтена, причем успех его был не менее велик.

В этих различных перечисленных выше сражениях, я это повторяю, были совершены тактические, а не стратегические движения. Марш принца Евгения от Мантуи на Турин был одной из наиболее крупных стратегических операций столетия. Но здесь дело шло о движении, совершаемом накануне сражения для обхода французского лагеря. В конце концов, различие в результатах, которое давали эти пять дней, является лишним доказательством того, что в этом вопросе тактика также подвержена изменениям.

---

* Т. е. тактическим фланговым движением в присутствии противника.— *Ред.*

Хотя логистическая сторона этих маршей и является лишь второстепенной отраслью военного искусства, но она имеет такое близкое отношение к крупным операциям, что на нее можно смотреть как на исполнительную часть; поэтому-то я и счел должным сказать о ней два слова, что я и делаю в ст. XLI *, говоря в ней о некоторых идеях логистики вообще.

Статья XXV

О МАГАЗИНАХ И ИХ СООТНОШЕНИИ С МАРШАМИ

Соображения относительно выполнения маршей близко связаны с вопросом о магазинах, потому что для совершения быстрых и длительных маршей нужно иметь продовольствие, а искусство продовольствовать многочисленную армию, особенно в неприятельской стране, является одним из наиболее трудных. Наука генерал-интенданта имеет свои собственные ученые сочинения, к которым мы и отсылаем наших читателей, ограничиваясь здесь лишь указанием на то, что́ она имеет общего со стратегией**.

Система продовольствования древних мало известна, потому что того, что говорит Вегеций о военном хозяйстве римлян, совершенно недостаточно для выяснения вопроса. Одно явление останется навсегда мало понятным, а именно, каким образом Дарий и Ксеркс сумели прокормить свои бесчисленные армии во Фракии (Румелии), тогда как в наше время там с трудом можно прокормить 30 000 человек. В средние века греческие императоры, варвары, а еще позже крестоносцы тоже содержали там значительные массы людей.

Цезарь сказал, что война должна питать войну, а из этого все заключили, что он всегда жил за счет средств тех стран, по которым проходил.

Средние века были замечательны своими великими переселениями разного рода. Было бы весьма интересно знать точное число гуннов, вандалов, готов и монголов, которые последовательно проходили через Европу, а также каким образом они продовольствовались во время своих передвижений. Не менее любопытно было бы знать и о ведении военного

---

* См. т. II этого труда. — *Ред.*

** Сочинение графа Канкрина, некогда бывшего генерал-интендантом русской армии, заслуживает самого большого внимания. Немного найдется столь удовлетворительных сочинений об искусстве снабжения.

хозяйства в армиях крестоносцев. Но за недостатком всех данных по этому вопросу приходится довольствоваться лишь предположениями и догадками.

Надо думать, что в первые времена новейшей истории армии Франциска I, переходя через Альпы для вторжения в плодородную Италию, не тащили за собой больших магазинов, потому что они насчитывали от 40 000 до 50 000 человек, а такая армия без затруднения может пропитаться в богатых долинах рек Тичино и По.

При Людовике XIV и Фридрихе II армии, более многочисленные и сражавшиеся в своих границах, получали регулярное снабжение из магазинов и хлебопекарен, которые следовали за ними. Это очень сильно затрудняло операции, не позволяя армии отходить от магазинов далее того расстояния, которое определялось состоянием средств транспорта, количеством пайков, которые можно возить и носить, и числом дней, потребных для движения повозок к складам и обратно в лагерь.

Во времена французской революции нужда заставила пренебречь магазинами. Многочисленные армии, вторгшиеся в Бельгию и Германию без всяких запасов продовольствия, жили то за счет обитателей, то за счет насильственных реквизиций в стране, то, наконец, за счет мародерства и грабежа. Делать переходы, останавливаясь у жителей, вполне возможно в Бельгии, Италии, Швабии, на богатых берегах Рейна и Дуная, в особенности если армия двигается несколькими колоннами и не превосходит 100 000—120 000 человек. Но это становится весьма трудным делом в других странах и совсем невозможным в России, Швеции, Польше и Турции. Понятно, как хорошо армия действует, какую она развивает скорость и стремительность, когда она при своих действиях должна учитывать только силу солдатских ног. Такая система дала крупные преимущества Наполеону, но он стал ею злоупотреблять, распространив ее до чересчур большого масштаба и на страны, где эта система была невыполнима.

Полководец должен уметь использовать для своих военных предприятий все имеющиеся ресурсы страны, в которую он вторгся. Он должен использовать местные власти, если они остались на месте, для выполнения с их помощью уравнительных и законных реквизиций с оплатой реквизированного, если на это имеются средства. Если же постоянных местных властей не осталось, то нужно создать временные власти, в составе наиболее видных граждан, и облечь их чрезвычайными полномочиями. Следует собрать все реквизированные продукты в наиболее надежные пункты, которые в то же время были бы

и наиболее благоприятными для движений армии в соответствии с принципами операционных линий. В целях экономного расходования продовольствия надо разместить также возможно большее количество войск в городах и деревнях с тем, однако, чтобы вознаграждать жителей за издержки, вызванные постоем. Армия, кроме съестных припасов и фуража, должна также реквизировать обывательские вспомогательные подводы, которые могли бы доставлять продовольствие туда, где армия располагается.

Довольно трудно установить правила относительно того, что было бы благоразумно предпринять, чтобы не устраивать заранее магазинов, как провести разграничение между возможным и невозможным. Страна, время года, сила армии, дух населения—все это отражается на комбинациях. Но все же можно установить нижеследующие общие правила.

1. В странах плодородных и сильно населенных, в которых жители не враждебны, армия в составе 100 000—120 000 человек, идя навстречу еще настолько удаленному противнику, что можно без большого риска занять обширное пространство страны, может двигаться за счет местных средств в продолжение всего того времени, которое требуется для выполнения данной операции. Но так как для первой операции никогда не требуется больше одного месяца, во время которого будет находиться в движении главная масса армии, то достаточно иметь возможность удовлетворять за счет резервных продовольственных запасов случайные нужды армии, особенно же нужды тех войск, которые должны будут оставаться на одном месте. Например, армия Наполеона, наполовину собранная вокруг Ульма, чтобы блокировать там Макка, имела потребность в сухарях только до сдачи города, и если бы сухарей не было, то и операция не удалась бы.

2. В течение этого времени следует постараться, развивая всю возможную активность, использовать средства страны для образования запасных магазинов и для удовлетворения потребностей армии, которые у нее возникнут по успешном выполнении операции в связи с сосредоточением ее в целях отдыха, или же с выступлением к месту выполнения новых операций.

3. Магазины, образованные за счет покупок или реквизиций в стране, должны быть эшелонированы по возможности на трех различных путях сообщения, что облегчит, с одной стороны, питание каждого крыла армии, а с другой—наибольшее распространение сферы возможных реквизиций и, наконец, явится средством лучшего прикрытия если не всех, то, по крайней

мере, большей части складов. С этой последней целью было бы полезно, чтобы склады на обоих крыльях армии были расположены на путях, сходящихся к главной операционной линии, которая обычно находится в центре. Благодаря этой предосторожности достигаются две существенные выгоды: первая — такое расположение магазинов, когда они лучше обеспечены от внезапного нападения противника, вследствие увеличения расстояния, их от него отделяющего; вторая—облегчение концентрического движения назад, которое армия может совершить в целях соединения на одном из пунктов операционной линии, чтобы напасть затем на неприятеля и, перейдя в наступление, отнять у него инициативу, преимущество которой он на время захватил.

4. В странах, где население очень редко, а почва мало плодородна, армия будет испытывать недостаток в наиболее необходимых средствах. Отсюда следует, что тогда будет благоразумно не удаляться от магазинов на слишком большое расстояние и нужно будет возить с собой запасное продовольствие в таком количестве, чтобы его хватило на то время, которое может понадобиться для отступления на базис с его большими складами.

5. В народных войнах и войнах в таких странах, где население без всякого исключения бежит и все разрушает, как это было в Испании, Португалии, России и Турции, невозможно двигаться, не беря с собой подвижных магазинов и не имея надежной базы снабжения вблизи от фронта операций, что и делает войну вторжения значительно более трудной, чтобы не сказать невозможной.

6. Недостаточно собрать громадное количество запасов, — нужно еще иметь средства везти их за армией, а в этом-то как раз и состоит самое большое затруднение, в особенности, когда нужно двигаться и действовать быстро и стремительно. Для облегчения передвижения магазинов нужно, во-первых, составлять запасы продовольствия из наиболее портативных продуктов, как, например, из сухарей, риса и т. п. Затем нужно иметь военные повозки, одновременно легкие и прочные, чтобы иметь возможность проходить по всяким дорогам. Важно также, как мы уже об этом говорили, собирать возможно больше повозок, и подвод, беря их от местного населения и следя при этом за тем, чтобы собственники подвод или возчики охранялись войсками и чтобы с ними хорошо обращались. Из подвод надо организовать эшелонированные парки с таким расчетом, чтобы не слишком отделять людей от их постоянного местожительства и обеспечить себе последовательное исполь-

зование средств. Наконец, надо приучить солдат нести на себе запас сухарей, риса и даже муки за отсутствием других продуктов.

7. Близость моря создает очень большие удобства для снабжения армии. Армия, которая владеет морем, повидимому, никогда не должна терпеть в чем-нибудь недостатка, однако, это преимущество тоже имеет свои неудобства для большой сухопутной армии, потому что в целях поддержания надежной связи со своими магазинами армия будет проявлять тенденцию проводить все свои операции вдоль берега, что ее подвергнет опасности жесточайшего разгрома, если неприятель будет быстро и всей массой своих сил действовать против фланга, противоположного тому, который примыкает к морю *. Если же армия слишком удалится от берега, то тогда ее коммуникации тоже подвергнутся угрозе или даже перерыву и запасы материальных средств всякого рода должны будут увеличиваться по мере удаления от берега.

8. Сухопутная армия, которая использует море для облегчения подвоза запасов, не должна пренебрегать устройством главного операционного базиса на земле, с запасом продовольствия, независимым от запасов морских, и должна иметь линию отступления на той оконечности своего стратегического фронта, которая противоположна морю.

9. Большие и судоходные реки, течение которых почти параллельно дорогам, обслуживающим операционные линии армии, равно как и каналы, создают большие удобства для перевозки продовольствия, и хотя эти средства несравнимы со средствами, предоставляемыми морскими сообщениями, тем не менее, они весьма важны и ценны. Отсюда основательно заключали, что операционные линии, параллельные реке, являются самыми выгодными, в особенности если они допускают более легкий подвоз запасов и позволяют уменьшить количество повозок, затрудняющих маневр. Однако, не только сама по себе большая река не может быть настоящей операционной линией, как это полагали, но нужно стараться, чтобы большая часть войск держалась подальше от реки в целях избежания такого положения, при котором противник, напав большими силами на фланг, противоположный реке, смог бы поставить армию в столь же

---

* Разумеется, я говорю здесь о войне между европейскими государствами, которые умеют маневрировать. От этих правил можно было бы отступить, действуя против азиатских или турецких полчищ, которых не приходится бояться в поле. Они плохо обучены в военном отношении, а их войска неспособны наказывать за ошибки, допущенные в действиях против них.

затруднительное положение, как если бы она была прижата к морю.

Надо еще заметить, что в неприятельской стране весьма редко можно воспользоваться большой рекой для подвоза продовольствия, как потому, что неприятель будет уничтожать суда, так и потому, что легкие отряды будут нападать на суда и мешать навигации. Чтобы обезопасить такое плавание, надо по обеим сторонам реки расположить отряды, что сопряжено с теми опасностями, какие испытал Мортье в Дирнштейне. В дружественной стране и в союзной стране положение совершенно другое, и выгодность использования больших рек гораздо реальнее.

10. При недостатке хлеба или сухарей часто самые неотложные нужды армии может удовлетворить скот, который в населенных странах имеется в достаточном количестве, чтобы обеспечить им на некоторое время армию. Но эти источники также могут быть вскоре исчерпаны, а это повлечет за собой мародерство. Важно поэтому всеми возможными средствами урегулировать реквизицию скота и, если можно, оплачивать стоимость захваченного скота, а в особенности иметь при колоннах волов, купленных вне полосы движения армии.

Я не мог бы закончить эту статью, не упомянув одного разговора с Наполеоном, который, хотя и кажется странным, имеет, однако, и свою хорошую сторону. Я слышал от него, что во времена его первых кампаний армия неприятеля была очень хорошо снабжена, что когда ему становилось затруднительно питать свою армию, ему стоило лишь бросить ее на тылы противника, чтобы наверняка найти там все в изобилии. Это правило, на которое было бы, конечно, нелепо смотреть, как на основу системы, тем не менее, может быть, объясняет успех многих смелых предприятий и показывает, насколько действительная война отличается от слишком сложных и отвлеченных расчетов.

Статья XXVI

О ГРАНИЦАХ И ОБ ИХ ЗАЩИТЕ КРЕПОСТЯМИ ИЛИ УКРЕПЛЕННЫМИ ЛИНИЯМИ, ОБ ОСАДНОЙ ВОЙНЕ

Крепости имеют два главных назначения: во-первых, прикрывать границы, во-вторых, содействовать операциям армии в поле.

Оборона границ государства при помощи крепостей в общем является довольно-таки неопределенным делом. Несом-

ненно, как мы уже это сказали в статье об оборонительных линиях, существуют некоторые страны, к которым подступы прикрыты большими естественными препятствиями, так что имеется очень немного доступных пунктов, которые можно было бы еще прикрыть искусственными сооружениями. Но в открытых странах это дело значительно труднее. Цепи Альп, Пиренеев, менее высокие цепи Карпатских, Исполиновых и Рудных гор, Шварцвальд, Богемский лес, Вогезы, Юра — все они более или менее удобны для организации хорошей системы крепостей (я не говорю про Кавказ, имеющий такую же высоту, как и большие Альпы, потому что, по всей вероятности, он никогда не станет театром больших стратегических операций).

Из всех этих границ лучше всего была прикрыта граница между Францией и Пьемонтом. Долины рек Стуры и Сузы, Аржантьерские проходы, Мон-Женевр, Мон-Сенис — единственные, которые считаются проходимыми, были прикрыты каменными фортами. Кроме того, значительные крепости находились при выходе из долин в Пьемонтские равнины. Казалось, что это весьма трудно преодолимое препятствие.

А между тем следует признать, что эта прекрасная оборона с помощью инженерного искусства никогда не может полностью воспретить армии пройти, — во-первых, потому, что небольшие укрепления, которые могут быть выстроены в ущельях, можно захватить, а, во-вторых, потому, что всегда можно найти какую-либо дорогу, которая считается непроходимой, но по которой смелый противник с помощью некоторых работ сумеет проложить себе дорогу. Переход Франциска I через Альпы, так хорошо описанный Гайяром, переход Наполеона через Сен-Бернар, наконец, поход на Сплуген, столь хорошо освещенный Матье Дюма, доказывают, что Наполеон был прав, когда говорил этому генералу: «*Армия может пройти всюду, где может человек ступить!*». Это правило, может быть, несколько преувеличено, но оно прекрасно характеризует этого великого полководца, который сам применял его с таким успехом! Позже мы скажем несколько слов о горной войне.

Другие страны прикрыты большими реками, если не по самой границе, то на некотором расстоянии от нее. Однако, удивительно, что эти линии, которые, повидимому, могли бы разделять государства, не мешая их торговым и соседским сношениям, нигде не составляют действительной границы государств, потому что нельзя сказать, что линия Дуная отделяла Бессарабию от Турции, пока турки владели Молдавией. Точно так же и Рейн никогда не был действительной границей между

Францией и Германией, потому что французы долгое время имели свои крепости на правом берегу, между тем как немцы владели Майнцем, Люксембургом и предмостными укреплениями Мангейма и Везеля на левом берегу.

Если, впрочем, Дунай, Рейн, Рона, Эльба, Одер, Висла, По и Эч и не составляют нигде самой пограничной линии, то это отнюдь не препятствует рассматривать их как постоянные оборонительные линии и укреплять их во всех тех пунктах, которые могут образовать систему обороны, достаточную для прикрытия операционного фронта.

Одна из линий этого рода, могущая служить здесь примером, это — линия реки Инна, которая отделяла Баварию от Австрии. На юге она упиралась в Тирольские Альпы, а на севере была ограничена Богемскими горами и Дунаем. Ее не очень широкий фронт был прикрыт крепостями Пассау, Брауну и Зальцбургом. Лойд несколько поэтически сравнивает такую границу с двумя неприступными бастионами, у которых куртина образуется тремя прекрасными крепостями, а рвом служит одна из самых бурных больших рек. Но он немного преувеличивает материальные преимущества этой границы, потому что эпитет «неприступные» был трижды опровергнут кровавыми кампаниями 1800, 1805, 1809 гг.

Большая часть европейских государств не только не имеет таких грозных границ, как Альпы и Инн, но, напротив, представляет собою равнинные, открытые страны, где горы доступны в большом числе пунктов. Так как в нашу задачу не входит военно-географическое описание Европы, то мы ограничимся здесь изложением общих правил, которые могут быть применены ко всем странам без различия.

Когда граница проходит по открытой местности, то надо отказаться от мысли сделать из нее настоящую и совершенную оборонительную линию, посредством увеличения числа и без того многочисленных крепостей, требующих для своей обороны целых армий, а в конце концов никогда не мешающих вторгнуться в страну. Более благоразумно удовольствоваться устройством нескольких хороших искусно расположенных крепостей, не столько для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю проникнуть в страну, сколько для того, чтобы увеличить препятствия на его пути движения, а в то же время обеспечить движение своих действующих армий и способствовать вытеснению ими противника.

Хотя и верно, что крепость сама по себе редко может стать безусловным препятствием для движения неприятельской армии, однако, бесспорно, что она затрудняет это

движение, вынуждает противника выделять отряды и делать при своем движении большие обходы. С другой стороны, крепость способствует действиям той армии, которая ею владеет, создавая ей следующие преимущества: она обеспечивает ее марши-маневры, способствует переправе ее колонн, если она расположена на реке, прикрывает ее магазины, ее фланги и ее движения. Наконец, в случае надобности, она может служить также убежищем для армии.

Таким образом, крепости оказывают очевидное влияние на военные действия. Но так как искусство их постройки, обороны и атаки относится к кругу ведения специального инженерного рода войск, то подробное обсуждение этих вопросов не соответствовало бы нашей задаче, а потому мы ограничимся здесь лишь исследованием вопросов, имеющих отношение к стратегии.

Первый вопрос — это выбор места, где выгодно построить крепость. Второй—выяснение условий, при которых можно пренебречь этими крепостями и пройти мимо них, а также тех случаев, когда будет необходимо их осаждать. Третий вопрос—соотношения, существующие между осадой крепости и действиями полевой армии, которая должна прикрывать осаду.

Насколько хорошо расположенная крепость способствует операциям, настолько же крепости, находящиеся вне важных направлений, являются пагубными. Они — настоящий бич для армии,—которая должна ослаблять себя, защищая их,—и бедствие для государства, которое понапрасну расходует солдат и деньги. Я беру на себя смелость утверждать, что в Европе немало таких крепостей.

Мысль опоясать все границы государства очень близко расположенными одна к другой крепостями пагубна. Эту систему ошибочно приписывали Вобану [26], который не только не одобрял ее, а наоборот, спорил с Лувуа относительно большого числа бесполезных крепостей, которые этот министр хотел строить. Для этой отрасли военного искусства все правила можно свести к нижеследующим принципам.

1. Государство должно быть прикрыто тремя эшелонированными линиями крепостей, расположенными между пограничной линией и столицей *. Три крепости должны находиться в первой линии, столько же — во второй и один укрепленный плац

---

* Достопамятная турецкая кампания 1829 г. еще раз доказала эти истины. Если бы Оттоманская империя имела хорошие каменные укрепления в балканских дефиле и большую крепость около Паки, то русские не дошли бы до Адрианополя и военные события сильно усложнились бы.

дарм в третьей линии, поблизости от центра мощи государства. Это и составит почти полную систему обороны для каждого участка границы государства. Если государство имеет четыре подобных фронта, то потребуется от 24 до 30 крепостей.

Может быть, мне возразят, что это число слишком велико и что даже Австрия не имела их так много. Но надо учесть и то, что Франция имеет более сорока крепостей только на одной трети своих границ (от Безансона до Дюнкирхена), между тем как в третьей линии, в центре ее могущества, она все еще недостаточно укреплена. Комитет, созданный несколько лет назад для разработки положения об этих крепостях, пришел к заключению, что нужно еще добавить несколько крепостей. Это значит не то, что число их недостаточно, но что нет крепостей в важных пунктах, в то время как в первой линии они стоят на слишком близком расстоянии одна от другой. Их приходится содержать только потому, что они уже построены. Надо учитывать, что Франция между Дюнкирхеном и Базелем имеет два фронта: один — от Базеля до Савойи и другой — от Савойи до Ниццы. Кроме того, она должна защищать совершенно отдельную линию вдоль Пиренеев и приморскую линию вдоль берегов океана. Отсюда следует, что у нее имеется *шесть* фронтов, требующих прикрытия, для чего необходимы от сорока до пятидесяти крепостей. Всякий военный должен согласиться, что этого числа достаточно, потому что для фронта со стороны Швейцарии и вдоль берегов океана потребуется крепостей меньше, чем на северо-восточной границе Франции. А чтобы крепости выполняли свое назначение, надо, чтобы они располагались по искусно продуманной системе. Если Австрия и имела меньшее число крепостей, так это случилось потому, что она была окружена малыми германскими государствами, которые не только не угрожали ей нападением, но, напротив, предоставляли в ее распоряжение свои собственные крепости.

Сверх того, указанное число крепостей, повидимому, необходимо только для государства, имеющего четыре фронта почти равной длины. Прусская монархия, образуя огромный клин от Кенигсберга до Меца, не может быть укреплена по той же системе, как Франция, Испания или Австрия. Таким образом, географическое положение или чрезмерное протяжение некоторых государств может потребовать или уменьшения или увеличения числа крепостей, в особенности когда к ним нужно будет прибавить еще и морские крепости.

2. Крепости всегда должны строиться в важных стратегических пунктах, а именно в тех, о которых говорится в ст. XIX.

В тактическом отношении их нужно располагать по преимуществу в местах, над которыми не господствует окружающая местность и которые облегчают выход из них, тем самым затрудняя их блокирование.

3. Крепости, являющиеся наиболее выгодными с точки зрения как собственной защиты, так и содействия операциям действующих армий, несомненно, те, которые расположены на обоих берегах больших рек и господствуют над последними. Майнц, Кобленц и Страсбург, а также Кель — вот настоящие образцы в этом роде.

Приняв эту истину, нужно также признать, что крепости, построенные при слиянии двух больших рек, имеют то преимущество, что они господствуют над тремя различными операционными фронтами, а это увеличивает их важность (таким примером может служить крепость Модлин). Майнц, когда он имел небольшое укрепление Густавсбург на левом берегу Майна, а Кассель на правом берегу, был самым грозным плацдармом в Европе. Но так как он требует гарнизона в 25 000 человек, то много таких крепостей нельзя иметь.

4. Большие крепости, включающие в себя многолюдные и коммерческие города, предоставляют армии много средств. Они гораздо предпочтительнее маленьких крепостей, в особенности когда еще можно рассчитывать и на помощь гарнизону со стороны граждан. Мец сопротивлялся всем силам Карла V. Лилль приостановил на целый год операции Евгения Савойского и Мальборо. Страсбург много раз бывал оплотом французских армий. В последних войнах эти крепости обходились армиями потому, что вся вооруженная Европа обрушилась на Францию. Но могла ли бы германская армия в 150 000 человек, имея против себя 100 000 французов, безнаказанно проникнуть до реки Сены, пренебрегая подобными хорошо снабженными крепостями? Я поостерегся бы утверждать это.

5. Когда-то воевали против крепостей, против лагерей и позиций. В последнее же время, напротив, войну ведут больше против организованных вооруженных сил, не заботясь ни об естественных, ни об искусственных препятствиях. Было бы одинаково неправильно держаться исключительно одной или другой из этих систем. Истинная наука ведения войны состоит в том, чтобы держаться золотой середины между этими двумя крайностями. Конечно, всегда важнее будет стремиться сначала полностью разбить и рассеять организованные неприятельские массы, действующие в поле. Чтобы достичь этой решающей цели, можно пройти мимо крепостей, но если бы был до-

стигнут лишь полууспех, то было бы неблагоразумно развивать вторжение и дальше без известного чувства меры. В конце концов все зависит от расположения и обстановки сил обеих армий, так же как и от духа населения.

Австрия, воюя одна против Франции, не могла бы повторить операций, выполненных великой коалицией в 1814 г. Точно так же едва ли бы 50-тысячная французская армия отважилась перейти через Норические Альпы, чтобы вторгнуться в сердце Австрийской монархии, как это сделал в 1797 г. Наполеон *. Подобные события зависят от стечения обстоятельств, составляющих исключение из общих правил.

6. Из предыдущего можно притти к следующим заключениям: что хотя крепости и служат существенной опорой для армии, но злоупотребление ими вредно, потому что вместо увеличения сил действующей армии они ослабили бы ее, принудив ее разделиться; что армия, совершенно разумно стремясь уничтожить неприятельские силы в поле, может безопасно проскользнуть между несколькими крепостями, чтобы добраться до своей цели, однако, всегда оставляя отряды для наблюдения за крепостями; что армия, однако, не может вторгнуться в неприятельскую страну, расположенную за большой рекой вроде Дуная, Рейна или Эльбы, не захватив сначала хотя бы одну из построенных на этой реке крепостей, чтобы обеспечить себе линию отступления. Владея такою крепостью, армия может продолжать наступление, используя свои осадные средства для последовательного захвата других крепостей. Чем далее продвинется действующая армия, тем легче осадный корпус сможет закончить свое предприятие без помехи со стороны противника.

7. Если большие крепости гораздо выгоднее, чем малые, когда население расположено дружественно, то нужно согласиться также и с тем, что малые крепости имеют свою степень важности, состоящую не в том, что они могут задержать противника, который легко может заслониться от них, а в том, что они могут содействовать операциям армии в поле. В 1813 г. форт Кенигштейн был так же полезен французам, как и об-

---

* Я не порицаю Наполеона за его наступательные действия в Фриуле. Он имел против себя 35 000 австрийцев, ожидавших прибытия со стороны Рейна еще 20 000. Французский полководец атаковал эрцгерцога Карла до подхода этих подкреплений и быстро распространил свой успех, потому что перед ним не было ничего, что могло бы угрожать его армии. Он поступал по правилам военного искусства вследствие предшествовавших обстоятельств и относительного положения обеих сторон.

ширная крепость Дрезден, потому что он дал им надежное предмостное укрепление на Эльбе.

В горных странах небольшие, искусно расположенные укрепления стоят целых крепостей, так как там дело идет лишь о том, чтобы загородить проходы, а не о том, чтобы быть убежищем для разбитой армии. В 1800 г. небольшое укрепление Бард чуть не остановило наполеоновскую армию в долине реки Аосты.

8. Из сказанного нужно притти к заключению, что на каждой части государственной границы надо иметь одну или две больших крепости-убежища вперемежку со второстепенными крепостями и даже с малыми укрепленными постами, могущими облегчить операции действующих армий. Даже города, окруженные стенами с небольшим рвом, могут быть очень полезны внутри страны для размещения там складов, этапных пунктов, магазинов, госпиталей и пр. под защитой легких отрядов, которые примут участие в кампании. Они особенно полезны тогда, когда их защита вверена мобилизованной милиции, так как тогда армия не ослабляется.

9. Большие крепости, лежащие вне стратегических направлений, являются истинным бедствием для государства и армии.

10. Приморские крепости могут иметь важное значение только в комбинациях морской войны или для расположения в них магазинов. Но они могут стать причиной гибели сухопутной армии, создавая ей обманчивую перспективу опоры Беннигсен чуть было не скомпрометировал русские армии, базируя их в 1807 г. на Кенигсберг, потому что этот город легко мог снабжать его продовольствием. Если бы русская армия в 1812 г. сосредоточилась не в Смоленске, а пожелала бы опереться на Двинск и Ригу, то она подверглась бы риску быть прижатой к морю, отрезанной от всех своих баз и уничтоженной.

* * *

Что касается отношений, существующих между осадами крепостей и операциями действующих армий, то они бывают двух родов.

Если армия вторжения может обойтись без осады крепостей, мимо которых она просто проходит, то она обязательно должна их обложить и хотя бы наблюдать за ними. В том случае, когда несколько крепостей находятся на близком расстоянии одна от другой, надо оставлять целый корпус под начальством общего командира, который или осаждает эти крепости, или, смотря по обстоятельствам, только наблюдает за ними.

Когда армия вторжения решает атаковать крепость, она выделяет достаточно сильный корпус для ведения правильной осады. Остальная же армия может или продолжать свой наступательный марш-маневр, или же занять позицию для прикрытия осады.

В прежнее время придерживались ложной системы, состоявшей в окружении крепости целой армией, причем эта армия сама окапывалась, образуя циркумвалационные и контрвалационные линии, требовавшие таких же издержек и трудов, как и сама осада. Чтобы опровергнуть навсегда эту смешную систему, достаточно вспомнить знаменитое дело на Туринских позициях в 1706 г., когда принц Евгений Савойский, имея 40 000 человек, опрокинул французскую армию в 78 000 человек, хорошо окопавшуюся, но вынужденную охранять 6 лье (24 *км*) укреплений и поэтому повсюду ослабленную.

Поэтому-то, несмотря на искреннее удивление, которое может вызвать рассказ о чудесных работах, выполненных Цезарем для обложения Ализы, и несмотря на все то, что говорит об этом Гишар, ни один генерал в наше время не станет подражать этому примеру *. Впрочем, осуждая циркумвалационные линии, нужно все же признать необходимость для осадного корпуса усиливать свои позиции отдельными укреплениями, командующими над выходами из крепости, откуда ее гарнизон или вспомогательные войска могут тревожить осаждающего, т. е. поступать так, как Наполеон поступил при Мантуе, а русские — в Варне. Как бы то ни было, но опыт доказал, что наилучший способ прикрытия осады состоит в том, чтобы разбить и возможно далее преследовать неприятельские войска, которые могли бы потревожить осаду. Такой способ всегда следует применять, если только численная слабость сил не препятствует этому. В последнем случае надо занять стратегическую позицию, прикрывающую все подступы, по которым могла бы подойти вспомогательная армия. А как только она подойдет, нужно к армии наблюдения присоединить все, что можно взять из осадного корпуса, чтобы обрушиться на неприятеля и, по возможности, одним сильным ударом решить, можно ли продолжать осаду или ее нужно прекратить.

Бонапарт при осаде в 1796 г. Мантуи дал образец самых продуманных и искусных операций, которые только может предпринять армия наблюдения. Мы отсылаем поэтому наших читателей к тому, что нами сказано об этом в истории войн французской революции.

---

* Здесь речь идет лишь о непрерывных линиях. Но не нужно пренебрегать укреплением осадной позиции отдельными сооружениями.

ОБ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЯХ

Кроме циркумвалационных и контрвалационных линий, о которых мы говорили выше, существуют еще другие укрепленные линии, еще более длинные и относящиеся в некотором роде к долговременным фортификационным сооружениям, потому что их назначение состоит в прикрытии части границ государства.

Насколько выгодны крепость или укрепленный лагерь, построенные для того, чтобы быть временным убежищем для армии, настолько же нелепа система подобных укрепленных линий.

Разумеется, здесь идет речь не о короткой линии укреплений, преграждающих доступ в узкий проход или ущелье. Такие укрепленные линии относятся к системе фортов, как, например, Фуссен или Шарниц, о которых мы говорили. Но здесь дело идет об укрепленных линиях протяжением в несколько лье и имеющих своим назначением закрытие целого участка границы, как, например, линии Вейсенбурга. Эти линии, прикрытые рекой Лаутерн, которая протекает перед их фронтом, опираются справа на Рейн, а слева на Вогезы и, повидимому, выполняют все требования к ним, чтобы считаться обеспеченными от атаки. Между тем неприятель овладевал ими всякий раз, когда их атаковывал.

Штольгофенские укрепленные линии, игравшие такую же роль на правом берегу Рейна, какую вейсенбургские линии играли на левом берегу, принесли не больше пользы. Такую же участь испытали квейцские и кинцигские укрепленные линии.

Укрепленные линии под Турином (1706 г.) и под Майнцем (1795 г.), хотя и предназначенные для использования в качестве циркумвалационных, полностью походили на все другие возможные укрепленные линии, если не по своей силе, то, по крайней мере, по своему протяжению и по той участи, которую они испытали.

Как бы хорошо ни были прикрыты эти линии искусственными препятствиями, все же очевидно, что, несмотря на их большое протяжение, парализующее их защитников, они почти всегда могут быть обойдены. Зарываться таким образом в окопы, которые можно охватить, обойти или даже форсировать с фронта, хотя бы фланги и были обеспечены от обхода,— явная глупость, и надо надеяться, что больше ее не будут делать.

Как бы то ни было, в главе о тактике мы сделаем несколько замечаний относительно способа атаки и обо-

роны таких укреплений. Пока же небесполезно здесь добавить, что, поскольку ныне смешно было бы закапываться в непрерывные укрепленные линии, постольку же было бы нелепо пренебрегать отдельными сооружениями для усиления осадного корпуса, для повышения безопасности какой-либо позиции или для обороны дефиле, что, однако, в конце концов входит в категорию тех вопросов, о которых мы будем говорить дальше.

Статья XXVII

ОТНОШЕНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ЛАГЕРЕЙ И ПРЕДМОСТНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ К СТРАТЕГИИ

Было бы неуместно перечислять здесь детали устройства обычных лагерей, мероприятия по прикрытию их авангардами и средства, предоставляемые полевой фортификацией для обороны укрепленных постов. Одни только укрепленные лагери имеют отношение к комбинациям высшей тактики и даже стратегии, благодаря той опоре, которую они временно создают для армии.

Например, лагерь при Бунцельвице, который спас Фридриха в 1761 г., и лагери при Келе и Дюссельдорфе в 1796 г. показывают, какое огромное значение могут иметь такие убежища. В 1800 г. укрепленный лагерь при Ульме дал возможность генералу Краю остановить на целый месяц армию Моро на Дунае. Известны все преимущества, приобретенные Веллингтоном благодаря укрепленному лагерю при Торрес-Ведрасе и турками — у Шумлы при обороне местности между Дунаем и Балканами.

Главное правило, которое следует дать по этому вопросу, состоит в том, чтобы устраивать укрепленные лагери в пунктах, важных одновременно и в стратегическом и в тактическом отношениях. Укрепленный лагерь при Дриссе был бесполезен для русской армии в 1812 г. только потому, что он находился вне истинного направления их оборонительной системы, которая должна была иметь осью Смоленск и Москву. Вот почему пришлось оставить этот лагерь спустя несколько дней после его занятия.

Правила, которые мы дали для определения крупных решающих пунктов стратегии, могут применяться ко всем укрепленным лагерям, потому что их только в таких пунктах и нужно располагать. Назначение этих лагерей различно: они могут

служить исходными пунктами наступательной операции, быть предмостными укреплениями при форсировании большой реки, являться опорой для зимних квартир и, наконец, быть убежищем для разбитой армии.

Однако, как бы ни было выгодно расположение укрепленного лагеря, можно утверждать, что, если только он не находится хотя бы в столь же выгодном положении, как укрепленный лагерь при Торрес-Ведрасе (на полуострове, с целью прикрытия обратной посадки на суда армии островного государства), весьма трудно найти стратегический пункт, обеспеченный от обхода его неприятелем. А коль скоро такой лагерь будет обойден справа или слева, то занимающая его армия будет вынуждена оставить его или же подвергнуться опасности окружения в нем. В 1813 г. укрепленный лагерь около Дрездена служил для Наполеона важной опорой в продолжение двух месяцев. Но как только он был обойден массами войск союзников, он уже не мог предоставить даже тех преимуществ, которые дает обычная крепость, так как вследствие его большой площади он должен был бы пожертвовать двумя армейскими корпусами, которым пришлось бы за отсутствием продовольствия сдаться союзникам через несколько дней.

Невзирая на все эти истины, надо все же признать, что укрепленные лагери, предназначенные для обороняющейся армии лишь в целях обеспечения ей временной опоры, всегда могут выполнить свое назначение даже в том случае, когда стратегически противник их минует. Основное заключается в том, чтобы их нельзя было взять с тыла, т. е. чтобы все их стороны были в равной мере защищены от внезапной атаки. Важно также, чтобы они находились поблизости от крепости как для обеспечения находящихся там магазинов, так и для того, чтобы эта крепость прикрывала ту часть или тот фронт укрепленного лагеря, который ближе всего к линии отступления.

Вообще, можно сказать, что подобный лагерь, расположенный на реке с большим предмостным укреплением на другой стороне и поблизости от большого укрепленного города, вроде Майнца или Страсбурга, обеспечивает армии неоспоримые выгоды. Но такой лагерь может быть, во всяком случае, лишь кратковременным убежищем, лишь средством для выигрыша времени и сбора подкреплений. Когда же дело будет итти о том, чтобы изгнать неприятеля, всегда будет необходимо перейти к действиям в чистом поле.

Второе правило, которое можно дать относительно этих лагерей, состоит в том, что они особенно выгодны для армии,

находящейся на своей территории или же недалеко от своего операционного базиса. Если бы французская армия бросилась в свой укрепленный лагерь на Эльбе, то последний все же не спас бы ее от гибели, поскольку пространство между Рейном и Эльбой было занято неприятелем. Но если бы эта армия была на время даже окружена неприятелем в укрепленном лагере под Страсбургом, она могла бы при малейшей помощи со стороны вернуть себе прежнее превосходство и способность действовать. Неприятельская же армия, обложившая ее в лагере, находясь внутри Франции, между вспомогательным корпусом и войсками укрепленного лагеря, должна была бы проявить много энергии, чтобы при прочих равных условиях вновь перейти через Рейн.

До сих пор мы рассматривали эти лагери с точки зрения исключительно стратегической. Однако, многие немецкие генералы утверждали, что укрепленные лагери делаются для прикрытия крепостей или для воспрепятствования осаде их, что мне, однако, кажется софизмом. Несомненно, труднее осадить крепость, когда армия остается в лагерях под ее стенами, и можно даже сказать, что эти лагери и крепости оказывают друг другу взаимную поддержку. Но, по моему мнению, истинное и главное значение укрепленных лагерей всегда будет состоять в том, чтобы давать временное убежище для армии или быть средством наступления путем облегчения выхода на какой-либо решающий пункт, находящийся по ту сторону реки. Зарывать же свою армию в землю возле стен крепости, подвергать ее риску обхода и потери сообщения ради единственной цели замедлить осаду — это кажется мне чистым безумием. Могут привести пример Вурмзера, который, скажут, на несколько месяцев продлил сопротивление Мантуи. Но разве его армия не погибла там и разве эта жертва была действительно полезна? Я не думаю этого: поскольку эта крепость была уже один раз освобождена и снабжена, осадный же парк попал к австрийцам, атака должна была превратиться в обложение, а так как эта крепость могла быть принуждена к сдаче только голодом, то Вурмзер должен был спешить сдать ее, а не продолжать ее удерживать.

Укрепленный лагерь, который австрийцы расположили в 1795 г. перед Майнцем, помешал бы, правда, обороне этого города, если бы французы имели для этого средства, по крайней мере, до тех пор, пока они не форсировали бы Рейна. Но поскольку Журдан пренебрег этим лагерем и показался на Лане, а Моро — в Шварцвальде, то австрийцам пришлось снять лагерь и предоставить крепость своим собственным силам. Сле-

дова́тельно, только тогда, когда крепость расположена на совершенно исключительном пункте, который нельзя миновать, не взяв крепости, можно было бы строить укрепленный лагерь с особым предназначением мешать атаке. Но какая крепость в Европе,— даже такая грозная, как Мец, вместе с укрепленным лагерем,— может считать, что она занимает именно такое положение?

Далеко не разделяя этой мысли немецких авторов, я, напротив, думаю, что ответ на вопрос, довольно важный для постройки укрепленных лагерей при помощи полевой фортификации около крепостей, расположенных на реке, зависит от решения, что было бы лучше: иметь ли лагерь на том же берегу, где и крепость, или же на другом берегу. В том случае, когда необходимо избрать одно из двух возможных решений, ввиду невозможности расположить крепость на обоих берегах, я без всякого колебания высказался бы за второе решение. В самом деле, чтобы быть убежищем для армии или чтобы содействовать переходу через реку, нужно, чтобы лагерь находился по ту сторону реки лицом к неприятелю. В этом случае главная опасность, которую можно ожидать, состоит в том, что противник атакует лагерь с тыла, перейдя через реку в нескольких милях от него. Если крепость находится на том же берегу, что и лагерь, то она бесполезна, тогда как, если она построена на противоположном берегу против лагеря, было бы почти невозможно атаковать лагерь с тыла. Так, русская армия, которая в 1812 г. не могла удержаться в лагере Дриссы более 24 часов, могла бы долго сопротивляться неприятелю, если бы на правом берегу Двины находилась крепость, прикрывающая тыл лагеря. Точно так же и Моро целых три месяца сопротивлялся усилиям эрцгерцога Карла в Келе, тогда как, если бы не было Страсбурга на противоположном берегу, его лагерь был бы легко обойден посредством переправы через Рейн.

В действительности было бы желательно, чтобы лагерь на том берегу, где он распюложен, тоже был прикрыт, и в этом отношении крепость, занимающая оба берега, хорошо выполняла бы двоякое назначение. Недавно построенная крепость Кобленц, повидимому, составляет эпоху как результат новой системы, принятой пруссаками. Эта система соединяет в себе выгоды укрепленных лагерей и долговременных крепостей и заслуживает глубокого исследования. Но нам достаточно констатировать здесь, что если это огромное укрепление имеет кое-какие недостатки, то все же можно утверждать, что она создает огромные преимущества для армии, предназначенной для действий на Рейне.

В самом деле, неудобство временных укрепленных лагерей, построенных на больших реках, состоит в том, что, как мы уже сказали, они лишь тогда полезны, когда расположены по ту сторону реки, а в этом случае они подвергаются всем опасностям, вытекающим из уничтожения мостов, что может поставить армию в то самое положение, в какое попал Наполеон при Эсслингене, и заставит ее сдаться за полным отсутствием продовольствия и снарядов, а также подвергнет опасности открытой атаки живой силой, от которой временные укрепления никогда не гарантируют. Система отдельных долговременных укреплений, как это применено в Кобленце, создает ту выгоду, что устраняет указанные опасности, прикрывая магазины города, находящиеся на том же берегу, где и армия, и гарантируя последнюю от нападения, по крайней мере, до восстановления мостов.

Если бы город находился на правом берегу Рейна, а на левом берегу находился бы только укрепленный лагерь с временными сооружениями, то, напротив, это не создавало бы никакого обеспечения ни для магазинов, ни для самой армии.

Если бы Кобленц был обычной хорошей крепостью без отдельных фортов, то значительная армия не нашла бы там с такой легкостью для себя убежища, в особенности же ей было бы гораздо меньше удобств для переправы в присутствии противника. Во всяком случае, если Кобленц является грозным крепостным сооружением, то крепостце Эренбрейштейн, имеющей своим назначением прикрывать его на правом берегу, можно сделать упрек, что большая трудность доступа к ней облегчает ее обложение и что переход через реку значительной армии мог бы упорно оспариваться.

С некоторого времени много говорилось о новой системе, использованной эрцгерцогом Максимилианом для усиления укрепленного лагеря Линца посредством каменных башен. Так как я об этом знаю лишь понаслышке и по статье капитана Аллара, напечатанной в «Военном наблюдателе», то не могу судить по этому вопросу компетентно. Я знаю только, что система башен, которую я видел в Генуе, искусно примененная полковником Андреисом, показалась мне могущей быть использованной и усовершенствованной и что, повидимому, эрцгерцог успел уже применить эту систему. Меня уверяли, что построенные в Линце башни, зарытые в оврагах и прикрытые гласисами, имеют ту выгоду, что позволяют вести настильный и сосредоточенный огонь, а сами скрыты от прямых попаданий неприятельских пушек. Такие башни, хорошо фланкированные и соединенные бруствером, могут создать очень большие преиму-

щества для лагеря, но они, тем не менее, всегда будут испытывать неудобства, связанные с закрытыми, сомкнутыми линиями. Если бы башни были изолированы и тщательно прикрыты в интервалах временными сооружениями, которые можно было бы построить с началом войны, то, несомненно, они были бы более выгодны, чем лагерь, прикрытый только флешами или обыкновенными редутами. Но они, повидимому, не могут создать таких преимуществ, какие имеются у больших отдельных фортов Кобленца. Там таких башен около тридцати двух-тридцати шести, из которых восемь на левом берегу с квадратным фортом, господствующим над Пертинсбергом *. Из двадцати четырех башен, находящихся на правом берегу, семь или восемь представляют собою полубашни. Протяжение окружности этой линии равняется, примерно, 10 000 туазов (19 500 *м*) или 5 почтовым лье (т. е. 20 *км*). Башни находятся одна от другой, примерно, на 250 туазов (около 500 *м*) и позже, во время войны, будут связаны дорогой, прикрытой проволочным заграждением. Башни каменные, в три этажа, с террасой, что создаёт главную защиту, потому что на ней расположено одиннадцать пушек из двадцати четырех. Две гаубицы, кроме того, распоожены в верхнем этаже. Эти башни построены в глубоком и широком рве, края которого образуют высокий гласис, предохраняющий, как говорят, башни от прямых попаданий, чему я, однако, верю с трудом.

Говорят также, что эта большая работа стоила почти три четверти того, что стоил пояс, целиком составленный из бастионов и сделавший из Линца первоклассную крепость. Другие утверждают, что стоимость не превышает четверти расходов на пояс и что он выполняет совсем другое назначение. Конечно, было бы совершенно неправильно рассматривать эти укрепления как сделанные для того, чтобы сопротивляться регулярной осаде. Но в качестве укрепленного лагеря они вполне могут дать убежище значительной армии и обеспечить ее переправу через Дунай, и это было бы чрезвычайно важно в случае такой же войны, как в 1809 г. Если бы они существовали в 1809 г., они, вероятно, спасли бы столицу.

Чтобы завершить эту большую систему обороны, может быть, лучше было бы опоясать Линц линией правильно расставленных бастионов, затем построить линию в семь-восемь башен между восточным исходящим углом крепости и устьем Траuна, длиною по прямой всего около 2 000 туазов (3 900 *м*),

---

* На чертеже, который я видел, показано на две или три башни больше, чем на чертеже капитана Аллара.

которые и сохранить как укрепленный лагерь в большой дуге, образованной Дунаем между Линцем и Трауном. Таким образом, была бы получена двойная выгода в виде использования крепости первого ранга и укрепленного лагеря, защищенного окопами. Если бы это устройство и не было слишком обширно, оно, тем не менее, было бы достаточно для большой армии, в особенности если бы были сохранены восемь башен на левом берегу реки и форт Перлингсберг.

Я не буду говорить о дефектах этого лагеря, потому что нужно иметь точный план всей местности на обоих берегах Дуная, и хотя я бывал несколько раз в Линце, я все же не могу вспомнить с достаточной отчетливостью местность вокруг Линца, чтобы правильно о ней судить. Меня удивляет лишь то, что вокруг Линца нет хотя бы редута для содействия отступлению, если лагерь будет захвачен. На это, может быть, возразят, что ни одна армия не сумеет проникнуть через эти башни даже после того, как будет подавлен огонь некоторых из них. Но на это можно ответить, что в подобном случае нелегко соседним башням стрелять по двум армиям, сражающимся на таком узком пространстве, не рискуя нанести столько же поражений своим, сколько и неприятельским войскам. Впрочем, мне хорошо известно, что батареи не могут быть направлены против внутренней части лагеря. Таким образом, после парализования огня четырех башен за № 7—10 крупные массы могут прорваться до Линца. Трудно сказать, какая сумятица тогда начнется, если дело будет в руках какого-нибудь Суворова или Нея и солдат Измаила или Фридланда.

Я не понял как следует необходимости девяти башен за № 21—29, обращенных тылом к Дунаю. Боятся ли высадки на судах посреди 100 000 человек? Нужно ли это для того, чтобы вести огонь против полевых пушек неприятеля, поставленных на левом берегу? Наземных батарей, построенных в момент надобности, вполне хватило бы при таком обеспечении, какое представляет течение Дуная.

В конце концов интересная статья капитана Аллара об этих башнях доказывает, что они хорошо придуманы, чтобы получить наиболее мощный огонь по всей возможной периферии атак, при небольшом числе артиллеристов, хотя и имеется очевидная опечатка в их перечне, приведенном в статье. В горных крепостях вроде Генуи (где использовали впервые эти башни по другому способу), так же как в Безансоне, Гренобле, Лионе, Бельфоре, Бриансоне, Вероне, Праге, Зальцбурге и в фортах, прикрывающих выходы из гор, такие башни

были бы крайне ценны. Что же касается плана лагеря, который, повидимому, несколько велик, то пространство в 9 000—10 000 туазов (до 19 500 м), если его полностью занять войсками в одну линию с резервами, потребовало бы, по крайней мере, 150 батальонов. Но, вероятно, редко будет представляться необходимость охранять одновременно оба берега Дуная на большом протяжении. Настоящая оборона потребуется лишь на протяжении 4 000 туазов (7 800 м) от устья Трауна до верхнего Дуная, вследствие чего 80 батальонов будут вполне достаточны для охраны лагеря. Даже без войск лагерь всегда потребует гарнизона численностью не менее 5 000 человек для занятия всех башен, но эти люди, разбросанные по 32 малым отрядам, не могли бы делать вылазок.

В конечном счете, если бы Вена владела еще старым поясом укреплений, а ее гарнизон сумел бы хорошо использовать эти укрепления, противнику пришлось бы дважды подумать, прежде чем рискнуть атаковать два подобных укрепления и двигаться долиной Дуная вперед, не беспокоясь о столице. Это можно было бы осуществить лишь по дороге на Каринтию после полного поражения армии, как это было в Ульме, Иене и Ватерлоо, или когда она была бы загнана в укрепленный лагерь Линца.

О ПРЕДМОСТНЫХ УКРЕПЛЕНИЯХ

Из всех полевых фортификационных сооружений самыми важными являются предмостные укрепления. Трудности перехода через реки, в особенности через большие реки, когда этот переход должен производиться в виду неприятеля, с достаточной ясностью показывает неизмеримую пользу предмостных укреплений. В самом деле, гораздо легче можно обойтись без укрепленных лагерей, чем без этих сооружений, потому что, обеспечив свои мосты от внезапных нападений, можно считать себя гарантированным от всяких гибельных случайностей, которые могут произойти при вынужденном отходе к берегам большой реки.

Когда эти предмостные укрепления служат редюитом для более обширного укрепленного лагеря, они вдвойне выгодны. Они будут выгодны втройне, если будут захватывать также берег, противоположный тому, на котором расположен лагерь, потому что тогда оба эти укрепления будут оказывать друг другу поддержку и обеспечат в равной мере оба берега. Бесполезно было бы добавлять, что эти сооружения в особен-

ности важны в неприятельской стране и на всех фронтах, где нет долговременных укреплений, которые могли бы заменить эти предмостные укрепления.

Я замечу еще здесь, что главное различие между системой укрепленных лагерей и предмостных укреплений состоит в том, что первые предпочтительнее, когда они состоят из отдельных замкнутых сооружений, тогда как предмостные укрепления чаще должны представлять собою сооружения непрерывные и открытые. Укрепленные лагери, когда они расположены непрерывно, могут быть обороняемы только с помощью довольно больших сил, необходимых для занятия укреплений на всем их протяжении. Но если укрепления лагеря состоят из отдельных закрытых сооружений, то достаточно корпуса, чтобы обезопасить их от внезапного нападения.

Статья XXVIII *

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ В ГОРАХ

Мы не представили бы стратегии со всех ее сторон, если бы не дали обзора ее значения в горной войне. Мы не претендуем ни в коей мере на исследование здесь местных постов и укреплений, имеющих репутацию почти неприступных. Они составляют романтическую часть тактики боев; мы же постараемся только указать значение горной страны в вопросах, составляющих содержание настоящей главы.

Горная страна представляется нам в комбинациях войны с четырех совершенно различных точек зрения. Горная страна может быть целым театром этой войны или же составлять только одну из ее зон. Также возможно, что вся поверхность гориста или же местность представляет собою только пояс гор, по переходе через которые армия входит в обширные и богатые равнины.

За исключением Швейцарии, Тироля, Норических провинций (куда я включаю Каринтию, Штирию, Карниолию и Иллирию), нескольких турецких и венгерских провинций, Каталонии и Португалии, все прочие страны Европы заключают в себе

---

* Эта статья была первоначально посвящена большим отрядам, но особые причины побудили меня говорить о них в гл. V, ст. XXXVI, так как они относятся уже к активным и смешанным операциям.

только отдельные горные пояса *. В последнем случае это не что иное, как трудное для форсирования дефиле, временное препятствие, которое после его преодоления дает армии скорее даже выгоды, чем представляет для нее опасность. В самом деле, когда это препятствие преодолено и война перенесена на равнину, тогда можно форсированную, так сказать, нами цепь гор рассматривать как своего рода временный базис, на который можно отступить и найти временное убежище. В подобном случае необходимо соблюсти лишь одно существенное условие, а именно — не дать противнику возможности предупредить нас, когда мы вынуждены отступать.

Даже Альпы не составляют исключения из этого правила в той своей части, которая отделяет Францию от Италии. Пиренеи, цепь гор которых менее возвышена, но столь же глубока, также относятся к этой категории. Только в Каталонии они покрывают все пространства страны до Эбро, и если бы война ограничивалась этой провинцией, то весь театр, будучи гористым, по необходимости привел бы к другим комбинациям, чем страна, где существует только один пояс гор.

Венгрия в этом отношении мало отличается от Ломбардии и Кастилии, потому что, если даже Карпатские горы представляют в своих восточной и северной частях достаточно высокий пояс, почти как Пиренеи, то нужно признать, однако, что это только временное препятствие и что армия, которая его преодолеет, выйдет в бассейны рек Ваага, Нейтры или Тиссы либо на поля Монгача. Она будет решать свои большие вопросы в обширных равнинах между Дунаем и Тиссой. Единственное различие — в дорогах, которые в Альпах хотя и редки, но прекрасны, в Венгрии же их или вовсе нет, или они мало проезжие **.

В своей северной части эта цепь гор, может быть, менее возвышенная, но более растянутая в глубину, принадлежит, по-видимому, некоторым образом к разряду театров, полностью гористых. Однако, так как горы составляют лишь часть общего театра и эвакуация их может быть вынуждена в результате решительных операций в долинах Тиссы или Ваата, то

---

* Я не упоминаю здесь о Кавказе потому, что эта страна, бывшая театром непрерывной малой войны, недостаточно глубоко исследована. На Кавказ всегда смотрели как на второстепенный театр действий при крупных вооруженных конфликтах империи, который никогда не будет театром большой стратегической операции.

** Я говорю о состоянии страны в 1810 г. и не знаю, присоединилась ли Венгрия впоследствии к большому движению, проявившемуся в Австрии в деле улучшения дорог и создания крупных стратегических путей сообщения.

их можно рассматривать как временные преграды. В конце концов нужно сознаться, что вопросы атаки и обороны этой страны по своему крайнему интересу достойны двойного стратегического изучения.

Цепи гор Богемских, Вогезов и Шварцвальда хотя и гораздо менее значительны, но также могут быть включены в категорию горных поясов.

Если вся страна — сплошь гористая, как Тироль и Швейцария, и образует только одну зону театра операций, то значение таких гор лишь относительное. В таком случае можно более или менее ограничиться прикрытием их, подобно крепости, чтобы перейти к решению крупных вопросов в долинах. Совсем другое дело, если подобная страна образует главный театр военных действий.

Долгое время сомневались, доставляет ли обладание горами господство над долинами, или же, наоборот, владение долинами доставляет господство и над горами? Эрцгерцог Карл, этот столь просвещенный и компетентный судья, склоняется к последнему утверждению и доказывает, что долина Дуная была и является ключом к Южной Германии. Однако, нужно согласиться, что в подобного рода вопросах все зависит от того, каковы относительные силы и каково отношение правительства и населения страны. Если бы 60 000 французов продвинулись в Баварию, имея перед собой австрийскую армию равной силы, которая бросила бы 30 000 человек в Тироль в надежде по достижении реки Инна заменить их подкреплениями, то в этом случае было бы весьма затруднительно для французов дойти до этой линии, оставив на своих флангах подобную силу, господствующую над выходами из Шарница, Фуссена, Куфштейна и Лофера. Но если бы эта французская армия имела до 120 000 бойцов и одержала достаточно большую победу для обеспечения превосходства над противостоящей ей армией, тогда она всегда могла бы сформировать довольно сильный отряд для прикрытия выходов из Тироля и продолжать свой марш до Линца, как это и сделал Моро в 1880 г.

До сих пор мы рассматривали горные страны только как второстепенные зоны, если же мы будем их рассматривать как главный театр всей войны, то все вопросы несколько, хотя и мало, изменятся, а стратегические комбинации, повидимому, усложнятся. Кампании 1799 и 1800 гг. в равной мере богаты интересными поучениями в этой области военного искусства. В опубликованном мною описании я старался показать эти уроки в самом историческом изложении событий. Считаю необходимым отослать к ним моих читателей.

Если припомнить мои рассуждения о результатах необдуманного вторжения в Швейцарию, предпринятого французской директорией, и о гибельном его влиянии вследствие удвоения размеров театра военных действий и объединения в один театр пространства от Текселя до Неаполя, то нельзя не аплодировать гению, который внушил венскому и парижскому кабинетам договоры, гарантировавшие в продолжение трех столетий нейтралитет Швейцарии. Всякий может убедиться в этой истине, прочтя внимательно описания интересных кампаний эрцгерцога Карла, Суворова и Массены 1799 г., а также Наполеона и Моро в 1800 г. Первая из этих кампаний может служить образцом операций на театре, сплошь гористом, а вторая—образцом войн, в которых участь горных стран должна решаться в долинах.

Я попытаюсь вкратце изложить здесь несколько истин, которые, по моему мнению, вытекают из критического рассмотрения этого опыта.

Когда страна, перерезанная горами на всем своем пространстве, становится главным театром операций двух армий, то комбинации стратегии не могут основываться на правилах, применимых при действиях в открытых странах.

В самом деле, маневры войск для выхода против фланга операционного фронта противника становятся там весьма трудными для выполнения, а часто и совсем невозможными. В подобной стране можно действовать со значительной армией только в небольшом числе долин, где неприятель, вероятно, разместит достаточные авангарды, чтобы задержать движение армии на такое время, которое необходимо для сосредоточения средств по срыву всего предприятия. Поскольку же в этих горах, разделяющих долины, обычно имеется лишь небольшое число тропинок, недостаточное для движения армий, то никакой поперечный переход не может иметь места, если только он не производится легкими дивизиями.

Важные стратегические пункты, отмеченные самой природой в местах соединения главных долин и, пожалуй, при слиянии текущих по ним рек, настолько заметны, что нужно быть слепым, чтобы их не увидеть и не узнать. Так как их притом же и немного, то обороняющаяся армия займет их своими главными силами, а нападающий чаще всего будет вынужден для вытеснения неприятеля прибегнуть к прямым атакам живой силой.

Однако, если крупные стратегические движения производятся там редко и бывают затруднительны, то это вовсе не значит, что они там имеют меньшее значение. Напротив, если

нападающему удастся захватить один из узлов сообщения больших долин на пути отступления неприятеля, то гибель последнего будет еще более несомненна, чем в равнинных странах. Занимая на этой линии одно или два дефиле с трудным доступом, часто можно уничтожить целую армию.

Но если атакующий встречает затруднения, которые приходится преодолевать, то нужно признать, что и обороняющаяся армия имеет их не меньше. Это происходит оттого, что ей необходимо прикрывать все проходы, по которым можно пройти значительными силами к решающим пунктам, а также вследствие трудности поперечных движений при необходимости быстро направиться к угрожаемым пунктам. Чтобы дополнить сказанное выше о поперечных маршах и о трудностях управления ими в горах, я позволю себе напомнить движение, которое выполнил Наполеон в 1805 г. с целью отрезать Макка от Ульма.

Если, с одной стороны, сто дорог, которые перерезывают Швабию во всех направлениях, облегчили этот марш-маневр,— который был бы невозможен в горной стране, за отсутствием поперечных путей, чтобы сделать большой обход от Донауверта через Аугсбург на Меммингген, — то все же нужно согласиться, что благодаря именно этой сотне дорог Макк в равной мере мог бы с большей легкостью отступить, чем в том случае, если бы он был обойден в долинах Швейцарии и Тироля, откуда он мог выйти только по одной дороге.

С другой стороны, полководец, вынужденный обороняться, может в равнинной стране большую часть своих сил держать сосредоточенными, потому что если неприятель разделится для занятия всех дорог, по которым полководец мог бы совершить свое отступление, то ему будет легко прорваться при большом числе изолированных отрядов противника. В гористой же стране, где армия обыкновенно имеет не более одного или двух главных проходов, к которым подходят также другие долины по направлению к местности, занятой неприятелем, такое сосредоточение сил становится более трудным, потому что, если армия пренебрежет одной из этих важных долин, то для нее это может закончиться крупными неудобствами.

В самом деле, ничто так хорошо не доказывает трудности стратегической обороны в горах, как затруднения, в которых находятся, когда хотят дать если не правила, то, по крайней мере, хоть советы полководцу, получившему подобную задачу. Несомненно, не было бы особых затруднений, если бы дело шло только о защите одного определенного операционного фронта не слишком большого протяжения, образованного че-

тырьмя или пятью долинами, сходящимися радиусами и оканчивающимися в центральном узле этих долин в двух или трех небольших переходах от вершин цепи гор. Тогда достаточно было бы посоветовать построить хорошее укрепление на каждом из этих радиусов в точке дефиле, где оно всего уже и где его всего труднее обойти. Затем, под прикрытием этих укреплений, надо было бы расположить несколько пехотных бригад для защиты прохода, в то время как резерв в составе половины армии расположился бы в центральном узле соединения долин и был бы готов или поддержать эти авангарды в наиболее угрожаемых направлениях, или обрушиться всей массой на наступающего, когда он захотел бы дебушировать и когда можно было бы сосредоточить все колонны для его встречи. Присоединяя к этому боевому расположению хорошие инструкции командующим авангардами с указанием сборного пункта на случай прорыва этого рокового кордона или с директивой продолжать действия в горах на фланге противника, можно считать эту позицию непреодолимой благодаря тысяче затруднений движению нападающего со стороны местности. Но если рядом с таким операционным фронтом находится еще почти такой же с правой стороны, а третий — с левой, и если дело идет о защите всех этих фронтов под страхом поражения при первом приближении противника того из них, которым пренебрегли, то положение меняется, затруднения защитника удваиваются по мере удлинения оборонительной линии, и появляется на сцену система кордона со всеми свойственными ей опасностями, так как принять какую-либо иную систему было бы затруднительно.

Едва ли можно лучше убедиться в этих истинах, как припомнив позицию Массены в Швейцарии в 1799 г. После потери Журданом сражения при Штоккахе Массена удерживал пространство от Базеля через Шафгаузен и Рейнеке до Сен-Готарда и оттуда через Фурку до Монблана. Неприятель был перед ним в Базеле, Вальдсхуте, Шафгаузене, Фельдкирхе, Куаре. Корпус Бельгарда угрожал Сен-Готарду, итальянская армия Симплону и Сен-Бернару. Как защищать окружность подобного круга? Как оставить хотя бы одну из больших долин без прикрытия, не рискуя потерять все? От Рейнфельда до Юры к Солеру только два небольших перехода, и там-то, в этой западне, находилась французская армия. Это, следовательно, и была ось обороны. Но как оставить без защиты Шафгаузен, как предоставить самим себе Рейнеке и Сен-Готард? Как открыть Вале и доступ к Берну, не сдавая всей

Гельвеции (Швейцарии) коалиции? И если бы Массена хотел все прикрыть, хотя бы просто бригадами, то откуда было бы взять армию для решительного сражения с неприятельскими массами? Сосредоточить все силы в долинах было естественной системой действий, но в местности, где проходы очень трудны, это значило бы отдать неприятелю ключи от этой страны, и тогда неизвестно было бы, в какой стороне можно, не подвергаясь опасности, сосредоточить армию, уступающую по своей численности противнику.

В той обстановке, в какой находился Массена после вынужденного очищения французами линии Рейна и Цюриха, единственным стратегическим пунктом, который, казалось, следует защищать, была линия Юры. Он же был настолько бесстрашен, что остался на линии Альбиса, которая была короче, чем линия Рейна, но которая еще находилась на огромном протяжении под ударами австрийцев. Массена погиб бы, если бы гофкригсрат велел Бельгарду, вместо того чтобы спуститься в Ломбардию через Вальтелин, двинуться к Берну или соединиться с эрцгерцогом Карлом. Можно, следовательно, сказать, что страны с высокими горами способствуют тактической обороне, но это не может относиться к обороне стратегической, потому что она, вынужденно раздробляя свои силы, должна стремиться парализовать это неудобство, увеличивая свою подвижность и часто переходя в наступление.

Генерал Клаузевиц, логика которого часто грешит, полагает, напротив, что, так как движение составляет трудную часть войны в горах, то обороняющийся должен избегать малейшего движения из опасения потерять преимущества местной обороны. Между тем он сам заканчивает тем, что пассивная оборона рано или поздно должна пасть под напором активной атаки. А это доказывает, что инициатива не менее выгодна в горах, чем в долинах и равнинах. Если и можно было в этом сомневаться, то кампания Массены окончательно в этом убеждает, потому что если он и держался в Швейцарии, то только потому, что всякий раз атаковал противника, когда к этому представлялся случай, хотя ему для этого приходилось доходить до Гримзеля и Сен-Готарда. Наполеон то же самое делал в Тироле в 1796 г. против Вурмзера и Альвинци.

Что касается подробностей относительно стратегических движений, то об этом предмете можно составить себе представление, прочтя описания непостижимых событий, которые сопровождали поход Суворова через Сен-Готард в Муттенталь. Горячо аплодируя маршу-маневру, совершенному по приказанию русского фельдмаршала, задачей которого был за-

хват Лекурба в долине Рейсы, нельзя вместе с тем не удивляться присутствию духа, активности и непреклонной твердости, которые спасли этого генерала и его дивизию. Впоследствии мы видим Суворова в Шахентале и Муттентале точно в таком же положении, в каком был и Лекурб; однако, из этого положения он с большим искусством выпутался. Не менее удивительной кажется и прекрасная 10-дневная кампания генерала Молитора. С 4 000 человек он был окружен в Гларисском кантоне более чем 30 000 союзников и все же сумел, дав четыре удивительных сражения, удержаться за Линтой.

Именно изучение этих событий дает возможность полностью увидеть *всю тщетность детальных теорий* и убедиться, что, в горной войне в особенности, твердая и героическая воля является наиболее действительным фактором, превосходя все рецепты, какие только можно дать. Разве после стольких уроков я не могу сказать, что одно из главных правил подобной войны состоит в том, что нельзя рисковать спускаться в долины, не овладев высотами? Правило это настолько простое, что его должен знать каждый командир стрелковой роты. Разве не могу я также сказать, что в такой войне, более чем в какой-либо другой, нужно стремиться действовать против сообщений неприятеля; наконец, что в этих трудных для действий странах лучшими средствами обороны будут временные базисы или оборонительные линии, расположенные в центре слияния больших долин и прикрытые стратегическими резервами, обладающими большой подвижностью и применяющими частые переходы в наступление.

Я не могу, однако, закончить эту статью, не заметив, что горные страны в особенности становятся благоприятны для обороны, когда война носит действительно народный характер и когда население, поднявшееся с оружием в руках, защищает свои очаги с тем упорством, которое рождается на почве энтузиазма борьбы за святое дело. Тогда каждый шаг наступающего покупается ценою тяжких жертв. Но для успеха борьбы необходимо, чтобы население все время поддерживалось более или менее многочисленной дисциплинированной регулярной армией, без содействия которой храбрые жители скоро будут побеждены, как герои Штанца и Тироля.

* * *

Наступление против горной страны тоже дает основание двум предположениям: наступление будет вестись против горного пояса, за которым идет обширная равнинная шахматная

доска театра операций, или же наступление будет вестись на театре, полностью покрытом горами.

Для первого случая можно дать только одно правило, а именно: производить демонстрации на всем протяжении границы, чтобы заставить противника организовать свою оборону на широком фронте, а затем форсировать проход, ведущий к решающему пункту, что обещает наилучшие результаты. Здесь дело идет о прорыве кордона, — слабого с точки зрения численности, но сильного вследствие особенностей местности. Когда этот кордон прорван в одном пункте, то прорвана и вся линия. Читая историю Бардского укрепления в 1800 г. или же историю захвата Лейташа и Шарница в 1805 г. Неем, который с 14 000 человек бросился на Инсбрук в гущу 30 000 австрийцев, сумел завладеть этим центральным пунктом и принудить австрийцев к отступлению во всех направлениях, можно думать, что хорошей пехотой с отважными командирами во главе эти пресловутые горные пояса всегда могут быть форсированы.

История перехода через Альпы, когда Франциск I, преодолев крутые горы между Монжени и долиной Квейрас, обошел неприятеля, ожидавшего его в Сузе, дает пример подобных *непреодолимых препятствий, которые всегда преодолеваются.* Чтобы воспрепятствовать этому, приходится прибегать к кордонной системе, а мы уже сказали, чего можно ожидать от нее. Расположение в Сузе швейцарцев и итальянцев, вошедших в одну долину, было не лучше кордона; оно было даже хуже, потому что запирало армию в ущелье, не охраняя боковых долин. Стратегия в данном случае рекомендовала продвинуть легкие отряды в эти долины для борьбы за находившиеся там проходы, а главные силы армий расположить около Турина или Каринъяна.

Если принять во внимание тактические трудности горной войны и огромные выгоды, которые эта война, повидимому, обеспечивает обороне, то явится искушение признать совершенно безрассудным маневром сбор значительной армии в одной общей массе для проникновения через единственную долину, и предпочесть разделение армии на столько же колонн, сколько будет удобных проходов. По моему мнению, здесь одно из самых опасных заблуждений, которое можно только допустить. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить судьбу колонн Шампионэ в сражении при Фоссано. Если на угрожаемом вторжением фронте существует пять или шесть удобных дорог, то необходимо тревожить все эти дороги, но через цепь гор нужно перейти не больше, чем

в двух группировках. Кроме того, в этом случае необходимо чтобы долины, по которым предположено пройти, не были в расходящихся направлениях, потому что иначе они не дадут успеха, если противник хоть в какой-либо мере подготовится к встрече их при выходе. Система, которой следовал Наполеон при переходе через Сен-Бернар, является, повидимому, наиболее разумной. Он образовал самую сильную массу в центре, а две дивизии направил справа и слева через Монжени и Симплон, чтобы отвлечь внимание противника и обеспечить фланги марша-маневра.

Вторжение в страну, которая не только опоясана горами, но и внутреннее пространство которой представляет собою непрерывный ряд гор, требует более продолжительного времени и более трудно, чем вторжение в такие земли, где можно надеяться на развязку путем решительного сражения на равнине. Это происходит потому, что в горной местности почти нет поля сражения, пригодного для развертывания на нем больших масс, и война там превращается в ряд мелких частных боев. В подобном случае, может быть, было бы неблагоразумно проникать в одном лишь пункте через узкую и глубокую долину, которую противник может закрыть и тем поставить армию в тяжелое положение, но можно проникать на флангах по двум или трем боковым линиям, выходы из которых не были бы слишком удалены один от другого, сочетая переходы таким образом, чтобы выйти на слияния долин почти одновременно и стремясь вместе с тем вытеснить противника из всех укреплений, которые могли бы разделить вторгающиеся части. Из всех сплошь гористых стран Швейцария, несомненно, представляет собой такую страну, где легче всего можно осуществить тактическую оборону, если ее милиция будет проникнута одним и тем же духом. С помощью такой милиции регулярная дисциплинированная армия могла бы сопротивляться наступлению втрое больших сил.

Было бы нелепо давать твердые рецепты для тех сложных условий, которые до бесконечности умножаются в связи с местными обстоятельствами, искусственными сооружениями, состоянием населения и армий. Одна только история, но история хорошо продуманная и хорошо изложенная, могла бы служить настоящей школой войны в горах.

Описание кампании 1799 г., данное эрцгерцогом Карлом, описание тех же кампаний, которые я даю в своей «Критической истории революционных войн», описание Сегюра и Матье-Дюма кампаний Сен-Сира в Гризоне и Сюше в Каталонии, кампании герцога Рогана в Вальтелине, перехода

через Альпы Гайяра (история Франциска I) — вот хорошие руководства для такого изучения. То же следует сказать и о мемуарах генерала Лекурба. Впрочем, недавнее создание в Италии и во Франции альпийских войск по усовершенствованному австрийскому образцу показывает, что требования горной войны не выпали из поля зрения европейских государств.

Статья XXIX

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БОЛЬШИХ ВТОРЖЕНИЯХ И ЭКСПЕДИЦИЯХ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ

Так как мы уже упомянули о войнах на отдаленных театрах и о вторжениях с точки зрения отношения к государственной политике, то нам остается лишь сжато исследовать их и с военной точки зрения. Мы испытываем некоторое затруднение, желая отвести им в этом очерке их истинное место, потому что, если, с одной стороны, они, повидимому, скорее принадлежат к разряду эпических измышлений, чем к стратегическим комбинациям, то, с другой стороны, можно сказать, что за исключением больших расстояний, увеличивающих их трудности и опасности, эти отважные экспедиций, тем не менее, все же дают возможность вести все те операции, которые встречаются и в других войнах. В самом деле, они имеют свои сражения, свои бои, свои осады и даже свои операционные линии, так что более или менее входят в различные отрасли военного искусства, являющегося предметом этого труда. Впрочем, здесь речь идет о том, чтобы рассмотреть их только в общем виде, а так как они отличаются от других войн с точки зрения операционных линий в особенности, то мы помещаем их вслед за главой, трактующей об операционных линиях.

Существует несколько видов дальних экспедиций: прежде всего это экспедиции, выполняемые на суше как вспомогательные, — о них мы говорили в ст. V о войнах-интервенциях; затем это большие сухопутные вторжения, ведущиеся через обширные страны, более или менее дружественные, нейтральные, сомнительные или же враждебные; далее это экспедиции такого же рода, но выполняемые частично сухим путем, а частично морем, с помощью многочисленных флотов; потом это заморские экспедиции для основания отдаленных колоний, защиты их или нападения на них; наконец, это большие десанты, менее отдаленные, но производящиеся для нападения на большие государства.

Мы уже указали в ст. V на некоторые неудобства, с которыми встречаются вспомогательные войска, посылаемые в отдаленные страны для помощи государствам, обусловленной оборонительными или союзными договорами. Несомненно, что со стратегической точки зрения русская армия, отправленная на Рейн или в Италию для действий совместно с германскими государствами, будет находиться в гораздо более выгодном и более устойчивом положении по сравнению с тем случаем, когда она проходила бы через враждебные или даже нейтральные страны. Ее базис, операционные линии и случайные опорные пункты будут теми же, что и у ее союзников. Она найдет убежище на их оборонительных линиях, припасы — в их магазинах, боеприпасы — в их арсеналах, тогда как в противном случае все эти средства она смогла бы найти только на Висле, на Немане или же в каком-либо мало надежном морском порту и могла бы испытать участь всех гигантских вторжений, которые закончились провалом.

Несмотря, однако, на существеннейшее различие между такой вспомогательной войной и вторжением на далеком расстоянии, предпринятым в своих собственных интересах и за счет своих собственных средств, нельзя все же не заметить опасностей, которым подвержены эти вспомогательные корпуса, и затруднений, которые испытывает главнокомандующий в том случае, когда он является представителем державы, играющей вспомогательную роль. Кампания 1805 г. дает этому сильное подтверждение. Кутузов с 30 000 русских войск продвинулся до Инна, до границ Баварии. Армия Макка, с которой он должен был соединиться, была совершенно разгромлена, за исключением 18 000 человек, приведенных Кинмайером в Донауверт. Таким образом, на русского генерала с армией менее 50 000 бойцов обрушивается вся бурная активность Наполеона, у которого 150 000 человек. В довершение бедствия Кутузов удален от своих границ на 300 лье (1 200 *км*). Такое положение было бы отчаянным, если бы вторая армия в 50 000 человек не прибыла для его прикрытия в Ольмюц. Однако, сражение при Аустерлице — результат ошибки начальника штаба Вейротера — снова поставило русскую армию в затруднительное положение вдали от ее базиса. Она сделалась, таким образом, жертвой дальнего союза, причем одно только заключение мира дало ей возможность вернуться домой.

Участь Суворова после победы, одержанной при Нови, и особенно за время похода в Швейцарию, положение корпуса Германа в Бергене (Голландия) — все это уроки, которые дол-

жен обдумать всякий начальник, призванный для выполнения подобной задачи. Положение генерала Беннигсена в 1807 г. было менее затруднительно, так как он сражался между Вислой и Неманом, т. е. опирался на свой базис, причем его операции ни в чем не зависели от союзников. Можно напомнить также судьбу, которая постигла французов в Богемии и Баварии в 1742 г., когда Фридрих II предоставил их самим себе, заключив сепаратный мир. Правда, французы вели войну как союзники, а не как вспомогательные войска. Но и в данном случае политические связи никогда не бывают достаточно прочны, чтобы не вызывать никаких разногласий, которые могут неблагоприятно отразиться на военных операциях. По этому поводу мы уже приводили примеры в ст. XIX, говоря о политических объектах действий.

* * *

Что касается вторжений, совершаемых на далекие расстояния через обширные континенты, то тут только одна история может быть наставницей.

Когда Европа была наполовину покрыта лесами и лугами, когда для переселения целых народов с одного конца Европы до другого нужны были только лошади и мечи, — тогда готы, вестготы, гунны, вандалы, аланы, варяги, франки, норманны, арабы и татары покоряли своими набегами целые империи. Но после изобретения пороха и артиллерии, после образования огромных постоянных армий, в особенности же с тех пор как цивилизация и политика гораздо более сблизили государства, показав им необходимость поддерживать друг друга, такие события уже не могут иметь места.

Независимо от великого переселения народов, средние века ознаменовались еще не ярко выраженными военными экспедициями. Походы Карла Великого, почти современные ему нашествия Олега и Игоря до ворот Константинополя, набеги арабов почти до берегов Луары придают этой эпохе IX и X столетий особый характер. Но так как эти события равно далеки от нас и по времени, и по элементам, составляющим армии и народы, а также потому, что в них больше моральных поучений, чем стратегических правил, то мы ограничимся тем, что в конце этой главы дадим их краткий очерк.

Со времени изобретения пороха к вторжениям на далекие расстояния можно причислить только нашествие Карла VIII на Неаполь и вторжение Карла XII в Украину, так как кампании испанцев во Фландрии и шведов в Германии были со-

всем другого рода. Первые * принадлежали к войнам гражданским, а последние были лишь вспомогательным средством в войнах протестантов. Кроме того, все эти экспедиции и походы выполнялись небольшими войсками.

Следовательно, в новейшие времена только один Наполеон осмелился перебрасывать регулярные армии через половину Европы с берегов Рейна до берегов Волги. Стремление к подражанию ему появится не скоро. Надо, чтобы появился новый Александр и новые македонцы, которые могли бы действовать против полчищ Дария, и тогда такие предприятия будут иметь успех. Правда, нежная привязанность современных обществ к роскоши и наслаждениям может возродить такие армии, как армия Дария, но где же найти Александра и его фаланги?..

Хотя и позволительно думать, что политические догматы иногда могут быть прекрасным союзником, как мы видели в статье о войнах за убеждения, но не нужно забывать, что в наше время с помощью корана не завоюешь даже какой-либо области, так как для этого нужны пушки, бомбы, ядра, порох и ружья. А с подобными средствами при всех комбинациях весьма важным фактором являются расстояния, поэтому-то прогулки номадов ныне уже не ко времени.

Вторжение за 200 лье (800 *км*) от своего базиса — в наше время предприятие трудное. Вторжения Наполеона в Германию были успешны без помощи доктрин потому, что, будучи направлены против пограничных государств и имея своим базисом грозную преграду Рейна, они встретили в первой линии второстепенные государства, мало связанные между собой и потому ставшие под его знамена. Таким образом, его базис вдруг переместился с Рейна на Инн. При вторжении в Пруссию Наполеон воспользовался незащищенностью Германии после событий при Ульме, Аустерлице и после Шенбруннского мира, которые заставили Берлин испытать всю тяжесть наполеоновского могущества. Что касается первой войны в Польше, которую можно уже причислить к отдаленным нашествиям, то мы сказали уже в другом месте, что своими успехами Наполеон был больше обязан колебаниям своих противников, чем собственным комбинациям, хотя они и были столь же искусны, как и смелы.

Вторжения Наполеона в Испанию и Россию были менее удачны. Но их неудача произошла не вследствие недостатка соблазнительных политических обещаний. В доказательство можно привести замечательную речь Наполеона в 1808 г.,

---

* Т. е. кампании испанцев.— *Ред.*

обращенную к депутации Мадрида, и его прокламации к русскому народу.

Что касается Германии, то, будучи вполне уверенным в пользе введенного там нового политического порядка, он все же остерегался поколебать социальный порядок в целях угождения народным массам. Он потерял в конце концов привязанность этих масс вследствие опустошений, неизбежных при больших войнах, и вследствие жертв, требовавшихся в результате континентальной системы, а не потому, что он испытывал антипатию к радикальным доктринам.

Оставляя в стороне случайности, которые являются результатом больших расстояний, все вторжения, как только армия прибыла на театр, где она должна действовать, являются такими же операциями, как и всякие другие. Так как главное затруднение состоит в больших расстояниях, то можно рекомендовать правила, относящиеся к длинным, глубоким операционным линиям, и правила о стратегических резервах и случайных базисах. Это единственные полезные правила, а их применение становится в этих случаях даже необходимым, хотя они далеко не устраняют всех опасностей.

Столь роковая для Наполеона кампания 1812 г., может, тем не менее, служить образцом, на который можно сослаться при рассмотрении войн подобного рода. Оставив Шварценберга и Рейньера на Буге, Макдональда, Удино и Вреде для охраны Двины, Беллюна же — для прикрытия Смоленска, которого Ожеро сменил между Одером и Вислой, Наполеон доказал, что он не пренебрег ни одной доступной для человека предосторожностью, чтобы организовать для себя удобный, выгодный базис. Но это доказывает также, что самые великие предприятия гибнут именно вследствие грандиозности приготовлений, предпринимаемых для обеспечения их успеха.

Если Наполеон и допустил ошибки в этой гигантской борьбе, то это были, главным образом, такие ошибки, которые явились результатом пренебрежения политическими предосторожностями; ему следовало объединить под начальством одного командира разные корпуса, оставленные на Двине и Днепре, ему не следовало задерживаться на десять лишних дней в Вильне; нельзя было передавать командование своим правым флангом брату, неспособному вынести всю тяготу этой задачи; наконец, ему не следовало поручать князю Шварценбергу такой задачи, которую тот не мог выполнять с таким же рвением, как французский генерал. Я не говорю уже об ошибке, состоявшей в том, что он оставался в Москве после

пожара, потому что хотя и тогда уже нельзя было исправить зла, но все же оно не было бы так велико, если бы отступление последовало тотчас же после пожара. Наполеона обвиняли также в том, что он слишком пренебрег расстояниями, трудностями всякого рода и людьми, доведя столь безумное предприятие до стен Кремля. Чтобы вынести обвинительный или оправдательный приговор, нужно было бы хорошо знать истинные причины, которые могли побудить его или заставить пройти мимо Смоленска, вместо того чтобы остановиться и провести там зиму, как он об этом объявил сам. Наконец, нужно было бы убедиться в том, мог ли он, не уничтожив сначала русскую армию, оставаться между Смоленском и Витебском?

Вовсе не желая присваивать себе права судьи в столь грандиозном процессе, я признаю, что даже те, которые это право себе присваивают, не всегда находятся на высоте подобной задачи и не имеют необходимых сведений для выполнения ее. В этом деле верно лишь то, что Наполеон слишком крепко забыл про те враждебные чувства, которые Австрия, Пруссия и Швеция питали к нему. Он слишком рассчитывал на разрыв между Вильной и Двиной. Правильно оценивая храбрость русских армий, он не так правильно оценил национальный дух и энергию населения. Наконец, вместо того чтобы заручиться искренней, бескорыстной помощью великой военной державы, используя соседние ей государства как надежный базис при нападении на колосса, которого он хотел поколебать, он все свое предприятие обосновал на содействии и поддержке народа, хотя храброго и восторженного, но легкомысленного, лишенного всех тех элементов, которые составляют основу сильного государства. Затем, вместо того чтобы полностью использовать этот скоропреходящий энтузиазм, он его парализовал по каким-то несвоевременным соображениям.

Участь всех предприятий подобного рода в действительности показывает, что для обеспечения успеха «никогда не следует предпринимать такие вторжения без обеспеченного содействия заинтересованной в этом вторжении значительной державы, достаточно близкой к театру операций. Благодаря этому содействию можно получить на границе удобный базис для предварительного образования там запасов всякого рода и для подготовки убежища на случай неудачи, а также средств для перехода, в случае необходимости, к новому наступлению».

Что касается правил, которые относятся к ведению такой войны вторжения и которые было бы желательно получить от стратегии, то слишком смело рассчитывать на них без

помощи вышеупомянутых мер политической предосторожности, потому что все предприятие в целом есть полное нарушение всех законов стратегии. В конце концов различные меры предосторожности, указанные в ст.ст. XXI и XXII (об обеспечении глубоких операционных линий, об образовании промежуточных базисов), являются единственными военными средствами, могущими уменьшить опасность предприятий. К этому можно добавить еще правильную оценку расстояний, различных затруднений, времен года, характера страны, одним словом — верность оценки и расчетов, а также умеренность при победе, т. е. умение во-время остановиться.

Впрочем, мы далеки от мысли, что можно дать правила, могущие обеспечить успех больших отдаленных вторжений: в продолжение четырех тысяч лет они создали славу только пяти или шести завоевателям, а сотни раз были бедствием для народов и армий.

Исчерпав почти все, что можно сказать существенного об этих вторжениях на суше, нам остается лишь сделать несколько замечаний об экспедициях и походах, наполовину сухопутных, а наполовину морских, составляющих третью категорию войн-вторжений.

Предприятия подобного рода стали очень редкими после изобретения артиллерии, и я думаю, что крестовые походы были последним примером этого рода. Может быть, причина этого состоит в том, что обладание морями, последовательно переходя из рук двух или трех второстепенных держав, попало, наконец, в руки островной державы, которая имеет много эскадр, но не имеет сухопутных армий, необходимых для подобного рода походов.

Как бы то ни было, но из этих двух совместно действующих причин с очевидностью вытекает, что мы уже не живем больше во времена, когда Ксеркс шел сухим путем для завоевания Греции, а за ним следовали 4 000 кораблей различной величины или когда Александр Великий прошел от Македонии через Малую Азию до Тира, в то время как его флот следовал вдоль побережья.

Но хотя подобные набеги и не производятся более, тем не менее, верно, что помощь военной эскадры и транспортного флота всегда давала бы громадные выгоды, если бы крупная сухопутная экспедиция могла проводиться при содействии столь мощного вспомогательного средства *.

---

* Может быть, скажут, что, порицая тех, которые хотят базировать свою армию на море, я, повидимому, сам рекомендую теперь такие

Впрочем, нельзя рассчитывать исключительно на флоты, потому что ветры капризны, а поэтому иногда достаточно бури, чтобы рассеять и даже уничтожить флот, на который возлагались все надежды. Последовательный, постепенный подвоз был бы менее рискованным, хотя это и не всегда является надежным средством.

Я не считаю необходимым упоминать здесь о вторжениях, произведенных против соседней державы, вроде вторжений Наполеона в Австрию и Испанию. Это войны обычные, связанные лишь с более или менее далеким продвижением, но не имеющие никаких особенностей и проводящиеся по соображениям, о которых уже достаточно сказано в предыдущих статьях этого труда.

Более или менее враждебное отношение населения, большая или меньшая глубина операционной линии и большое удаление главного объекта действий — вот единственные переменные величины, которые могут потребовать изменений в обычной системе ведения операций.

В самом деле, хотя вторжение в соседнюю страну менее опасно, чем вторжение на далекое расстояние, но и оно подвержено таким же роковым случайностям. Например, французская армия, которая имела бы целью наступление на Кадикс, даже имея хороший базис на Пиренеях с промежуточными базисами на Эбро и Тахо, могла бы погибнуть на Гвадалквивире. Точно так же в 1809 г. французская армия, осаждавшая Комморн в центре Венгрии, в то время как другие армии Франции сражались между Барселоной и Опортю, могла быть уничтожена в равнинах Ваграма, не доходя для этого до Березины. Предыдущие войны, число находящихся в распоряжении войск, одержанные ранее успехи, состояние государства — все это имеет влияние на масштаб возможных предприятий. Великое дарование полководца выразится в соблюдении соответствия со средствами и с обстоятельствами. Что касается политики, которая может иметь влияние на вторжения в соседние страны, то хотя и верно, что она не столь необходима, как при вторжениях на большие расстояния, но все же нельзя забывать правила о том, что не может быть противника столь незначительного, чтобы не стоило постараться сделать его своим союзником. Влияние, которое оказало изменение политики герцога Савойского в 1706 г. на события этой

действия. Но здесь дело идет о средствах подачи продовольствия последовательно через промежуточные базисы, которые армия может иметь, а никак не о перенесении военных операций на берега моря.

эпохи, а также воззвания Морица в Саксонии в 1551 г. и в Баварии в 1813 г. хорошо доказывают, насколько важно приобрести если не содействие, то хотя бы строгий нейтралитет всех соседних с театром войны государств.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРАТЕГИИ

Задача, которую я себе поставил, кажется мне выполненной удовлетворительно теми соображениями, которые мы только что закончили в отношении всех стратегических комбинаций, составляющих обычно план военных действий.

Между тем, как мы показали в начале настоящей главы, большая часть важных операций войны одновременно относится и к стратегии — с точки зрения направления, в котором следует действовать, и к тактике — в отношении того, как следует вести самый бой. Поэтому, прежде чем говорить об этих смешанных действиях, следует изложить здесь комбинации высшей тактики и сражений, а также правила, с помощью которых можно осуществить применение основного принципа войны. Таким способом можно лучше понять единство этих операций, наполовину стратегических, наполовину тактических. Однако, здесь я позволю себе резюмировать содержание только что изложенной нами главы о стратегии.

На основании соображений, изложенных в настоящей главе, можно, по моему мнению, заключить, что способ применения главного принципа войны на всех театрах военных действий состоит в нижеследующем.

1. Уметь воспользоваться выгодами, доставляемыми относительным направлением операционных базисов борющихся сторон, в соответствии с тем, что сказано выше в ст. XVIII относительно исходящих линий и линий, перпендикулярных к базису противника.

2. Из трех полос, которые обыкновенно представляются на стратегической шахматной доске, выбрать ту, на которой можно нанести противнику наиболее гибельные для него удары и на которой мы сами подвергаемся наименьшей опасности.

3. Хорошо выбрать и направить свои операционные линии, принимая при обороне за образец концентрические линии, выбранные эрцгерцогом Карлом в 1796 г., а Наполеоном — в 1814 г. На случай отступления параллельно границам за образец можно взять операционные линии маршала Сульта в 1814 г.

При наступлении, напротив, нужно следовать системе, которая обеспечивала успех операций Наполеона в 1800, 1805 и 1806 гг., т. е. направлять свои силы на крайние точки стратегического фронта противника или же на его центр, как это Наполеону удалось в 1796, 1809 и 1814 гг. Все это должно согласоваться с обоюдным положением армий и с различными правилами, которые изложены в ст. XXI.

4. Хорошо выбирать свои временные маневренные стратегические линии, давая им такое направление, чтобы всегда было можно действовать большею частью своих дивизий и, наоборот, затруднять частям неприятельской армии сосредоточение или взаимную поддержку.

5. Хорошо скомбинировать, руководствуясь тем же духом единства и централизации, все стратегические позиции, а также и расположение всех больших отрядов, которые приходится выделять для охвата соответствующих частей стратегической шахматной доски.

6. Наконец, придать своим массам наибольшую активность и возможно большую подвижность, чтобы последовательным и попеременным использованием их в тех пунктах, где важно нанести удар, достичь главной цели: ввести в дело свои превосходные силы лишь против части неприятельской армии.

Именно при помощи стремительности переходов можно увеличить действие своих сил, нейтрализуя в то же время большую часть сил своего противника. Но если эта быстрота движений часто уже сама по себе достаточна для обеспечения успеха, то ее эффективность увеличивается во сто крат, если искусно выбирается направление действий. Иначе говоря, огромный результат будет лишь тогда, когда усилия будут направлены на решительные стратегические пункты операционной зоны, где могут наноситься наиболее гибельные для противника удары.

Однако, не всегда можно направить свои силы лишь против этого решающего пункта, так как не всегда можно исключить всякие другие пункты. Поэтому иногда можно удовлетвориться тем, что достигнута часть той цели, которая поставлена всей операции, для чего надо умело комбинировать быстрое или последовательное использование всех своих сил против отдельных частей противника, поражение которых становится тогда неизбежным. Если объединить преимущества, предоставляемые быстротой и стремительностью использования масс и правильным их направлением, то можно надеяться одержать победу и извлечь из нее большие результаты.

Операции, лучше всего доказывающие эти истины,—это столь часто цитированные операции 1809 и 1814 гг., а также операция Карно 1793 г. Сорок батальонов, последовательно перевозимых из Дюнкирхена в Менин, Мобеж и Ландау, усиливая находящиеся там армии, дали четыре победы, спасшие Францию. Вся наука о маршах-маневрах заключалась бы в этой мудрой операции, если бы этой комбинации можно было приписать заслугу верного направления сил против решающего стратегического пункта театра войны. Но это было не так, потому что австрийской армии, бывшей тогда главной участницей коалиции и отступавшей к Кельну, французы должны были бы нанести свои самые мощные удары на Маасе. Комитет общественного спасения спас страну от непосредственной опасности, причем замечание, которое я позволил себе сделать, ни в коей мере не снижает заслуг этого маневра. Он представляет собою выражение половины стратегического принципа, другая половина которого состоит как раз в том, чтобы придавать подобным усилиям наиболее решительное направление, как это Наполеон сделал в Ульме, Иене и Регенсбурге. Все стратегическое военное искусство содержится в этих четырех различных применениях. Мне простят столь частое повторение одних и тех же примеров; причину этого я приводил раньше.

Вряд ли, думается, надо добавлять, что одной из великих целей стратегии является обеспечение армии действительных преимуществ путем подготовки для нее наиболее благоприятного театра, если операции будут вестись в своей стране. Расположение крепостей, укрепленных лагерей и предмостных укреплений, а также устройство сообщений по основным решающим направлениям образуют также достаточно интересную часть этой науки. Мы указали на все признаки, по которым легко установить эти линии и решающие пункты, как постоянные, так и временные. Наполеон преподал уроки этого рода путем устройства шоссе через Симплон и Мон-Сенис. Австрийцы благоразумно использовали эти уроки с 1815 г., проложив дороги из Тироля в Ломбардию, Сен-Готард и Сплюген и запроектировав или построив также несколько крепостей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фекьер* (Feuquières) Антон (1648 — 1711) — автор „Мемуаров о войне" (1770 г., четыре тома), французский генерал. Его критическая история войн Людовика XIV не потеряла своего значения и посейчас.

[2] *Фолар* (Folard) Жан-Шарль (1669—1752)—французский тактик, получивший прозвище „французский Вегеций". Он комментировал Полибия. Написал „Новые открытия в военном деле", „Комментарий", „Трактат о колонне" и др.

[3] *Пюисегюр* (Puységur) Жак-Франсуа—маршал Франции (1656—1743). В течение 50 лет военной службы вел все войны Людовиков XIV и XV или участвовал в них. Последние годы жизни посвятил написанию книги „Военное искусство", стремясь доказать существование теории военного искусства. Он указал на значение косого боевого порядка древних.

[4] *Маршал Саксонский* — Мориц Саксонский, граф (1696—1750)—побочный сын саксонского короля Августа II. В 1720 г. маршал С. поступил на французскую службу, был герцогом Курляндским, но изгнан русскими войсками. В войне за австрийское наследство в 1741 г. захватил Прагу, в 1744 г. — маршал Франции; ряд побед (Фонтенуа, Рокур) принес ему звание генерал-фельдмаршала. Сочинение — „Военные мечты" (Париж 1751 г., два тома).

[5] *Фридрих II* (1712 — 1786) написал сочинения „История моего времени", „Главные принципы войны".

[6] *Мезруа* (Maizeroi), участник Семилетней войны, был очень плодовитым военным писателем. Главные его сочинения — „Трактат о конице Ксенофонта", „Военные учреждения императора Льва", „Теоретический и практический курс тактики" (1770 г., четыре тома), „Теория войны".

[7] *Мениль-Дюран* (Ménil-Durand)—ученик Фолара, противник тонкого боевого порядка. Много шуму в свое время наделали его сочинения в защиту глубокого боевого порядка, который он назвал „французским", противопоставляя его боевому порядку Фридриха II.

[8] *Декремвиль* (D'Ecremeville)—опубликовал в 1791 г. три тома истории военного искусства.

[9] *Гибер* (Guibert) Ипполит (1743—1790) — разносторонний писатель, автор трагедий, речей, мемуаров и труда „Общий опыт по тактике" („Essai général de tactique"), изд. 1767 г., доставившего 24-летнему автору европейскую известность. Гибер открыл решительную борьбу с линейной тактикой за колонну, о которой до него писали другие теоретики.

[10] Castrametation от латинского слова „castra" — лагерь, „metari" — измерять: искусство выбора места для военного лагеря и расположения в нем войск. Раньше, до времен Жомини, в русской и иностранной военной литературе это искусство считалось одной из самых важных отраслей военного искусства.

[11] *Лярош-Эймон* — французский эмигрант на прусской службе. В 1808 г. написал также очень ценную в свое время книгу „Служба легких войск".

[12] Здесь речь идет главным образом о следующих сочинениях: *Ксиландер*, „О планах войны с обзором древних и новых войн"; *Валентини*, „Учение о войне"; *Деккер*, „Взгляды на ведение войны в духе времени" и его же — „Тактика трех родов войск".

[13] *Жан-Батист Грибоваль* (1715—1789) — знаменитый артиллерийский генерал, француз, родившийся в Амьене в 1758 г., перешел на австрийскую службу, затем был генерал-инспектором французской артиллерии. Изобретатель особой системы артиллерийского орудия.

[14] *Кенси* (Quincy), „Военная история царствования Людовика XIV"; *Гримоар*, „История завоеваний Густава-Адольфа", „Достопамятные подвиги Тюреня", „Кампании революции"; *Ретцов*, „Характеристика истории Семилетней войны"; *Темпельгоф*, „История Семилетней войны". Этот труд оказал большое влияние на Жомини.

[15] Мы переводим „grande tactique" — высшая тактика, а „tactique de détail" — элементарная тактика.

[16] *Мина* Франциск (1784 — 1836) — предводитель испанских партизан в борьбе с Наполеоном I (впоследствии он же возглавлял борьбу партизан против Фердинанда VII).

[17] Вторжения в Испанию в 1808 и 1823 гг. были агрессивными.

[18] Здесь говорится о Лиге, образованной во Франции в 1576 г. Лига — союз католических партий, основанный герцогом Гизом. Ее кажущаяся, демагогическая, цель состояла в защите католической религии от кальвинистов, а действительная политическая цель — в свержении Генриха III и возведении на французский трон Гизов, „лигеров". С этой целью Лига заключила союз с испанским королем Филиппом II. Генрих IV, отрекшийся от кальвинизма, окончательно подорвал политическое влияние Лиги, сильно себя скомпрометировавшей в общественном мнении своей связью с иностранной державой.

[19] „Combinaisons morales". Несомненно, здесь Жомини далеко опередил своих современников в понимании сущности войны и ее отношения к дипломатии (внешней политике) и к внутренней политике. Своеобразное и тонкое различение политики войны от военной политики („politique de la guerre" и „politique militaire").

[20] Иначе говоря, военная статистика, по терминологии Жомини, есть то, чем теперь занимается в мирное время стратегическая разведка.

[21] Здесь „классический" равносильно „теоретический".

[22] „Des points objectifs" мы переводим принятым у нас в настоящее время термином „объекты действий". Раньше по-русски этот термин переводился словами „предметные пункты" (издание 1840 г.) или „объективные пункты", что совпадает с его (термина) немецким переводом: „Objectspuncte". Но в понятии „objectif" в романских и англо-саксонских языках заключается также понятие „цели", что в русском слове „предмет" отражается слабо.

[23] Эта XXI ст., наряду со ст. XIX, XX и XXII, была наиболее популярна, вызвала больше всего споров, одобрений и порицаний. Как увидит читатель, и здесь Жомини не считается с общепринятой

терминологией. То, что он называет операционной „линией", представляет собой на самом деле, во-первых, достаточно широкую полосу, минимум с тремя или четырьмя дорогами на ней. В то же время, во-вторых, операционная линия у него нечто большее, чем часть территории: она одновременно и идея маневра операции, нуждающаяся, между прочим, для своего воплощения в жизнь и в территориальных линиях и в полосах действий вооруженных сил.

Выражение „операционная линия" введено во всеобщее употребление Жомини, хотя оно и не выдумано им.

[24] Читатель должен обратить внимание на чрезвычайно важное и существенное различие между пониманием смысла выражения „внутренние операционные линии" и общераспространенным, являющимся чисто геометрическим. Жомини вкладывает в свое понятие также элемент времени, необходимого на выполнение маневра. Это, конечно, углубляет и усложняет содержание термина, обычно понимаемого слишком плоско и бессодержательно.

[25] В данном случае депо — сборный пункт пополнений.

[26] *Вобан* (Себастьян, Ле-Претр) — знаменитый военный инженер, маршал Франции (1633 — 1707). Это — замечательный человек XVII столетия, вышедший из низов и лишь благодаря своей воле, уму и необычайной работоспособности достигший даже во Франции старого режима высшего военного поста. Он командовал пятьюдесятью осадами. Он же укреплял границы Франции, построив тридцать три и отремонтировав до трехсот крепостей. Про него говорили: „Город, осажденный Вобаном, все равно, что взят. Укрепленный им — неприступен". Свою жизнь этот „самый честный человек столетия" (Сен-Симон) закончил обращением к королю с требованием реформ, за что и попал в немилость Людовика XIV.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От издательства	3
Предисловие автора	9
Заметка о современной теории войны и о ее полезности	13
Определение военного искусства	29
Глава I. О политике войны	31
Статья I. О наступательных войнах для отстаивания прав	33
Статья II. О войнах оборонительных в политическом отношении и наступательных в отношении военном	34
Статья III. О войнах по расчету	35
Статья IV. О войнах при участии союзников или без них	36
Статья V. О войнах-интервенциях	—
Статья VI. О войнах-вторжениях, предпринимаемых из страсти к завоеваниям или по другим причинам	41
Статья VII. Войны из-за убеждений	44
Статья VIII. О народных (национальных) войнах	47
Статья IX. О гражданских и религиозных войнах	52
Статья X. О войнах на два фронта и об опасности предпринимать одновременно две войны	53
Глава II. О военной политике, или о философии войны	56
Статья XI. О военной статистике и военной географии	57
Статья XII. О разных других факторах, влияющих на успех войны	60
Статья XIII. О военных учреждениях	62
Статья XIV. О командовании армиями и о высшем управлении операциями	71
Статья XV. О военном духе народов и о моральном состоянии армий	79
Глава III. О стратегии	85
Определение и основной принцип	—
Об основном принципе войны	90
О стратегических комбинациях	92
Статья XVI. О системе операций	—
Статья XVII. О театре военных действий	95
Статья XVIII. Об операционных базисах	99
Статья XIX. О стратегических пунктах и линиях, о решающих пунктах театра войны и об объектах действий	107
Об объектах действий	111

Стр.

Статья XX. Об операционных фронтах, о фронтах стратегических, об оборонительных линиях и о стратегических позициях 115
О фронтах операционных и фронтах стратегических . . —
Об оборонительных линиях 119
О стратегических позициях 121

Статья XXI. Об операционных зонах и операционных линиях 124
Стретегические соображения при выборе и направлении операционных линий 127
Замечания об операционных линиях во время войн французской революции 130
Правила использования операционных линий 139
Замечания о внутренних линиях и о нападках, предметом которых они были 150

Статья XXII. О стратегических линиях 158

Статья XXIII. О способе обеспечения операционных линий с помощью временных базисов или же стратегических резервов 163
О стратегических резервах 164

Статья XXIV. О прежней позиционной и о современной маневренной системах войны 167

Статья XXV. О магазинах и их соотношении с маршами 174

Статья XXVI. О границах и об их защите крепостями или укрепленными линиями, об осадной войне 179
Об укрепленных линиях 188

Статья XXVII. Отношения укрепленных лагерей и предмостных укреплений к стратегии 189
О предмостных укреплениях 196

Статья XXVIII. О стратегических операциях в горах . . . 197

Статья XXIX. Несколько слов о больших вторжениях и экспедициях на дальние расстояния 207
Заключительные замечания о стратегии 215
Примечания 218

Редактор майор *Кашаев*
Техн. редактор *Бабочкин*
Корректор *Руднева*

Сдано в производство 10.5.38
Подписано к печати 19.6.39

Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Объем 14 п. л., 13,3 уч.-авт. л.

Уполном. Главлита № Г—3063
Изд. № 258. Зак. № 1793

Отпечатано во 2-й типографии
Воениздата НКО СССР
им. К. Ворошилова
(Ленинград, ул. Герцена, д. № 1).

Цена 10 руб

II
A 845